

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 40 ОКТЯБРЬ 1980

НАГРАДЫ ГЕРО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 40 (2777)

4 ОКТЯБРЯ 1980

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонёк», 1980

1 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил в Кремле высокие награды Советского Союза Ю. В. Романенко и А. Тамayo Мендесу.

При вручении наград были заведующий отделом ЦК КПСС И. Д. Сербин, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, руководитель подготовки советских космонавтов генерал-лейтенант авиации В. А. Шаталов, посол Республики Куба в СССР Северо Агирре дель Кристо, другие официальные лица.

На церемонии вручения наград тов. Л. И. Брежнев, в частности, сказал:

— Не так давно мы говорили, что между нашими странами над бескрайними океанскими просторами перекинут

Я М К О С М О С А

широкий и прочный мост — мост мира и дружбы. Сегодня, товарищи, мы имеем полное право сказать, что этот мост проходит и через просторы космоса. Так повышается уровень нашего братского сотрудничества!

Мужество и героизм членов советско-кубинского космического экипажа получили высокую оценку.

Летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Юрий Викторович Романенко награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда».

Космонавту-исследователю, гражданину Республики Куба Арнальдо Тамайо Мендесу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Дорогие товарищи Романенко и Тамайо! Вручая вам эти награды, которых вы удостоены за мужественный труд в

космосе, за заслуги перед наукой, перед народами наших братских стран, искренне поздравляю вас и желаю крепкого здоровья и новых достижений на благо наших стран и всего человечества.

Пользуясь случаем, хочу также сердечно поздравить вас обоих с высокой наградой братской Кубы — с присвоением вам звания Героя Республики Куба. Больших вам успехов, дорогие друзья!

Ю. В. Романенко и А. Тамайо Мендес выступили с ответными речами.

Во время вручения наград.

Фото С. Гурария

Встреча на аэродроме.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ДРУЖЕСТВЕННЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР 29 сентября в Москву с официальным дружественным визитом прибыл Президент Республики Индии Нилам Санджива Редди.

На Шереметьевском аэродроме Н. С. Редди встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол Республики Индии в Советском Союзе И. К. Гуджрал.

30 сентября в Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова, заместителя Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова, первого заместителя министра иностранных дел СССР В. Ф. Мальцева с Президентом Республики Индии Н. С. Редди.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по основным вопросам советско-индийских отношений, базирующихся на прочном фундаменте Договора 1971 года о мире, дружбе и сотрудничестве между СССР и Республикой Индией.

При обсуждении актуальных международных проблем особое внимание было уделено вопросам упрочения мира и международной безопасности, борьбы против империализма, колониализма и расизма.

Советский Союз, заявил Л. И. Брежнев, последовательно и настойчиво предпринимает усилия, чтобы сохранить разрядку напряженности и придать ей новое дыхание, обеспечить реальный поворот от гонки вооружений к разоружению, добиться справедливого политического урегулирования конфликтных ситуаций.

Было подробно рассмотрено положение в Азии, где активизация деятельности агрессивных сил, все более выступающих заодно, способствует усилению опасной напряженности. Л. И. Брежнев подчеркнул, что империалистическое вмешательство в дела народов придает особенно разрушительный и тяжелый характер конфликтам между странами этого региона, играющим на руку империализму и его пособникам, подрывающим дело мира в Азии и в мире в целом.

Президент Республики Индии Н. С. Редди охарактеризовал традиционную дружбу между Индией и СССР как образец плодотворного, взаимообогащающего сотрудничества, отвечающего как коренным интересам индийского и советского народов, так и интересам всего мира.

Стороны с удовлетворением отметили, что обмен визитами советских и индийских руководителей, личные контакты между ними стали неотъемлемой частью традиционных дружественных двусторонних отношений, вносят весомый вклад в укрепление и расширение советско-индийского сотрудничества.

Во время переговоров.

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Ю. Романенко и Арнальдо Тамайо Мендес после приземления. Телефото спец. корр. ТАСС А. Пушкарева и В. Кузьмина.

«ТАЙМЫРЫ» СНОВА НА ЗЕМЛЕ

По русскому обычаю они присели перед дальней дорожкой, помолчали, встали — пора. Совсем немного уже остается до так называемого динамического участка полета... Если и на Земле в любом прощании — грусть, то что же говорить о космосе? И трудно сказать, кому было труднее, — «Днепрам», Леониду Попову и Валерию Рюмину, 170-е сутки полета которых подошли к концу, или «Таймырам», Юрию Романенко и Арнальдо Тамайо Мендесу, находившимся в космосе неделю. Первым все-таки, наверное... Ведь «Таймыров» ждала родная Земля, ждали осенняя Москва и жаркая Гавана. А «Днепрам» — продолжать свой околоземный рейс, свою трудную и нужную людям работу.

— Ну что ж, пора! Мягкого вам приземления!

— Счастливого продолжения полета!

Последние объятия, последний, чисто кубинский хлопок по плечу — люк «Союза-38» закрывается за «Таймырами». Начинаются операции по расстыковке.

На огромной карте полушарий в Центре управления четко видно, как от «Салюта» отделяется маленькая светящаяся точка. «Союз-38» начинает автономный полет.

— «Таймыры», — приказывает

Земля, — ведите постоянный репортаж.

— Есть включение двигательной установки, — докладывает информатор Центра управления. И через некоторое время слышится уверенный голос Романенко: — Есть разделение отсеков.

— На борту все нормально, — спокойно добавляет Тамайо.

— Нагрузки нарастают, — докладывают с борта спускаемого аппарата. — За стеклом иллюминатора — пламя, видимость ухудшается...

Значит, в небо ворвался управляемый человеком метеорит, значит, радиосвязь прерывается — ведь плазменное облако вокруг аппарата мешает радиоволнам.

— Ведем объект, — сообщают пилоты поисковой группы, — есть раскрытие парашюта.

Плавно приближается к темно-фиолетовой вечерней степи огромный полосатый купол. А потом они радостно и устало улыбались, стоя рядом с аппаратом, обгорелая поверхность которого блестела в электрическом свете...

О чем, интересно, думали космонавты в то первое после полета мгновение? Что можно сказать наверняка, — у них было чувство выполненного долга.

«По программе космического материаловедения, — сообщает на следующий день ТАСС, — получены кристаллы различных полу-

проводниковых материалов. Впервые в условиях невесомости осуществлены эксперименты по выращиванию монокристаллов органических соединений.

В рамках программы исследования природной среды космонавты провели наблюдения и фотографирование поверхности Земли и акватории Мирового океана. Экипаж продолжил также выполнение ряда геофизических экспериментов, начатых во время работы на станции «Салют-6» предыдущими международными экипажами...

А в прошлое воскресенье на площади Революции в Гаване Фидель Кастро с большим волнением говорил, что все эти дни были днями огромной радости и глубокой гордости от того, что гражданин Кубы побывал в космосе. Мы прекрасно понимаем, сколько нужно сделать для того, чтобы такой полет стал возможен, чтобы наша страна получила честь стать первой в Латинской Америке, гражданином которой поднялся над планетой...

Возвращаются на остров Свободы побывавшие в космосе мешочек с сахаром, душистая гаванская сигара, маленький макет героической «Гранмы», значки и эмблемы, символы нашей искренней дружбы.

Сергей МАРКОВ

София, зал «Универсиада». В президиуме Всемирного парламента народов за мир.
Фото О. Юскеселиева (журнал «Отечество», НРБ)

ПАРЛАМЕНТ НАРОДОВ

Б. ЛАБУТИН,
специальный
корреспондент
«Огонька»

В Софии закончил свою работу Всемирный парламент народов за мир. Этой осенью болгарская столица встречает посланцев многих континентов: участников Международной детской ассамблеи «Знамя мира», Международной встречи писателей, международных коллоквиумов и симпозиумов, проводимых в рамках осуществляемой в НРБ культурной программы «Владимир Ильич Ленин». Парламент народов, созданный по инициативе Всемирного Совета Мира, стал самым широким и представительным за последние годы форумом борцов за мир. В нем приняли участие 2260 делегатов из 137 стран.

Я познакомлю вас с некоторыми из них. Вот слышит по коридору, направляясь в зал заседаний, невысокая, средних лет африканка. У нее тяжелая, натруженная походка и мягкое, доброе лицо. Джейн Лусвил Нкуенья из Зимбабве — мать троих детей. Она рассказывала мне, как вместе с семьей провела несколько лет в резервации и не могла вспомнить дня, когда дети ели досыта. В этом году ее родина обрела независимость. Но угроза голода, наследие экономического хаоса, вызванного прежним расистским режимом, остается. Если будут дожди, в феврале дадут урожай поля, засеянные на месте резерваций. А пока правительство Патриотического фронта — в него входит и Джейн — выделяет для голодающих по фунту маиса в день на человека. По данным ООН, каждый четвертый житель Африки голодает или имеет неполноценное питание. «Соединенные Штаты решили создать новые базы в Индийском океане, — сказала Джейн Нкуенья. — Было бы лучше направить хоть часть бессмысленных затрат на вооружения на помощь молодым государствам. Это давно предлагает Советский Союз». Почетным гостем софийско-

го форума был мужественный палестинский патриот Бассам Шакаа, мэр оккупированного Израилем города Наблуса. Вы помните, в прошлом году, попирая все нормы, оккупанты заключили его в тюрьму, но за неимением улик были вынуждены выпустить на свободу. Здесь, в Софии, президент Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра вручил ему медаль имени Сальвадора Альенде. Не забуду этот торжественный и горький миг. Зал поднялся, но Шакаа встать не мог: в результате террористической акции сионистов, предпринятой после неудавшегося ареста, он лишился ног. Это была месть. В городе, коренным жителям которого запрещено строить даже свои дома, он открыл школу, чтобы дети не забывали родной язык... В тот же день в зале «Универсиада» награду имени Хо Ши Мина Р. Чандра вручил Ясиру Арафату, председателю Исполкома Организации освобождения Палестины, не прекращающей стойкую борьбу за права своего народа. Уже более тридцати лет три миллиона палестинцев лишены родины. Какое будущее сулят им те, кто по своему усмотрению дирижирует судьбой целого региона? Путем кэмп-дэвидской сделки — увечивание израильских танков на улицах палестинских городов?

Одна из комиссий, в которых работали делегаты, называлась «Пропганда движения за мир». Речь шла здесь о неотъемлемом праве человека знать правду о том, что происходит на планете. Это особенно важно сейчас, в условиях острой идеологической борьбы, когда средства массовой информации приобретают огромное влияние на формирование общественного мнения. Но примечательная деталь: «свободная» пресса США, например, была представлена на парламенте народов в Софии одной «Дейли уорлд», газетой американских коммунистов. Не приехали на крупнейший форум миролюбивых сил и журналисты из самой многонаселенной страны, народ которой не меньше других нуждается в мире и процветании, — из Китая.

— Уверен, ни одна газета КНР не напечатает и двух правдивых строк о софийской встрече, — говорит член ЦК

Монгольской народно-революционной партии Ч. Сэрээтэр, участвовавший в работе комиссии. — Это не соответствовало бы гегемонистским вождениям Пекина. На китайских картах нет Монголии, нет многих других соседних с ним государств. 40 часов в сутки составляют китайские радиопередачи на МНР, выдержанные в злобном антисоветском, милитаристском духе. Китай стал, по существу, единственной державой, руководство которой официально отвергло разрядку и использует все доступные ему средства, чтобы вести вражду в отношении между народами. По примеру западной пропаганды любую мирную инициативу маоистские рупоры называют «происками Москвы» и открыто исповедуют тезис о неизбежности войны. Это опасная идеологическая диверсия, которой мы должны давать решительный отпор. Цель ее — лишить народы надежды на будущее, сломить их волю к борьбе, расчитать путь для осуществления своих великодержавных планов.

Почти накануне открытия Всемирного парламента народов за мир американский журнал «Тайм» сообщил: «Так же как в старину верили в светопреставление, так сейчас примерно миллион или более американцев убеждены в неизбежной гибели западной цивилизации». На этой основе возник процветающий бизнес. Вот предлагаемый левоверным «рецепт выживания»: стройте убежища, запасайтесь консервами — фирма «Нео-Лайф оф Америка» поставит вам двухгодичный сухой паек, включая растворимый яблочный соус и порошковый маргарин. И тот же пропагандистский подтекст: забудьте слово «мир», это выдумка красных; война была и будет, ведь это средство обеспечения наших «жизненных интересов»...

Эйб Файнгласс, видный профсоюзный деятель США, выступал с трибуны парламента народов от имени самих американцев. Не тех, кто насаждает страх перед войной и наживает дивиденды.

— Нас пугают «советской угрозой», — сказал он. — Эта ложь обходится нам дорого. Прожиточный минимум 25 миллионов американцев ниже официально установленного уровня бедности. Чтобы поднять уровень их

доходов, нужно примерно 11 миллиардов долларов — столько же стоит партия бомбардировщиков «В-1». В стране 12 миллионов безработных. Еще на 2 миллиарда долларов сокращены ассигнования на профессиональное обучение молодежи, это вновь поднимет безработицу. Из-за недостатка средств закрываются госпитали, школы, прежде всего в бедных кварталах. На будущий год намечено сократить на 859 миллионов долларов расходы на социальное страхование, на 400 миллионов — медицинскую помощь малоимущим американцам, на 1600 миллионов — программы борьбы с безработицей. Зато растут аппетиты Пентагона и доходы военно-промышленного комплекса.

Как подсчитали эксперты ООН, восьмью — десяти процентов нынешних мировых затрат на оружие было бы достаточно, чтобы ликвидировать голод, болезни, неграмотность на всем земном шаре. У человечества еще немало проблем более насущных, чем состязание в производстве самых «совершенных» средств уничтожения. На планете немало критических точек. Но ни одну проблему, ни одно противоречие нашей эпохи нельзя решить с помощью гонки вооружений, а тем более с помощью войны. В современных условиях она была бы абсурдом, самоуничтожением. Это главная мысль, прозвучавшая на разных языках с трибуны софийского форума.

«Советский Союз, — говорилось в послании товарища Л. И. Брежнева его участникам, — неоднократно заявлял и подтверждал делом: мы готовы пойти на все необходимые меры, которые направлены на уменьшение угрозы разрушительного военного конфликта. Мы не хотим состязаться в производстве орудий смерти и искренне выступаем за ограничение и сокращение военных arsenалов, за разоружение. Мы готовы к политическому решению любых международных проблем. Для этого нет иного пути, кроме переговоров на основе равенства и одинаковой безопасности, если, разумеется, все их участники будут искренне стремиться к достижению взаимоприемлемых соглашений».

«Рецепт выживания»? Он есть. Не надо прятаться в бункер, запасаться сухим паком. Надо действовать. Чем более массовым и сплоченным станет движение за мир, тем скорее оно победит войну. Об этом заявили делегаты свыше 300 самых различных политических партий и организаций со всех континентов в «Хартии Всемирного парламента народов за мир»:

«Война не является неизбежной! Мир можно сохранить и упрочить!»

Но ни одна страна и ни один народ, никакая партия и организация не в состоянии добиться этого в одиночку. Только наша общая борьба может сорвать преступный заговор против дела мира. Иного пути нет!»

София — Москва.

ПОДАРКОВ ЦЕННЕЙ ДОРОГИХ

О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото
А. НАГРАЛЬЯНА

Н... Наверное, нечасто партийные собрания начинаются вот так — с рассказа о жизни коммуниста. Жизни долгой, трудной и счастливой. Владимир Николаевич Ронгинский вступил в партию 50 лет назад. Стахановец, фронтовик, один из первых на заводе ударников коммунистического труда, он воспитал немало учеников. И вот сегодня один из них, секретарь цеховой парторганизации Н. П. Романчук, волнуясь, говорил обо всем хорошем, чем он сам и многие другие на заводе обязаны ветерану.

Немало добрых слов было сказано, немало упомянуто славных дел, и в глазах Ронгинского светилась гордость: ценней самых дорогих подарков была для него благодарность товарищей. А как согрело сердце ветерана то, что секретарь принародно отметил свое рабочее родство с ним, рассказав, как много лет назад, когда вернулся с целины, с помощью Ронгинского входил в заводскую жизнь.

Уже тогда Владимир Николаевич заметил: в работе новичок сметлив и надежен, как может быть надежен человек, проверенный высоким напряжением первой целинной страды, которую он в зной и стужу провел за баранкой, отмеряя тысячи километров по злому бездорожью тогдашней Акмолинской области. И надежды своего наставника Николай оправдал полностью: ныне он орденоси́нец, талантливый расточник, выполнил свою пятилетку еще в прошлом году и отмечен почетной Ленинской грамотой. Подготовил для цеха с десятком отличных станочников, а за достижения в рационализации и ударный труд премирован ВДНХ медалью и «Москвичом».

И для Владимира Николаевича Ронгинского большая радость сознавать, что дело, которому он посвятил всю свою жизнь, будет продолжено Н. П. Романчуком, М. И. Аникиным, Л. М. Никифоровым — коммунистами иного поколения, но той же крепкой зака-

ки, обостренного чувства ответственности за все, что происходит вокруг.

Десятый цех — ведущий в машиностроительном производственном объединении имени Карла Маркса, специализирующемся на выпуске машин и оборудования для текстильной промышленности. В цехе работает 146 человек, причем 40 из них — члены КПСС. К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина одиннадцать коммунистов в числе первых завершили плановое задание пятилетки, а это, согласитесь, достаточно красноречиво характеризует авангардную роль первичной организации в жизни коллектива.

Но не только и не столько успехам был посвящен отчетный доклад секретаря. Накануне XXVI съезда партии особое значение приобретает честный, требовательный анализ не использованных еще возможностей, определение перспектив на одиннадцатую пятилетку, рубежи которой будут, безусловно, выше достигнутых и потребуют от каждого коммуниста напряжения сил и способностей.

Вот почему ведущей темой собрания стал разговор о развитии социалистического соревнования, обогатившегося за последние годы новыми формами. В частности, около половины всех рабочих Ленинграда и области перешли сейчас на бригадную организацию труда. Семь таких бригад действуют в цехе. Становление их проходит непросто, ведь, по сути, это переход на более высокую ступень организации труда, переход, связанный с болезненной для некоторых хозяйственников ломкой сложившейся структуры производства.

— Сорок два человека объединены у нас в такие бригады, — сказал руководитель одной из них, Л. М. Никифоров. — В том числе пятнадцать коммунистов. И я считаю, что именно на нас лежит моральная ответственность за судьбу эксперимента. Ценность его измеряется не только экономической эффективностью. Не менее важен нравственный аспект, поскольку переход к коллективной форме организации труда — это и повышение взаимной требовательности рабочих и более широкие возможности для личного самосовершенствования.

До начала собрания я побывал на участке Леонида Михайловича. Участок этот уникален разнообразием техники, как, собственно, уникальна и сама специальность Никифорова. Называется она «не-вкусно» — зуборез. Без долгого

Идет отчетно-выборное цеховое собрание. Выступает секретарь партбюро Н. П. Романчук.

Разговор о жизни цеха. Зал — весь внимание.

учения ею не овладеешь: ведь необходимо виртуозно освоить хотя бы 10 (!) станочных специальностей. Такова специфика работы, и не случайно нет у нас пока что ПТУ, которое готовило бы зуборезов. Вырастают они на заводах из вчерашних слесарей, токарей, фрезеровщиков. Человек, овладевший этой профессией, пользуется среди коллег особым уважением.

Но, удивительно, сам Никифоров молод. Да и бригаде его, если брать средний возраст, не исполнилось еще тридцати. Все росли и учились здесь и первыми рискнули опробовать единый наряд. Результат — выигрывать во времени и опровержение старой поговорки насчет «молодо-зелено». Скоро будет провожать в армию Сергея Арабина: пришел сюда неоперившимся токарем и за два года почти стал зуборезом, так как хорошо

изучил «всего» четыре специальности. Обещает догнать остальных, когда вернется из армии. Верится, что так и будет, поскольку постоянная, ежедневная учеба бригады ведется по осознанной потребности. Работают ребята вместе пять лет, расставаться не хотят, а значит, вместе пойдут и дальше — пределов совершенства их профессия в принципе не имеет. Кстати, любопытная деталь: десятилетним членом бригады стал сейчас журналист. Пишет о зуборезах книгу, и я, честно говоря, позавидовал ему — до того интересный, талантливый народ подобрался на участке.

Итак, за словами Никифорова стоит очень многое. И прежде всего горячая, проверенная личным опытом убежденность в правильности начатой по инициативе коммунистов реорганизации. Вместе с тем на собрании справедливо от-

мечалось, что партиям предстоит еще очень многое сделать для совершенствования системы планирования и материального обеспечения, рационализации внутрицеховых связей, психологического настроя людей на новые трудовые взаимоотношения.

Посильна ли эта задача? Вполне. Хотя бы потому, что у коммунистов цеха слово не расходится с делом, и, ратуя за внедрение нового, они агитируют за него личным примером. Взять хотя бы расточника Евгения Павловича Алексеева. Ему 40 лет. Специальностью владеет виртуозно. Но живет в нем счастливый дух неудовлетворенности взятой уже высотой. В этой пятилетке он освоил агрегатно-расточный, подрезной станки, получил права крановщика.

Такие люди создают авторитет партийной организации. Теперь понятно, почему отчетно-выборное собрание началось с чествования ветерана. Отношение к ним, ветеранам, — безошибочный показатель подлинной культуры, сплоченности коллектива, и это была естественная дань уважения не только Владимиру Николаевичу Ронгинскому, но и его поколению.

Широкую известность это предприятие обрело после выступления газеты «Правда» 30 июля 1930 года. Предыстория была такова. Поздней осенью 1929 года завод имени Карла Маркса получил важное правительственное задание: в кратчайшие сроки изготовить первый отечественный ватер, сложнейшую текстильную машину, в которой остро нуждались предприятия страны, оснащенные тогда иностранной, изрядно поизносившейся с царских времен техникой. С точки зрения зарубежных спецов, задание казалось нереальным: производство текстильной техники по своей трудности во все времена считалось элитой машиностроения, и попытка создать новую машину выглядела для иностранцев абсурдной. Однако чудо состоялось. Ровно через 25 дней (!) свой, доморощенный ватер стоял в цехе. Самая строгая из приемных комиссий — делегация иваново-вознесенских ткачей, придирчиво ощущав каждую его деталь, вынесла приговор: «Сделано по высшему классу!» И в дальнейшем ткачи подтвердили справедливость своих слов, установив на этих агрегатах выдающиеся рекорды производительности.

Началось массовое производство машин. А в апреле 1930-го случилось на заводе имени Карла Маркса ЧП — из-за срывов поставок под угрозой оказалась месячная программа. К 20 апреля было готово лишь 3 ватера из 15. Однако коммунисты цеха на своем собрании вынесли резолюцию: «Несмотря ни на что, план перевыполнить!» Их порыв поддержал весь завод. Страна готовилась к XVI съезду партии, и это событие всем хотелось отметить достойным подарком. Пересмотрев свои возможности, люди приходили к бригадирам и просили записать им в дневной план по полторы-две нормы, а потом перекрывали и эти свои заявки. Так в невероятно короткие сроки родился не просто 16-й сверхплановый ватер, но и почин, которому суждено было войти в историю нашей страны. И вскоре на страницах центрального органа партии рабочие рассказали о том, как создавался встречный промфинплан, и о том, что дал он предприятию. Завод благодаря

встречному выполнил свою первую пятилетку за два с половиной года. Нынешним летом здесь торжественно отметили 50-летие почина, а вахта в его честь стала естественным продолжением ленинской вахты, ибо события эти, по существу, неотделимы друг от друга, как неотделим гений В. И. Ленина от практического воплощения рабочим классом его жизнеутверждающих идей.

Для коллектива завода встречный не просто история. Неразрывна духовная связь поколений, живы, продолжают традиции. И сегодня труженики объединения выступают застрельщиками многих хороших инициатив. На собрании, в частности, отмечался опыт бригады Александра Александровича Сергеева, поддержавшей почин токаря В. Г. Белова, который предложил соревноваться за звание коллектива отличного качества. Суть начинания в воспитании высокой ответственности каждого члена бригады, получившей право сдавать детали, минуя контроль ОТК. Эта форма соревнования созвучна единому наряду, прекрасно дополняет его, и за ней большое будущее, что уже подтверждено широким распространением почина на предприятиях Ленинграда.

Заметьте: и в этой инициативе особое внимание уделяется воспитанию надежной смены. Забота о молодежи — черта, весьма характерная для Ленинградской партийной организации. Здесь впервые в стране осуществлен переход на подготовку в ПТУ специалистов со средним образованием. И общая эта забота отразилась в повестке дня цехового собрания, на котором подробно обсуждалось состояние работы с молодежью, конкретные меры по трудоустройству одиннадцати выпускников ПТУ, пополнивших цех нынешней осенью. Причем следует подчеркнуть принципиальный характер обсуждения. Заместитель начальника цеха Ю. И. Шамаков высказал справедливые претензии секретарю комитета комсомола объединения В. А. Князкову, состоящему на партучете в цехе. За общезаводскими делами Виктор подзабыл, что с него как с члена данной парторганизации особый спрос за состояние комсомольской работы в цехе. Думаю, этот доброжелательный и справедливый упрек старших товарищей запомнится и поможет молодому коммунисту.

...Внимание к человеку — вот, пожалуй, главная отличительная черта отчетно-выборного собрания, состоявшегося в 10-м цехе. Круг вопросов, рассмотренных здесь, охватывал все сферы работы партийной организации. Каждая проблема анализировалась сквозь призму личной ответственности коммунистов за производство, за морально-психологический климат коллектива. С позиции высокой требовательности, деловитости говорили коммунисты о том, как успешно завершить год, как образцово подготовиться к предстоящему съезду партии.

«Каждое конструктивное выступление на партийных собраниях и конференциях, каждое дельное предложение должно быть воплощено в практику», — отмечал Л. И. Брежнев на недавнем торжественном заседании в Алма-Ате. Эти слова четко определяют перспективы работы нового цехового бюро...

Ленинград.

ВДОХНОВЕННЫЙ ТРУД

Киевские приборостроители ко Дню Конституции выполняют последний показатель пятилетнего плана.

Когда человек ловко и с удовольствием работает, трудно отвести взгляд. Лишний раз в этом убеждаешься, попадая в первый сборочный. Бесшумный конвейер, мягкий, спокойный свет, молодые привлекательные лица... Каждое рабочее место — это пульт, в который вмонтированы десятки приборов, штепсели, гнезда с необходимым инструментом.

— Видите, как сосредоточенно и с увлечением здесь работают, — говорит начальник цеха Валерий Петрович Квашин. — Иначе нельзя. Сердце этого, например, прибора крепится на тончайшей проволоке из платинового сплава. Она должна быть закреплена с небольшим, но четко выверенным натяжением. Тут ни спешить, ни отвлекаться нельзя. Впрочем, как и при изготовлении другой нашей продукции. Нет больше предприятия в стране, на котором делали бы подобные приборы столь высокой точности.

Когда приходит новичок, — продолжает Валерий Петрович, — мы внимательно изучаем его характер и наклонности. Месяца два пробуем его на одной работе, на другой... Прикрепляем лучших наставников, таких, как Нина Михайловна Кукурикова или Екатерина Яковлевна Джемай. Результат — 97 процентов продукции цеха — высшего качества.

Наташа Попова пришла в цех два года назад. Она отлично освоила тончайшую работу изготовителя шкал, которая требует ювелирной точности чертежника и уверенной руки гравера.

А с какой увлеченностью трудится Петр Владимирович Лукьянов — бригадир сборщиков. Он не просто исполнитель, но и создатель многих сложных приборов. Именно такие мастера обеспечивают приборам чувствительность, которая, как говорят, на грани интуиции.

...В кабинете начальника цеха на видном месте висит табличка: «Кто хочет выполнить задание — находит средства, кто не хочет — находит причину». Эти слова лучше всего характеризуют работу всего коллектива орденосного производственного объединения «Точэлектроприбор». За годы пятилетки здесь вдвое увеличился выпуск продукции, а состав работающих остался практически прежним. Пятилетнее задание по росту производительности труда коллектив объединения выполнил в июле прошлого года, а по темпам роста производства — в декабре. Переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, которое хранится на заводе, много лет уже никуда не переходит.

Руководство завода, партийная организация, весь коллектив отлично понимают, что высшего уровня достигнуть легче, нежели длительное время удержаться на нем. Поэтому здесь не устают искать и находить новые пути в решении производственных, экономических и социальных задач. Создана и постоянно совершенствуется автоматизированная система управления производством, комплексная система управления качеством продукции, разработано огромное количество стандартов предприятия, в том числе и стандарт по культуре производства.

Из года в год киевские приборостроители снижают расход стали и цветных металлов на единицу продукции, выступают инициаторами внедрения прогрессивных технологий, новых методов организации труда и контроля качества продукции. Нынешним летом, обсуждая итоги июньского Пленума ЦК КПСС, коллектив первого сборочного цеха решил начать соревнование за достойную встречу XXVI съезда КПСС. Его поддерживали рабочие других цехов и служб. В результате были взяты повышенные обязательства: выполнить план нынешней пятилетки по объему выпуска товарной продукции ко Дню Конституции и до конца года сверх плана изготовить на 18,5 миллиона рублей приборов, столь необходимых науке и промышленности. Годовой план по росту производительности труда будет перевыполнен на 14 процентов.

Отличный трудовой финиш нынешнего года позволил киевским приборостроителям взять и такие обязательства: ко Дню открытия XXVI съезда КПСС изготовить сверх плана первых двух месяцев 1981 года на 150 тысяч рублей приборов и систем.

С. КАЛИНИЧЕВ

Пятиэтажный дом № 19 на Ново-Басманной улице Москвы. В небольшом уютном зале на втором этаже — музей. На стенах — портреты отечественных и зарубежных писателей, в витринах — их книги, выпущенные издательством.

Наш корреспондент ведет беседу с директором издательства «Художественная литература» В. О. Осиповым.

— Валентин Осипович, за 50 лет существования издательство «Художественная литература» выпустило свыше пятнадцати тысяч названий книг. Это океан человеческих знаний, духовного опыта. Последними образцами продукции издательства были произведения самых различных авторов: в серии «Классики и современники» вышел том А. Куприна и роман Н. Чернышевского «Что делать?»; любитель творчества современного прозаика Ю. Нагибина получил первый том его собрания сочинений, а поэт Д. Самойлов выпустил «Избранное»; национальные литературы представлены именами Ш. Рашидова, М. Случкиса, а западные — именами Т. Драйзера, Р. Ж. Гимаринса.

Интересно было бы узнать, что за книги выпустило издательство

— Значит, история образования крупнейшего в стране издательства по выпуску художественной литературы восходит к самому началу советского книгоиздательского дела?

— Да, это так, и в его деятельности большая роль принадлежит М. Горькому, который писал В. И. Ленину в 1919 году: «На днях закончим печатание перечня книг, предположенных к изданию «Всемирной литературой». Я думаю, что не худо будет перевести эти списки на все европейские языки и разослать их в Германию, Англию, Францию, скандинавские страны и т. д., дабы пролетариат Запада, а также Уэллсы и разные Шейдеманы видели воочию, что российский пролетариат не только не варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они, культурные люди...» Таким образом, завершение недавно новой, 200-томной «Библиотеки всемирной литературы», получившей широкий резонанс во всем читательском мире, прямыми нитями связывает нас с идеями Ленина и его программными указаниями о необходимости усвоения всех тех духовных богатств, что выработало человечество. Он и сегодня не меркнущее мудр, этот ленинский

рина в 20, Чехова в 20, Бунина в 9, Брюсова в 7 томах, а также Горького в 30 томах и Маяковского в 13. Начатое в год 150-летия Л. Толстого собрание его сочинений в 22 томах выпускается тиражом, которого не знает мировая издательская практика, — 1 миллион экземпляров.

«ХЛ» подготавливает в виде «Избранного» произведения Веневитинова, Вяземского, Вельтмана, Григоровича, Державина, Загоскина, Карамзина, В. Одоевского, Писемского, Фета...

Здесь следует отметить, что наше издательство впервые начало широко использовать достижения текстологической науки. По-иному зазвучали в наших изданиях строфы Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко, восстановлены ценнейшие страницы Гоголя, Герцена, Чернышевского.

Неоценимую роль в пропаганде творчества отечественной классики играют выпускаемые «ХЛ» мемуары и книги редакции литературоведения и критики. В последние годы вышли воспоминания о Пушкине и Грибоедове, Лермонтове и Гоголе, Белинском и Достоевском, Толстом и Чехове.

Своей важнейшей задачей издательство считает пропаганду русской советской литературы. Если я начну называть имена писателей — наших современников, чьи произведения вышли под маркой «Художественная литература», — это будет огромный список, что называется от «А» до «Я»: от Михаила Алексеева и Виктора Астафьева до Александра Чаковского и Александра Яшина.

— Хотелось бы, чтобы вы остановились на пропаганде творчества наших национальных литератур. Ведь «Художественная литература» занимается изданием произведений писателей, творящих на 76 языках народов СССР.

— Когда в 1936 году было опубликовано стихотворение П. Тычины «Чувство семьи единой», его название сразу же стало крылатым — настолько метко определил выдающийся украинский поэт святое чувство единения народов нашего государства. Нельзя представить себе любую домашнюю библиотеку без книг Олеса Гончара и Максима Танка, Расула Гамзатова и Нодара Думбадзе, Кайсына Кулиева и Александра Корнейчука... Еще недавно наше издательство выпускало книги преимущественно национальных классиков, но бурное развитие многонациональной советской литературы выдвинуло десятки имен, чье творчество с полным правом заслуживает издания в виде многотомников. В послевоенное время

вышли, к примеру, шеститомное собрание С. Айни, пятитомные — М. Ауэзова, С. Зорьяна, трехтомные — Э. Межелайтиса, Д. Кугультинова...

— Почти пятнадцать лет миллионы любителей книги в нашей стране и за рубежом ждали, как события, появления из печати очередного тома «Библиотеки всемирной литературы». Думается, что по подбору имен и литературных библиотек удовлетворила вкусы самых широких читательских масс?

— Да, это так, поскольку нет ни одной страны мира, литература которой не была бы представлена в «БВЛ» или в других изданиях «Художественной литературы». Мы, например, сейчас приступаем к изданию «Африканского альманаха». Да один перечисления серий и библиотек уже дают представление о большой работе, которую ведет издательство, знакомая советских читателей с мировыми литературами: «Библиотека литературы Франции», «Поэзия Востока — XX век», «Классическая проза Востока», «Библиотека современной литературы Финляндии», «Библиотека латиноамериканской поэзии»...

О самой же «БВЛ» можно сказать, что это гордость «Художественной литературы»: 200 томов, содержащих произведения 3235 выдающихся писателей 80 стран мира. За разработку и осуществление принципов ее издания группа ученых-литературоведов, писателей-переводчиков, издательских работников была удостоена Государственной премии СССР.

— И последний вопрос, Валентин Осипович: о планах издательства и в связи с ними о том, что предпринимает «Художественная литература» для снижения так называемого «книжного бума», обременявшего в последние годы.

— Решения июньского Пленума ЦК КПСС воодушевили коллектив издательства. Дополнительно к плану среди других изданий запланировали поэтический сборник «Товарищ Партия». Большие задачи стоят перед нами в ближайшем пятилетии. На смену «БВЛ» пришли два новых издания: «Библиотека классики» и серия книг «Классики и современники». Будут продолжены завоевавшие авторитет серии и библиотеки: «Произведения, удостоенные Ленинской премии», «Памятники литературы Древней Руси», памятники античной литературы, литературные мемуары. В год 60-летия образования СССР выйдет юбилейный шеститомник, появятся тома новых библиотек художественной литературы МНР, США, Франции. По заданию Госкомиздата в ближайшие пять лет выйдет 68 собраний сочинений, среди которых произведения современных советских писателей Л. Леонова, В. Каверина, Г. Маркова, С. Михалкова, А. Аганиева, В. Солоухина, Е. Винокурова, Е. Евтушенко.

Да, мы постоянно помним о наших покупателях и читателях. Именно для того, чтобы пополнить их библиотеки, мы стали выпускать серии книг в мягких обложках, тираж которых достигает двух миллионов экземпляров. Поиск внутрииздательских резервов позволяет уже в этом предсезонном году и в год съезда КПСС передать читателям дополнительно к плану более двух миллионов экземпляров книг.

— От имени читателей «Огонька» поздравляет коллектив издательства с награждением орденом Трудового Красного Знамени.

— Спасибо!

Беседу вел Ф. ПОКРОВСКИЙ

К 50-ЛЕТИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

в самом начале своей деятельности.

— Это как считать: ведь наше издательство образовалось в октябре 1930 года на базе слияния литературно-художественного сектора ОГИЗа, созданного в 1919 году, издательства «Земля и фабрика» и «Всемирная литература», организованных М. Горьким.

План-каталог издательства «Всемирная литература», разработанный в 1919 году при участии Блока, Ладыжникова, А. Тихонова и других известных деятелей культуры, содержал более тысячи пятисот названий. Но намеченный план не мог быть в то время полностью осуществлен из-за недостатка бумаги и слабой технической оснащенности полиграфической базы. В первые годы Советской власти было выпущено 120 томов «Библиотеки всемирной литературы» — святынь мировой классики, — их подготовило издательство, впоследствии влившееся в «Художественную литературу».

Издательство постоянно стремилось своевременно откликаться на важнейшие события в жизни народа. Вот почему в первые годы существования «ХЛ» выходили прежде всего самые «горячие» произведения тех лет: «Поднятая целина» Шолохова, «Соть» Леонова, «Время, вперед!» Катаева, «Цемент» Гладкова, «Гидроцентральный» Шагинян, стихи и поэмы Маяковского, Есенина, Тихонова.

принцип энциклопедичности, системности знаний.

— Валентин Осипович, расскажите о принципах подбора и выпуска произведений вашим издательством. Некоторые читатели, я в этом убеждался, не до конца понимают специфику работы таких различных центральных издательств, как «Советский писатель», «Молодая гвардия» и «Художественная литература».

— Профиль Гослитиздата окончательно определился после присоединения в 1937 году издательства «Academia»: выпуск в первую очередь отечественной классической и советской литературы (русской и народов СССР), классической и современной зарубежной литературы и книг по литературоведению и критике. Специализация обусловила разнообразие типов и серий изданий. Характерная особенность нашего издательства — выпуск собраний сочинений.

Первым было уникальное академическое собрание сочинений Л. Толстого в 90 томах. Идея его выпуска принадлежала Ленину. Оно начало выходить в год 100-летнего юбилея Толстого (1928 г.) и завершилось в 1958 году.

Только за послевоенные годы издано свыше 2 тысяч томов более 300 собраний сочинений выдающихся писателей всех времен и народов. Событиями в культурной жизни страны явились выходы собраний сочинений Пушкина в 10 томах, Лермонтова в 4, Некрасова в 12, Салтыкова-Щед-

ПЛЮС ЭНЕРГИЯ СОЛНЦА

С. ВЛАСОВ

Фото Г. КОПОСОВА

С

олнце... Мы так привыкли к его существованию, что порой забываем о том, насколько от него зависим. Если сегодня мы имеем возможность черпать из недр земли нефть, газ, уголь, то об этом когда-то позаботилось оно — Солнце. Если дожди поят землю, то в этом тоже его заслуга — своим жаром оно собрало океанскую воду в тучи. Если мы сыты, то и за это в первую очередь мы должны быть благодарны Солнцу.

А как велики запасы его тепла! За одну секунду оно излучает энергии больше, чем использовано человечеством за всю историю. За два дня Солнце отдает нашей планете столько тепла и света, сколько можно было бы получить, если бы сжечь сразу все запасы угля и нефти на Земле. Как показывают расчеты, солнечного света, падающего в пустыне Каракум на квадрат со стороной в шестьдесят километров, хватило бы для снабжения электроэнергией всего человечества.

Сумеет ли человек когда-нибудь приручить эту энергию, использовать ее на благо Земли?

Сегодня идея эта уже не кажется фантастической. Во многих странах мира существуют проекты и разработки по использованию солнечной энергии. Ведутся подобные исследования и у нас. В Узбекистане, Казахстане, Молдавии, на Украине, в Российской Федерации.

Солнечная энергетика пока еще в пеленках. Ее становление, как и всякое рождение нового, идет нелегко. Эти заметки — о трудностях первых шагов, о тех людях, которые стоят у истоков нового направления энергетике в самой солнечной из наших республик — Туркмении.

РАБОТАЙТЕ, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Недалеко от Ашхабада, в живописном местечке Бикрова, создано научно-производственное объединение «Солнце». НПО — это по идее наука плюс производство. С наукой все вроде бы ясно: есть Институт солнечной энергии АН Туркмении (на его научной базе и создано объединение), есть множество проектов использования энергии Солнца, а вот каково их « воплощение в металл »?

Тот, кто бывал летом в Туркмении, знает, что такое « около пятидесяти градусов в тени ». Земля при этом прогревается чуть ли не до восьмидесяти. Стены домов раскалены, как печки. В помещении можно живьем изжариться, особенно непривычному человеку. Спасают кондиционеры. Но они громоздки, дороги, к тому же сами потребляют немало дорогой электроэнергии.

Туркменские ученые и инженеры нашли другой выход. Вместе с доктором технических наук заведующим лабораторией солнечного охлаждения А. К. Какабаевым поднимаемся на верх трехэтажного дома. Обычная поката крыша, покрытая черным рубероидом. И если тебе не скажут, то вряд ли догадаешься, что это не просто крыша дома, а « регенератор раствора ». Для чего он нужен? Для того, чтобы заставить жаркое Солнце создавать в доме

прохладу. Необычная роль для нашего светила, не правда ли?

Крыша своей наклонной плоскостью обращена к югу с тем расчетом, чтобы уловить как можно больше солнечного тепла. Солнце нагревает раствор, циркулирующий под тонким покрытием крыши, а он поступает в холодильную установку, которая и снабжает дом прохладным воздухом. Чем жарче печет Солнце, тем эффективнее работает система.

Так в самый сильный зной удается создать в комнатах температуру 25—27 градусов. Государственная комиссия оценила такую систему кондиционирования как один из самых удачных вариантов для условий жаркого климата. Сейчас в Ашхабаде достраивается 128-квартирный дом с системой солнечного охлаждения, планируется строительство второго такого же.

Какой еще работе обучили его высочество Солнце? В лаборатории высоких температур ему доверено весьма ответственное дело: получение сверхчистых и тугоплавких металлов, синтез полупроводниковых материалов. Заведующий лабораторией Назар Корпеев подводит нас к солнечной печи. Огромное, загадочное на первый взгляд сооружение. Большое плоское зеркало ловит солнечные лучи и направляет их на вогнутое зеркало, которое собирает лучи в фокус и создает температуру в несколько тысяч градусов.

Корпеев достает стальную пластинку и пинцетом осторожно подносит ее к фокусной точке. Через несколько секунд сталь начинает плавиться. Зрелище удивительное — невидимые лучи плавят металл! И хотя все довольно просто объясняется законами оптики, тебя не оставляет ощущение нереальности увиденного. И тут же на память приходит хрестоматийный случай — Архимед, пытающийся поджечь корабли римлян с помощью системы зеркал. В общем, тот же принцип действия.

Не менее яркое впечатление оставляет установка для выращивания хлореллы. Многогранный изумрудного цвета реактор высотой в два человеческих роста сверкает на солнце множеством стеклянных трубок. По ним циркулирует суспензия с хлореллой. Эта микроводоросль стала в последнее время необычайно популярной. Она оказалась вполне пригодной для питания не только животных, но и человека. Французы и японцы, например, добавляют ее в конфеты, югославы — в пирожки.

Исследования показали, — говорит заместитель генерального директора НПО «Солнце», кандидат технических наук Чары Аманович Аманов, — что ежегодный привес овец, потребляющих, кроме прочих кормов, хлореллу, составляет около тридцати процентов. Корма при этом лучше усваиваются, рацион обогащается питательными веществами и витаминами. « Зеленое молоко » — так иногда называют животноводы суспензию хлореллы за ее питательные свойства.

Словом, доказывать пользу и необходимость производства этой чудо-водоросли сегодня нужды нет. В Узбекистане, например, существует уже около пятидесяти открытых бассейнов для ее выращивания. Туркменские ученые совместно со специалистами Всесоюзного НИИ биотехники впервые в стране создали для этого принципиально новую установку — закрытого типа. Использование в ее работе солнечного света уменьшает потребление электроэнергии на восемьдесят процентов.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ КАМНЯ

И все-таки не хотелось бы, чтобы у читателя появилось впечатление, что в НПО «Солнце» все проблемы решены и осталось только навести последний глянец. Нет, как раз все

иначе. Берем на себя смелость сказать, что как такового Научно-производственного объединения пока нет. То есть по приказам, по штатному расписанию уже целый год оно существует, но если бы все определялось штатным расписанием! Нет пока ни конструкторского бюро, ни завода, где бы разрабатывалось и выпускалось необходимое оборудование. И хотя разговоры об их строительстве ведутся давно, дело движется намного медленнее, чем хотелось бы.

Да, многое еще предстоит сделать, многое решить.

Материалы — вот острейшая проблема, стоящая перед гелиотехниками. Трудно найти более агрессивную среду, чем та, в которой приходится работать оборудованию солнечной энергетике. Железо в тех же, например, опреснителях под воздействием соленой воды и солнца разрушается чуть ли не в десять раз быстрее, чем в обычных условиях.

Можно ли найти металлу надежный и дешевый заменитель? Проблема эта очень непростая, и тем не менее ашхабадские ученые, кажется, ее успешно разрешили. Они предложили получать заменитель из песка, самого обычного барханного песка, которого в Каракумах, сами понимаете, предостаточно.

Песок расплавляют, вытягивают в тончайшие нити, а из них потом хоть материя тки, хоть плитки или прутья для армирования бетона делай. Именно такой бетон и нужен для гелиотехники.

Не менее удивительными свойствами обладают волокна, полученные из природного камня — базальта. О них нам рассказал очень интересный человек, Владимир Степанович Лапин, заведующий лабораторией материалов, автор нескольких изобретений по базальтовым волокнам.

— Бетон, армированный базальтовым волокном, — говорит Владимир Степанович, — намного более стоек в агрессивных средах, прочнее и легче. Толщина и вес конструкций могут быть уменьшены почти в десять раз. Представляете, какая экономия лишь на транспорте! А проблема теплоизоляции. Даже если мы широко внедрим солнечное охлаждение и обогрев в быту, это не решит проблемы, пока мы не научимся строить дома так, чтобы они зимой сохраняли тепло, а летом — прохладу. Ведь до сих пор из-за плохой теплоизоляции квартир в зимнюю пору мы отапливаем улицы, а в жару — их охлаждаем. Базальтовые же волокна могут быть прекрасными изоляторами.

— Так, значит, надо скорее налаживать их производство!

— В том-то и загвоздка... — сокрушается Лапин. — Хотя в этих материалах остро нуждаются многие строительные организации, не говоря уже о гелиотехниках, в республике волокна пока не выпускаются.

Да, есть от чего прийти в уныние. Начиная с 1975 года Совет Министров Туркмении издавал несколько постановлений и распоряжений относительно производства базальтовых волокон из местного камня, запасы которого оцениваются в один миллион тонн, но до сих пор в этом направлении почти ничего не сделано. Правда, есть надежда, что теперь, когда строительство цеха базальтовых волокон в Чарджоу взял под свой личный контроль министр

Заведующий лабораторией высоких температур Назар Корпеев ведет плавку металла. * Солнечная печь, где может создаваться температура в несколько тысяч градусов.

ПОГИБ ГЕРОЕМ

22 июня личный состав бывшего 208-го скоростного ближнебомбардировочного авиационного полка, входившего в состав 46-й авиадивизии МВО, построили на опушке леса. Комиссар объявил, что началась война.

5 июля группа летчиков получила очередной приказ — разбомбить колонну вражеских танков. Выполнив задачу, они возвращались домой. В районе Полоцка, над станцией Боровуха-1, их догнали одиннадцать вражеских истребителей.

В кабине самолета Лева Новикова полетели стекла, штурман Николай Шагоненко был ранен, и командир приказал ему прыгать. Сам он упал на поле. Когда к нему подбежали люди, успел только сказать: «Спасибо, друзья!» — и умер.

А всего несколько дней назад Лев писал жене Павле: «Здравствуй, милая Паша!

Да, как тяжело расставаться с близким другом, последние минуты хочешь сделать часами, но они пробегают секундами. А за эти десять дней я уже проводил двоих друзей — хороших боевых товарищей».

Лев Новиков не знал тогда, что его дочь Галинка увидит отца только на фотографии. Через три с лишним десятилетия Павла Павловна получит письмо от Николая Николаевича Сова:

«Хорошо, очень хорошо помню Лева, нашего командира

Лев Новиков с женой Павлой. 1940 год.

звена. Мы все его любили за большую доброту и отзывчивость к нам, тогда еще молодым летчикам и штурманам. Другие ребята завидовали, что мы попали к такому командиру.

В первые дни войны Лева особенно часто вспоминал вас, беспокоился, все говорил: «Как там она одна в такое тяжелое время?» Он вас очень любил, и этим гордился, и всегда говорил нам о своей любви, не стесняясь, хотя мы были тогда совсем мальчишками.

Пишу вам письмо, а моя супруга Мария Ивановна рядом заливаясь слезами.

Передайте от нас привет ва-

шей дочке Галочке, пусть она знает, что ее отец погиб героем, защищая собственную жизнь нашу Родину».

5 июля 1941 года штурман Николай Шагоненко похоронил летчика Новикова и стрелка-радиста Осадчего в воронке, образовавшейся при взрыве упавшего самолета (он узнал свою машину по номеру пулемета). В 1975 году Николай Дмитриевич Шагоненко написал следопытам школы в Боровухе письмо с просьбой положить в День Победы цветы на могилу Новикова и Осадчего, нарисовал план, по которому следовало искать то место. Ребята сделали больше:

нашли останки погибших и перезахоронили их в братской могиле у сельского Совета. В том же году в Боровуху из Ленинграда приехали Павла Павловна с дочерью Галиной Львовной. А до этого они не знали, где похоронен дорогой им человек. Вот строки из письма Павлы Павловны Николаю Дмитриевичу Шагоненко:

«Дорогой друг! 32 года я не могла найти никого из тех, кто воевал рядом с моим мужем. Думала, грешным делом, что только я его помню. Спасибо вам, что помогли разыскать могилу Лева, спасибо ребятам из Боровухи, что чтят его память...»

Эту историю мне рассказали Н. Шагоненко и Н. Сова. С Павлой Павловной я долго переписывался. Сведения по истории полка проверены по документам архива в Подольске.

А. ЗАБЕЛА

Поселок Аниа, Воронежская область.

мелиорации и водного хозяйства республики, дело пойдет на лад.

ЛЕП ИЛИ СОЛНЦЕ?

В Ашхабад из Москвы с генеральным директором НПО «Солнце» Реджепом Байрамовичем Байрамовым мы прилетели в один день. Он вернулся из командировки. Три недели ходил по учреждениям. Убеждал, доказывал, спорил. Был в Совете Министров, Госкомитете по науке и технике... Дело у него в руках новое, нерешенных проблем много, планов и идей еще больше. Вот, например, одна из них.

Есть схема комплексного освоения пустынных пастбищ Туркмении, разработана она десять лет назад и предусматривает организацию специализированных хозяйств по заготовке кормов, создание культурных центров в пустыне за счет подвода воды по трубопроводам, строительства линий электропередач и дорог. Общий объем капиталовложений до 2000 года должен составить при этом около двух с половиной миллиардов рублей.

Генеральный директор НПО «Солнце» Реджеп Байрамов. * Дом с системой солнечного охлаждения. * В совхозе «Бахарден» работает установка для выращивания хлореллы. С директором совхоза Мухамедом Кулиевым (в центре) беседуют сотрудники объединения Чары Аманов (справа) и Ораз Чарыев. * В пустыне Каракумы идут научные исследования.

Байрамов же доказывает, что следовать такой схеме — значит, бросать деньги на ветер. Что же он предлагает? Использовать энергию Солнца. То есть не тянуть к каждому из пустынных пастбищ ЛЭП и трубопроводы, а создавать там автономные гелиокомплексы.

А откуда же брать в пустыне воду? Под землей. Там ее целые озера, правда, она горько-соленая. Но для этого и существуют солнечные опреснители! Опыт эксплуатации первого в стране солнечного водопойного пункта в совхозе «Бахарден» доказал, что такие установки могут обеспечивать пресной водой сотни, тысячи овец.

Как показывают расчеты Байрамова, поголовья овец в республике, запланированного на конец этого столетия, можно достичь созданием автономных гелиокомплексов, и это обойдется в три раза дешевле, чем меры, предусмотренные существующей схемой освоения пустыни, то есть не в два с половиной миллиарда, а только в 700—800 миллионов рублей.

Так кто же такой Байрамов — экономист? Нет, он физик. Член-корреспондент АН Туркмении. Ученик известного гелиотехника академика Валентина Алексеевича Баума. Ученый с именем, к его мнению прислушиваются и в республике и за ее пределами. Была у Байрамова интересная работа в тихом академическом институте, лекции читал в университете, писал статьи. Что, казалось бы, еще надо ученому? Но он все бросил и теперь вот уже целый год работает (даже трудно сразу подыскать нужное слово)... не то прорабом, не то строителем, не то «толкачом». Короче говоря, он генеральный директор объединения, которое только начинает обретать свои формы. Под половиной его заданий не возведен еще фундамент. Многие лаборатории существуют пока только в проектах. Осуществлением этих проектов

большую часть времени и занимается Байрамов.

Он из тех людей, которые не умеют и не хотят ждать. Свою давнишнюю идею — освоение пустыни с помощью гелиокомплексов — он может осуществить только одним способом: построить такие гелиокомплексы и на практике доказать их эффективность... Пример Байрамова лишний раз доказывает, что нынешний этап развития НТР требует ученого универсального, человека с огромным чувством ответственности и умением идти на жертвы.

— Сколько киловатт-часов может сэкономить солнечная энергетика? — спрашивает при очередной встрече Байрамов, хитро улыбаясь. И сам отвечает: — Нисколько. Но она может сделать революцию в нашем быту. Сегодня люди не хотят жить по-старому. Вы теперь с большим трудом найдете юношу, который бы согласился, как его дед, всю жизнь ходить за отарой и спать рядом с собакой. Вот почему сейчас так остро стоит у нас вопрос, где взять чабанов. Повышением зарплаты его уже не решишь. Значит, в пустыне нужно скорее создать нормальные условия для людей, дать им свет, воду, прохладу. Все это может сделать солнечная энергетика. Я мечтаю о том времени, когда чабаны будут пасти овец в галстуках.

Да, Байрамов — фантазер. Но его фантазии опираются на твердую почву расчетов и дел.

Вот почему его предсказания наверняка осуществляются. Залог тому — и одержимость, с которой ашхабадские ученые взялись за дело. Несомненно, воплотится в жизнь и их проект глобальной системы солнечных электростанций, которые опояжут Землю и будут давать ток в течение всех суток непрерывно. А времени для осуществления таких идей вполне достаточно: как утверждает наука, нашему светилу гарантирована жизнь по крайней мере еще на пять миллиардов лет.

К О Н Д Р А Т И Р Ы Л Е

Алексей МАРКОВ

ПОЭМА

Рисунки А. ЛУРЬЕ

Картина седьмая

СХОДКИ

Скромна Рылеева квартира,
Зато всегда гостей полна.
Еще не узанные миром
Здесь назывались имена.
Непримиримый, гордый Пестель,
Презревший всяческую ложь,
Кипевший ко двору возмездьем,
Лицом с Наполеоном схож.
Угрюмо-замкнутый Каховский,
Смерть презирающий смельчак,
И Якубович, в слове хлесткий,
Охочий до горячих драк.
Степенный Муравьев-Апостол —
Он становился выше ростом,
Когда держал о воле речь —
Что ни тирада, то картечь!
Бестужев-Рюмин отрешенный,
С душою, полною надежд,
В познаниях скорый, как ученый,
Здесь, впрочем, не было невежд!

Сергей Волконский с родниковой,
Незамутненною душой,
На все страдания готовый.
(И он их с доблестью прошел!)
И Пушкин с пламенностью всею
Отчизне отданной души,
Друг Пушкина еще с лица,
Неправду логики крушил.
И Кюхельбекер, ратник русской
Свободы, загнанной в подвал...
И не дававший юным спуску
Греч, от цензуры генерал.

Пытливый Николай Тургенев,
И добродушный Дельвиг был,
И Грибоедов, горький гений,
Не тративший напрасно пыл.
Бестужевы — родные братья,
Романтики, бывали тут,
Одоевский, что не утратит
Огня в глубь сибирских руд!
Здесь был Евгений Баратынский.
Бог помогал его перу
Свободу воспевать без риска,
Взывая к свету и добру.

Из лучших сыновей России
Рождалась славная семья.
Бывали, правда, и другие,
Не помянул которых я.
Благонамеренный Измайлов,
Бард-баснописец. Нет, не трон,
Со смелостью необычайной
Высмеивал дворовых он.
Витийствовал фантаст завзятый
Дмитрий Завалишин здесь,
Всегда картинно-нагловатый,
Умевший ловко в душу влезть.
И вызывавший восхищение
Речами бойкий Трубецкой,

Окончание. См. №№ 38, 39.

«Герой», что встанет на колени
Перед расплатой роковой.
И, как на тайной на вечере,
Меж них Иуда-лиходея,
Ростовцев, схожий с мелким
зверем,
Весьма внимательный, сидел.

...А молодые правдолюбцы,
Для истины раскрыв сердца,
В своем углу не шелохнутся,
Готовы слушать без конца!..

Порой Наталия, Наташа,
Жена Рылеева, несла
Крутую гречневую кашу,
В тарелки молоко лила,
По-матерински улыбалась:
Не кто-нибудь, его друзья! —
В собрания вносила радость,
Хоть сердцем изболелась вся!
«Отбилась от семьи Кондратий,
И Настеньку все реже он
В отцовы заключит объятья,
Всегда в заботы погружен...»

Оплот духовный всей России
Перемещался в этот дом.
Отсюда мысли роковые
Катились вдале, как снежный ком.
...— Мы так все русское утратим!
Что сделалось в стране у нас?
Стихи, романы, просто платья —
Все на французский лад сейчас!
Мне встретился скорняк Лазутин —
С мехами чудеса творит!
Но русский судит не по сути,
А лишь на вывеску глядит.
Едва не помер с голодухи!
Потом назвался «Лезутан»,
И дамы, как на сахар мухи,
Рванулись: «О, шарман! Шарман!»
А учрежденья! Наши вроде,
А названы на чуждый лад.
Да что там, и в самом Синоде
Не все по-русски говорят!
— Нам Карамзин открыл Россию,
Точь-в-точь Америку Колумб.
Страстей, событий кладовые,
Художник, черпай, коль не глуп!
Мы о делах отцов, стесняясь,
Краснея, говорим подчас,
Они же, о грядущем маясь,
Не пожалели сил для нас.
— За что Волинского пытали
Бироны всякие, за что?
— За то, что в гневе был
кристален,

Залетных обличал скотов,
Поивших русичей сивухой,
Сбивая барыши на том:
Пусть пьет Ивашка лопухий,
Дуряя, пропивает дом;
Что бил челом перед царицей:
Где русским место под луной
И до какой поры тесниться,
Как пасынки, в стране родной?
А мы какой-нибудь изъянец
В ответ найдем, и ну таскать!
Вот был бы это иностранец,
Не стали б сплетням потакать.
А не пронизет ли навеки
Дух иноземный нашу кровь,
Пребудет в русском человеке
К чужому верная любовь,
А к своему — любовь с усмешкой:
Свой не пригоден ни к чему,

Свой — непонятливая пешка,
Свой уступает по уму?
И снова прощальныя приплыл,
Глядишь, над Родиной взойдет,
И, словно тарантас за дышлом,
За ним потянется народ...

Другой оратор рек другое:
— Ступеньки сверху надо мечь.
Ты, об Отчизне беспокоясь,
Сказал, что непорядки есть.
Казалось бы, в стране нормальной
Спасибо скажут молодцу
За норы, так сказать, скандальный,
За помощь нашему творцу,
Так нет! Расширят сеть шпионов:
Под ноготь болтунов пора,
И еженощно, ежедневно
Казнят сторонников добра.
Была возможность здесь услышать
То, что в газетах не прочтешь
(Да, собственно, газеты пишут
Не то чтоб ложь, — одно и то ж.)
Что разумовские крестьяне
На графа подняли топор.
Теперь их родиною станет
Сибирский ледяной простор!
Богатство наше, цвет России
В Сибирь идет из года в год.
(Но знаю, грянут дни такие,
Когда весь мир она спасет!)
За что судили их? Неловко
Скотинной человеку быть.
Уж лучше мыльная веревка,
Чем душу рабством загубить!
Солдат семеновских по свету
Развезли. А мы молчим,
Мы белоручки, мы поэты,
Гражданский иль военный цин!
Да где ж заветы христианства?
Мы ж с ними братья во Христе,
А не безропотная паства
У самовластья на хвосте!

В углу привстали, возражая:
— За пугачевщину опять?
Беда не слишком ли большая,
Чтоб снова это повторять?
Глядишь, кто сеет и кто пашет,
И нас же передует всех!
Им разве в голову втемляешь,
Что бить свою заступу грех?
Нет, только умственная немочь
Заставит может так считать,
Что государством круглый неуч
Сумеет мудро управлять.
— Вначале грамотность подарим
Забитым нашим мужикам...
— Но всякий ли позволит барин
В его дела мешаться нам?
А кто-то возразил с опаской:
— Нет, господа, не тот зачин,
Сперва духовную закваску
Дай темноте, потом учи!
Без благородных идеалов
Вся эта грамотность — беда.
У сильных будут подпевалой,
Перо направят не туда!

...О сути конституций двух
Заговорил Рылеев.
От замыслов зашелся дух:
Вопроса нет острее!
Что будет? Сбросит царский трон
Бунтовщиков армада,
Иль пусть страной владеет он,
Лишь навести б порядок!

Что делать? Силою своей
Поднять народ на барство,
Иль тяжесть крепостных цепей
Падет по воле царской?
Республиканец Пестель прав,
Создатель «Русской правды»,
Иль Муравьев, что силу прав
Сулит одним богатым?

Волной несло со всех сторон:
— Мы не враги монархии,
Но пусть за ней следит закон,
Не то повеет плахами!
— Самодержавие сейчас —
С прогорклым духом здание.
Проветрить бы! Вести б у нас
Властей переизбрание!..

Хозяйка в комнату внесла
Вилки капусты квашеной.
Рылеев, отложив дела,
Любуется Наташею,
Что ставит на столы вино,
Ущицу на любителей,
Довольная: всего полно
В рылеевской обители!
Простая, кажется, еда,
Типичная, российская,
Но все хвалили: «Это — да,
Вкуснее блюд изысканных!»

Ну, а потом гитару
Взял в руки юный гость,
И с неумным жаром
Веселье началось!

Сперва — романсы пели,
И за душу брали.
Романсы надоели —
На шутку повело:
«Царь наш — немец прусский,
Носит мундир узкий.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!
Судьи все — жандармы,
Школы все — казармы.
Ай да царь, ай да царь,
Православный государь!»

«Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?»

«А уж правды нигде
Не ищи, мужик, в суде,
Без синюхи
Судьи глухи,
Без вины ты виноват!
Там же каждая душа
Покривится из гроша,
Заседатель,
Председатель
Заодно с секретарем...»

...И снова, снова, снова
Стихам давалось слово:
«Пусть юноши, своей не разгадав
судьбы,
Постигнуть не хотят
предназначенья века
И не готовятся для будущей
борьбы
За угнетенную свободу человека.
Пусть с хладною душой бросают
хладный взор

И Е В

На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий
свой позор
И справедливые потомков
укоризны...

Вдруг оборвал стихи Кондратий:
— Родные, милые вы братья!
Я думал, думаю сейчас,
Чтоб не в постели взяли нас.
Пусть на миру берут сатрапы,
Им фальшь труднее станет
стряпать.
Послужит наша смерть другим—
Идущим следом, молодым...

Картина восьмая

ГОСПОЖА К.

«Господин Рылеев, добрый вечер!
Я — подписчица «Звезды
полярной».

Просто, знаете, по-человечьи
Я за все вам очень благодарна.
Альманах ваш смел и независим
И не схож с изданиями другими.
В нем встречаются такие мысли,
Что потом не расстанешься с ними.
Господин Рылеев, а стихами
Вашими я просто упиваюсь,
И, скажу я это между нами,
За судьбу я вашу опасуюсь.
Не выдавши вас, ишу ваш образ
В знатных петербургских

кавалерах,
Кажется, найду еще не скоро,
Потому что мерю этой мерой». —
Подпись «К.» — и больше ни
словечка.

Но кому же из письма не ясно:
Потянуло девичье сердечко
К идеалу. Только ведь напрасно!
Человека путают с поэтом...
В жизни, может быть, он сплошь
в ошибках,
Чтоб в стихи их не пустить...

Все это
Вызвало невольную улыбку.
Он решил шагнуть навстречу
смело,

И ловил на том себя Рылеев,
Что о ней вздыхает то и дело
И, как глупый юноша, краснеет,
Замужем она? Да нет, наверно,
Были б у нее не те заботы:
Дети, дом, хозяйство, мужа

ревность,
В общем, все, что не дает полета!
А красивая? Была бы сказка —
Умная и блещет красотой.
Недосмотр, природы неувязка,
Не бывает щедрою такою!
Ничего еще ведь не случилось,
Но ее записку от Натальи
Прятал тщательно. С чего-то

мнилось,
Что их души родственными стали.
Наконец условились о встрече
В Петергофе летнем, у фонтанов.
На скамью он сел, расправил
плечи,

Хоть саднила совесть неустанно.
Стал гадать, что ежели вот эта —

Под зеленым зонтиком в турнюре,
Значит, номер, где идут сонеты,
Вдоволь полежит еще в цензуре.
На красивых, некрасивых женщин
Он глядит, гадает в нетерпенье:
Будет ли читателем замечен
Дерзостный намек в
стихотвореньи?..

...Приближается в изящном платье,
Ветром раздуваемом игриво...
Вздрыгнул очарованный

Кондратий:
Как же молода и как красива!
На нее не стал гадать Рылеев.
Божество превыше всех гаданий.
Для кого рождаются эти феи,
Кто достоин этой юной лани?!
Барышня с поэтом поравнялась.
— Здравствуйте! — И руку

протянула.
Он вскочил, он растерялся

малошь
И едва коснулся ручки смуглой.
— Извините, тут ошибки нету?
— Почему же, господин Рылеев?
— Как же называть мне вас?

— Аннета! —
Говорила сбивчиво, робея,
Словно не свое сказала имя.
(И свое ли? Но об этом позже!)
Брызнула очами голубыми,
И — «Не дай с ума сойти мне,
боже! —

Про себя как бы свершал
молитву: —

Ей, наверно, только восемнадцать!
Подставляй же сердце, как под
бритву,

Рок пришел с тобою расквитаться!
Но помилуйте, уже я старый,
А она — как зорька молодая,
Не годится для любви усталый,
Дождь осенний не запахнет
маем».

Уводила их аллея дальше —
В буйные могучие дубравы.
Думал он, что места нету фальши,
Если все вокруг так величаво.
Думал он, что юная Аннета
Петергоф украсила собой,
И дворцы из музыки и света,
И цветы, и небо голубое —
Все возникло в честь ее рожденья,
Чтоб с ее лучистостью сравниться.
Чей сильнее благотворный гений —
Зодчих или природы-мастерицы?

Догадался, видимо, читатель
Что увлекся, что влюблен

порядком,
Если так вознес ее Кондратий,
Ведь в любимых нету недостатков.
Так спешит за розой мальчишка,
Что в волнах все дальше уплывает.
Не судите, люди, строго слишком,
И с любовью поздней так бывает!
Так бывает на войне, пред

смертью,

Так бывает перед страшной

казнью,
Кто-то в этой страшной круговерти
Шлет любовь последнюю, как
праздник!

...Сегодня в павловском саду
В который раз гулял он с нею
У всех знакомых на виду.
Наверно, от любви глупей.
Мудра природа и чиста,
Свист соловьиный независим,
Как будто прочие места
Могли красу ее принизить,
Она чуралась мрачных мест —
Дворов угрюмых, лестниц старых.
Старался духовой оркестр,
И весело кружились пары.
Шла, встречных взглядами даря,
Держа Рылеева под локоть,
А он, ее благодаря,
Читал еще сырые строки:
— «Я не хочу любви твоей,
Я не могу ее присвоить»

Я отвечать не в силах ей.
Моя душа твоей не стоит.
...Любовь никак нейдет на ум:
Увы! Моя Отчизна страждет,
Душа в волнении тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет...

Когда душа душой согрета,
Нельзя неоткровенным быть.
А ненаглядная Аннета
Вдруг начинала говорить:
— По мелочам не трать усилий!
Что революция твоя?
Судьба другая у России,
Дорога у нее своя.
(Была с Рылеевым Аннета
Порой на «ты», порой на «вы»,
Немаловажная примета
Разгоряченной головы!)
— Над нами многие столетия
Власть держит твердою рукой
И в добрый час и в лихолетье,
Пока не сгинул род людской,
Сияет, как второе солнце...
— Ого, не терпится узнать,
Ты говоришь не про масонство?
— Да нет, не то хочу сказать...
Того, Кондратий, ты не трогай,
Что церковью освящено,
А власть — она всегда от бога,
Так было, будет все равно!..
Ну, свергнете былой порядок.
А чье наступит торжество?
Бить станут по зубам прикладом
Для утвержденья своего.
Ты тоже знаешь этих бестий,
Ты ж рассудительный поэт!
Придет...

— Сказать ты хочешь — Пестель? —
Невольно произнес в ответ.
Она, как будто не заметив,
Ужалила еще больнее:
— Все революции на свете
Съедали собственных детей!
Зачем же начинать такое?
Нет, умный не начнет ее...
А ведь больших трудов не стоит —
Поднять на старый мир копьё!
Глядит он на нее. Цветочек!
Медовый сладкий тростничок,
А что, подумаешь, лопочет...
Легко попасться на крючок!
— Прощай, до вечера, родная.
Пора мне: заждались друзья.
С плеч руки уронила, зная,
Что так задерживать нельзя.
А дома с лаской виноватой
Он руки целовал жене,
Но грустной веяло утратой
От речи, ласковой вполне...
Лицом уткнется ей в колени:
«Ну, отчего так, отчего?» —
Обиды у нее ни тени,
Лишь гладит волосы его:
— Кондраша мой, ребенок малый,
В беду какую-то попал?
...Детишки подбегут, бывало,
И тот, что, как ягненок, мал,
Отцу взбирается на шею,
«Лошадку» понукает: — Н-но! —
А старшая от смеха рдеет,
Ну разве это не смешно?

Но снова становился странным.
Семье, себе наперекор
Из дома уходил нежданно,
Твердя в душе: «Позор, позор!..»
Опять клеймя и проклиная
В душе безволие свое,
С Аннетой расставался, зная,
Что без Аннеты не жить!
Но сколь же было б тяжелее,
Когда бы убедился он,
Что царский двор стоял за нею,
От страха потерявший сон...
Морозом продирало спину,
Он бога умолял с колен,
Чтоб миновала гильотина
И окровавленный Конвент!
Понять бы, до конца распутать
Тугой рылеевский клубок,
Узнать, когда готовит смуту,
Кого в водоворот завлечет!
И вот шпионские тенета
Раскинуты по всей стране.
А чем зазорная работа!

Прослыть нетрудно патриотом,
На мутной поднявшись волне!
Разнообразный колер нужен:
В шпионстве не возьмешь проста.
У каждого — свое оружие:
Подкопы, приторная дружба,
А у Аннеты — красота.
Ни юноша, ни старец хилый
Пред ней не сможет устоять.
Кто ранен ею, до могилы
В себе едва ль отыщет силы
Отринуть с ядом благодать!

...Нет, звали вовсе не Аннета
Его корреспондентку «К». —
Не зря ж, услышав имя это,
Она тревожилась слегка,
Как будто он, ее целуя,
Другую представлял за ней,
А кто из женщин не ревнует
Любовь к сопернице своей!

Подробностей не знал он этих,
Навстречу гибели идя.
Коварные казались сети
Сетями майского дождя...

Картина девятая

МАСКИ ИМПЕРАТОРА

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый встает
На утешителей народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

— Рылеева сюда введи! —
Царь Николай проговорил. —
Он предводитель сих событий,
Но охладим преступный пыл!
Читатель, наберись терпенья,
К Рылееву еще вернись.
Пусть подождет пока за дверью,
Готовится к ответу пусть.
Я о его друзьях, которых
Допрашивал сегодня царь,
Которых мрачным коридором
Вели сейчас... Не то что встарь,
Ретиво он взялся за дело,
Как, может, ни один юрист.
К признанию подводил умело,
Хоть путь допроса был тернист!
...Когда вводили офицера,
Навстречу государь вставал
И опечаленно, но в меру
Вел разговор: — Эх, генерал,
Вот уж не думал я, не думал...
— Не генерал. Полковник я...
— Да нет, я ничего не спутал,
Я только что приказ изъял
О производстве в генералы.
Конечно, временно, мой друг...
Всем говорю: «Отличный малый!»
По-братски жили. Как же вдруг?...
Мы ж офицеры полевые.
Или я ел вкуснее суп?
Или в атаки боевые
Под марш старинных медных труб
Ходили мы с тобой не вместе?
Какой тебя попутал бес?
Клянусь я офицерской честью,
Как во щи кур, ты в это влез!
Жестоко ты меня обидел,
Ах, милый, милый Михаил!
И, перед ликом светлым сидя,
Участник бунта слезы лил:
— Мне нет прощенья,

император! —
А государь вздыхал в ответ,
Отлично зная, что расплата —
Сибирь. И до скончанья лет.
С юнцом была другая маска:
— Да кто ж тебя втравил,
сыннок? —
И голос до того был ласков!
«А говорил, царь жесток...
Да на кого ж я руку поднял?
Я поднял руку на отца.

Его убил бы я сегодня,
А завтра — мать!» —

И у юнца
Сомненье зарождалось в сердце
В своей великой правоте.
...— Вот чай с конфетами,
погрейся!

Неужто впрямь убить хотел?
Ремня получишь честь по чести,
Когда папаше передам.
Мы с ним хлебали беды вместе
В окопах австрийских там...
И рабсопливится корнетик
От слов душевно дорогих,
Не зная, что попал он в сети
И что не вырваться из них...
Совсем иначе с пожилыми
Вел император разговор.
(Он тему находил и с ними,
Печально грея взором взор)

Росли тома пристрастных
следствий.

Сам царь доволен был собой!
Но что века решат без лести?
Кто будет в их глазах герой?
Не есть ли этот день начало
Конца российского царя,
Хоть времени пройдет немало
От Декабря до Октября!
Лишь там правление живуче,
Где граждане спокойно спят
И невозможен страшный случай,
Чтоб постучался в дверь приклад.

...— Кондратий Федорыч!
Ну, здравствуй.

Люблю, люблю твои стихи.
Читать приходится не часто:
Дела в Отечестве плохи!
Природою жестокостью правит.
У нас на воре вор сидит,
Народ безграмотен, бесправен,
Бюрократия... Тьма обид...
Глядит Кондратий: открываю
Иль просто шутит государь?
Нет, шутки на лице ни тени,
Скорее горестная хмарь...
— Но вы ж хозяин, вседержатель,
Вмешайтесь, облегчите жизни!
— Ах, милый человек Кондратий,
Вот место царское, садись.
С чего начнешь, отец родимый,
Чтоб, так сказать, поднять страну?
Ну, что замолкнул нелюдимо?
— Я с Конституции начну.
Залился смехом император,
По зале весело прошел:
— Все на бумаге чисто, свято
И бесконечно хорошо.
Но хоть одну статью, скажи-ка,
Из Конституции твоей
В Россеешке воспримут дикой?
Ожить дадут возможность ей?
На Конституцию плевали
Хмельные наши мужики.
В сердцах у них одни печали:
Закрты ночью кабаки!
Представь, мой милый, фортепьяно
Вдруг папуасам принесли,
Что прыгают под барабаны,
И эхо вторит им вдали,
Кончайте, мол, свою музыку,
Вот ноты для другой игры.
Да мы в ответ услышим крики:
Кидай пришельцев на костры!
Чтоб впрямь нам было неповадно
Невинных папуасов злить,
А инструмент куда уж ладный,
Как можно душу в нем излить!

РЫЛЕЕВ:

Так грамотность нужна народу!

ИМПЕРАТОР:

Чем лучше просвещенный раб
Непросвещенного урода?
Вспять устремлен и сытый краб!
Сочтет, что он пожал свободу,
Плетясь бороздой в ярме.
Всем говорит, что в злате сроду,
По уши находясь в дерьме!
Кондратий улыбнулся вяло
Впервой за много-много дней,

Ему от слов мужицких стало
Чуть-чуть на сердце веселей.

РЫЛЕЕВ:

И все ж Россию понемногу
Необходимо просвещать!

ИМПЕРАТОР:

Ну, просвещайте ради бога,
Зачем монарха убивать?
Ведь революция отсрочит
В России умственный прогресс:
Придется строить дни и ночи
Правопорядок, что исчез!
Над Русью многие столетия
Власть держит твердою рукой
И в добрый час и в лихолетье
Отцами выстраданный строй,
Нам заповеданный от бога,
Защита наша и покров,—
И грех самодержавье трогать:
Не будет зданья без основ!

(И, словно молнией, пронзило
Рылееву внезапно мозг:
«Аннета так же говорила.
Так вот он, потаенный мост!..
Она... на службе государя.
Так вот любви горячей суть!
Она затем блаженство дарит,
Чтоб петлю ту же затянуть...»
Отбросил эту мысль Рылеев
И снова думал про свое:
«Для вас не Русь мы, а Расея.
Чем пакостней ее житье,
Тем вам вольготнее живется».)
...Кадетский корпус вспоминал,
Начальника — козь жив —
икнется! —

Что так же Русь ногой пинал,
Считал, что вовсе не достойна
Россия умного словца,
Быть может лишь коровой дойной
Для иноземного ловца.
Да, легкомысленным и наглым
Поступок называли их...
И посадили, злыдни, на кол
Волынского, чтоб он притих!
Пришельцам не сломить России,
Взорвать лишь можно изнутри.
Иноплеменное засилье —
Насилье, что ни говори.)

РЫЛЕЕВ:

Да, государь, оно и видно,
Что в вас течет чужая кровь!

ИМПЕРАТОР:

Такое слышать мне обидно! —
И государь приподнял бровь. —
Мы все под богом — те, кто босы
И кто обут, — о чем же речь?

РЫЛЕЕВ:

Знакомый лозунг кровососов,
Чтоб легче выгоду извлечь.
Но это так я, между прочим,
На равенстве основан мир.

Потупил император очи,
Поправил на себе мундир.
— Меня казнят? — спросил
Рылеев.

А царь как будто не слышал.
Он явно сделался мрачнее
И машинально рисовал
На голубом листе бумаги
Ряд висяци. И хорошо!
В петлях застыли бедолаги,
На каждом — смертный капюшон.
...— Вы о семье

не беспокойтесь. —
Бумагу скомкал государь.
— Не понимаю вас.

— Ну то есть
Пошлю жене я деньги в дар!
— И сколько же, простите, стоит,
По-вашему, моя глава?
— Зачем же говорить такое?
Над вами не мои права!
Я только, дорогой, по дружбе
Нелегкий разговор веду.
Коль не желаете — не нужно,
Не стану беречь беду!

Я вам увиждется с Натальей
Михайловною помогу.
— Вы даже отчество узнали?...
Нет, не хочу. Нет, не смогу...

Вновь в беспощадном равелине
Поэт. Топчан. Глазок в двери.
В ушах цикады, как в пустыне.
Вода в жестянке. Сухари.
Присел за стол скрипучий, шаткий,
И мысли — как пчелиный рой...
«Видать, окончен путь мой
краткий,

И нет меня...»
Вдруг за стеной
Услышал он свое творенье:
Тюрьма запела «Ермака»!
Его широкое течение,
Как Волга-матушка река,
Неслось, неслось через века!
«Взвела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...» —
Пел равелин. Могуче пел!
Покорно расступались дали,
И конвоиры подпевали!
«На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой...»
Рылеев слушал не дыша.
Казалось, становилась юной
Его убитая душа!
И как конца России нету,
Как Волги не бывает конца,
Так бесконечно песне этой
Лететь, лететь по белу свету,
Петли сильнее и свинца!
...Дня не прошло, Наталья пишет:
«Единственный любимый друг!
Наш добрый государь прослышал
Про нашу нищету и вдруг
Две тыщи золотом изволил
Пожаловать... Защитник наш!
Скажи: ужель не своеволье
На доброту поднять палаши?!
Смирись, покаяйся, ненаглядный,
И государь тебя простит.
Слыхала я (да это ладно,
Нет в сердце места для обид!),
Ты отказался от свиданья
Со мной и Настенькой своей?
Не бойся, плакать мы не станем,
Нам не видаться тяжелей!
Ужель беда неодолима?
Откинь гордыню. В добрый час!
Пади к ногам его, любимый.
Смирись, царь милостив у нас!»

Про царскую он ведал милость.
Романов на расправу лих!
Тюремными ногами смилось,
Как просят хлеба... Но от них
Все отшатнулись благонаравно:
Еще б! Преступника жена,
«Злодея» дочь... Навек бесправна,
Стеной из льда окружена...
И пишет он в ответ устало
(Он знает, Николай прочтет.
В Россеешке законом стало
Все понимать наоборот:
Карать того, кто нестандартно
Помыслит. Щедро поощрять
Тех, кто умеет аккуратно
Чужие письма открывать.):
«Наташенька, моя отрада,
Молись, голубка, за меня.
Да, государь нам дан на радость,
Уйду, в душе его храня!»
И вновь тюремщик в дверь
стучится:

«Записка от жены твоей!»
...«Родной, вчера дала царица
Еще нам тысячу рублей!»
— Да, государь наш
распрекрасный, —

Сказал. Но не писал, и зря,
Что добрый, шелковый, атласный
Характер русского царя!
У равелина две фигурки
Все ждали писем от него:
Жена с веселою дочуркой.

...Но не прислал он ничего.

Здесь обрывается картина:
Верное благодетель несный.
И голос прохрипел совы:
— Ведите снова на помост.

Американцы

Владимир НИКОЛАЕВ

Необъятные просторы Соединенных Штатов, калейдоскопическая пестрота населения, иная социальная система, прямо противоположная нашей, а также совершенно иной, отличный от нашего исторический путь развития, другой уклад жизни (мораль, быт и нравы) — все это приводит к такому положению: чем основательнее узнаешь Америку, тем больше вопросов ставит она перед тобой. Многие покажутся странным, когда впервые увидишь ее лицом к лицу, но с годами в результате долгих личных наблюдений возникают все новые и новые темы для раздумий. На примере познания США понимаешь смысл утверждения: «Я знаю, что я ничего не знаю». И в то же время наша страна так же (если не более!) сложна для понимания ее американцем. Как мы уже отмечали выше в этих очерках, в США знают о Советском Союзе гораздо меньше, чем мы — о Соединенных Штатах, а то, что знают, зачастую искажено. К тому же вот уже более 60 лет, начиная с Октября 1917 года, пропагандистская машина США делает из нашей страны пугало, в ат-

зад, будучи еще молодым, так что в то время успел пообщаться на равных с молодежью, а теперь — с людьми зрелыми, подходящими к пенсии. Почему же последние отличаются, с моей точки зрения, большей, я бы сказал, боевностью, чем их внуки? Причин много. Корни их уходят, разумеется, в тот самый американский образ жизни, о котором мы ведем разговор в этих очерках. Все их, наверное, не перечислишь. А главное — с какой начать?

Думаю, будет верно начать с конкуренции. Это довольно жестокий закон жизни в Америке. Конкуренция во всем. Отбор, выбор. В семнадцать-восемнадцать лет молодой человек собирается шагнуть за порог детства и отрочества во взрослую жизнь, и его не могут не пугать стоящие перед ним трудности в обществе, где каждый за себя и против всех. Известно, что в США безработица больше всего бьет по молодежи. Известно, что среди всех возрастных категорий самый высокий процент преступности падает на молодежь. К этим и многим другим таким же обстоятельствам добавляется неуверенность, неопытность, смятение юной души. А вот у стариков все это уже позади. Они выжили, одолели, добрались до почтенных лет, многие из них даже заработали себе на старость. Им незачем метаться и сомневаться. У них все ясно. И еще одно немаловажное соображение: четкий и цепкий ритм труда не давал им по-настоящему передохнуть и отвлечься, поглядеть по сторонам. В США с работой не пошутить. Ее надо беречь, ею надо дорожить, и поэтому надо вкалывать! И вдруг — пенсия, полный досуг. А сколько неизрасходованного любопытства еще осталось! И бьет оно у них через край. Разъезжать, смотреть, вникать в окружающее, обсуждать — во всем этом они неутомимы. Как, например, я попал к ним в руки и они передавали меня друг

ком (опять-таки не оставляя водительского руля, в специальном похоронном доме) и т. п. Казалось бы, прекрасно! К тому же автострады в Америке отличные, на них много технических станций, бензоколонок, мотелей. Все это, так сказать, плюсы. А минусы? Главный минус — без автомобиля в США не проживешь. Ты не можешь не иметь его. Хотя бы потому, что он «съедает» городской транспорт, который в одних городах еще кое-как существует, в других — быстро отмирает. Сам министр транспорта Брок Адамс свидетельствует: «У нас нет автобусов, у нас нет рельсовых коммуникаций». Если учесть, что большинство американцев должны добираться до места своей работы на машине, то уже сам факт ее наличия обозначает возможность работать. Ну, а если автомобиль не на что купить? Вот и получается: нет машины — нет работы. Другой феномен: скорость движения автомобилей в больших городах такова, что сплошь и рядом лучше надеяться на собственные ноги. Но все это еще только цветочки...

Несколько раз я останавливался в Лос-Анджелесе, одном из самых больших и, я бы сказал, самых удивительных городов США. Вот где автомобиль проявил себя полностью, на все сто процентов. Считается, что в Лос-Анджелесе живет три миллиона человек. При этом имеется в виду только его центральная часть, причем и она является собой не столько населенный пункт, сколько разветвленную сеть шоссе и дорог. Да, да, города, как такового, вообще нет. Есть дороги и бесчисленные развязки на них. К их обочинам сиротливо жмутся строения, которые к тому же составляют отдельные бесчисленные островки жилья, соединенные между собой автострадами. Здесь нет ни метро, ни троллейбуса, ни трамвая. Редкие автобусы не решают проб-

ЗАКОНОМЕРНЫЕ ПАРАДОКСЫ

мосфере злонамеренного шума о «советской угрозе» воспитано несколько поколений американцев.

Во взаимной трудности восприятия друг друга и кроется, по-моему, одна из главных причин многих сложностей на пути установления советско-американских контактов в самых разных сферах.

Столько американских парадоксов, что я не знаю, с какого из них лучше начать иллюстрировать высказанные выше мысли. Ну, скажем, возьмем молодых и стариков. Две крайности, два рубежа (начальный и конечный) сознательной человеческой жизни. Рассмотрим вполне благополучный слой тех и других: молодые люди, входящие в жизнь, но еще не без помощи родителей, и старые, вышедшие на заработанную ими пенсию. То есть и те и другие берутся нами не в каких-то крайних ситуациях, а в условиях вполне нормальных, никакого беспокойства не вызывающих. Какими я лично вижу эти две группы населения США сегодня? В целом, в общем старики, на мой взгляд, смотрятся более жизнестойкими, жизнерадостными и деятельными, чем молодые. Странно, не правда ли? Но мне кажется, что есть основания для такого суждения. Я много общался в США и с молодыми и со стариками. Однажды я путешествовал по стране с пятью студентами на двух автомашинах. В другой раз ездил по Соединенным Штатам в сопровождении пенсионеров, причем они менялись, передавая меня друг другу. Я жил и в студенческих общежитиях и в гостях у людей более чем пожилого возраста. А наконец, сам я начал свое знакомство с Америкой много лет на-

другу вместо эстафеты? Дело в том, что многие пенсионеры создают по всей стране комитеты для приема иностранцев. Приютят на день-другой, подвезут на машине, что-то расскажут, покажут, объяснят. Потом передадут с рук на руки своим коллегам в другом городе или поселке. Так я проехал однажды несколько тысяч километров, вполне убившись в эффективности этой системы. А в основе ее — любопытство, жажда общения, впечатлений. Иностранец, к тому же из красной России! Для большинства из них я был первым живым советским человеком, какого они вообще видели.

Казалось бы, американский пирог вкусен и питателен, но, чтобы пробиться к нему, надо иметь сильные плечи и острые локти. Перед стариками такой задачи уже нет; кто из них пробился, тот спокоен, а вот молодым надо еще исхитриться. Их к столу с пирогом вежливо никто не приглашает. Ни общество, ни родные. В Америке у родителей нет такой традиции, как у нас: опекать своих детей лет до тридцати, если не больше. Так что поводов у молодых в США для беспокойства более чем достаточно. Потому и выглядят они озабоченнее, чем старики.

Другой парадокс. Из совершенно иной области. Общеизвестно, что Соединенные Штаты — страна сплошной автомобилизации, там насчитывается в частном пользовании около 120 миллионов легковых автомашин. На ней можно не только отправиться на работу, в школу, магазин или на пикник, но, не выходя из нее, поесть, получить деньги в банке, посмотреть кинофильм, помолиться в церкви, попрощаться с покойни-

лемы передвижения «безмашинного» населения. А ведь подсчитано, что в среднем жителю Лос-Анджелеса надо проехать 30 миль, чтобы попасть на работу, — это почти 50 километров!

Невиданное скопление автомашин, особенно в часы пик, часто приводит к образованию смога, ядовитого покрова из выхлопных газов, который порой висит над городом несколько дней. При этом следует учитывать жаркий климат этих мест, чтобы понять весь ужас подобного положения. Когда смог повисает над Лос-Анджелесом, в городе происходит резкий скачок заболеваний, особенно страдают сердечники, гипертоники, больные астмой, туберкулезом. Случалось, что местные власти в таких ситуациях объявляли воздух не только угрожающим здоровью, но и на «уровне катастрофы». Профессор метеорологии Моррис Нейбургер рекомендует жителям Лос-Анджелеса носить противогазы (!). Он же утверждает, что если отравление воздуха выхлопными газами будет продолжаться, население города начнет вымирать. Недаром публицист Курт Джентри предложил «объявить этого бесформенного, неуклюжего, полужадохшего монстра умалишенным, некомпетентным в своих действиях и исключить из семьи городов Америки». Но и в других больших американских городах в той или иной степени существуют те же самые проблемы. Причем не все порожденные сплошной автомобилизацией трудности можно заметить невооруженным глазом. Ну, скажем, известно, что бытие определяет сознание. Автомобиль во многом определяет психологию американца. «Покрывая бесконечные

мили на автострадах, — пишет газета «Лос-Анджелес таймс», — мы попадаем в систему какой-то игры. Колеса мчат нас вперед. Но это движение по замкнутому кругу, где целью оказывается само движение». Автомобиль и характер американца, автомобиль и философия американца, автомобиль и семейная жизнь в США, автомобиль и подрастающее поколение, автомобиль и нравственность, автомобиль и здоровье, автомобиль и преступность, автомобиль и общественная жизнь — вот только начало длинного перечня возможных серьезных исследований. В них мы увидим, как мощный 300—400-сильный автомобиль превращается из помощника во врага американцев. Но это не оттого, что в нем самом заложено нечто роковое. Нет, он весь во власти человека, который и превратил его в монстра.

Производство автомашин, их обслуживание и снабжение горючим — большой всеамериканский бизнес, дающий огромные прибыли предпринимателям. Когда рассматриваешь сложную совокупность «автопроблем» именно под таким углом зрения, то все сразу становится на свои места. Пока поступают прибыли, никакие такие проблемы бизнесменов не волнуют. Более того — во имя увеличения своих доходов они еще могут таких трудностей американцу добавить. Вспомним хотя бы «великий энергетический кризис 1979 года». Потом, разобравшись, что к чему, американцы назвали случившееся «великим мошенничеством». А поначалу все выглядело удивительно странно. Меня просто поразили очереди у бензоколонок в США и плакаты на многих из них: «Извините, бензина нет». Нет бензина... В США это почти равносильно тому, что нет воздуха. А раз дефицит, значит, поползли вверх цены. И потом выяснилось, что нефтяные компании крупно заработали на так называемом «энергетическом кризисе». И плевать им на трудности и переживания соотечественников. Трюк нефтяных магнатов был настолько очевиден, что, согласно опросу общественного мнения, 77 процентов американцев не верят, что энергетический кризис существует на самом деле. Говоря о такой антинародной политике нефтяных «королей», обозреватель газеты «Дейли ньюс» Джимми Бреслин спрашивал: «Почему же полицейские, агенты, прокуроры не заполнили помещения крупнейших нефтяных компаний, задавая вопросы, изучая книги делопроизводства, допрашивая людей, которые ведут эти книги?» И тут же он сам дает такой ответ: «А кто поведет это следствие? Они все боятся. ФБР напугано ими до смерти. Все правительство запугано, даже Белый дом. Нефтяные компании заправляют всей кухней, и никто не хочет с ними связываться».

Да, странности такого рода, присущие огромной и противоречивой стране, встречаются на каждом шагу. Не будем далеко ходить за примерами, коль скоро завели разговор о Лос-Анджелесе. Это крупнейший город Калифорнии, пожалуй, самого богатого и цветущего края Соединенных Штатов. Мчаться по дорогам штата на машине — одно удовольствие. И, прорезав по автостраде зеленые холмы, вылететь на океанский берег совершенно чарующей красоты! Казалось бы, земля обетованная... В штате сосредоточены крупнейшие американские фирмы и банки. Необычайно богат этот край и минеральными ресурсами. И в то же время среди других американских штатов Калифорния идет на первом месте по масштабам преступности, числу самоубийств, психических заболеваний, разводов, алкоголиков, гомосексуалистов, наркоманов, банкротств, больных туберкулезом... Да, как видно, человеку вредна система свободного предпринимательства даже в райском климате!

И, кстати, о климате. Только что мы упомянули вызванный автомашинами смог в Лос-Анджелесе. Факт, очень характерный для сегодняшней Америки! Капиталистическая система входит в противоречие со всем живым, с самой природой!.. В Соединенных Штатах я интересовался проблемой сохранения окружающей среды, посещал с этой целью научные учреждения, беседовал

со специалистами. Кстати, справедливости ради надо сказать, что в стране есть немало заповедников, поражающих своими размерами и природными богатствами. И в то же время, оказывается, в США проблема сохранения и защиты природы стоит, как нигде, остро. Подсчитано, что промышленность Америки выбрасывает в атмосферу и воду около половины (!) объема загрязняющих веществ, производимых во всем мире. Факт, который сразу может навести на мысль, что причина этого — мощь промышленности США, отсюда и такие издержки производства. Не совсем так. Американский исследователь Б. Коммонер изучил процесс загрязнения атмосферы, водоемов и почвы в США за двадцать пять лет и доказал, что оно является не столько следствием роста производства, сколько стремления монополий к максимальным прибылям. Печальные результаты такой политики бизнеса налицо, их видишь в США на каждом шагу. Когда четверть века назад я впервые побывал на знаменитых Великих озерах, на границе между Соединенными Штатами и Канадой, то не слышал разговоров о грозящей им опасности. А уже в 70-е годы оказалось, что они почти загублены отходами промышленного производства. Озеро Эри стали называть мертвым и писали о нем: «При таком обилии нефти, масла и других отходов в районе Детройта просто удивительно, что еще есть озеро как таковое».

Угроза окружающей среде выросла в США до таких масштабов, что многие американцы всерьез задумываются о ее спасении, о будущем природы и людей. В беседах со мной американские ученые подчеркивали крайнюю необходимость принятия экстренных мер для спасения всего живого, что окружает нас. Некоторые из них, опираясь на факты о ситуации в самих США, считают, что уже вообще поздно спасать природу (воду, атмосферу, почву) от загрязнения, что уже нельзя никакими усилиями очистить окружающую среду, что процесс ее гибели принял необратимый характер. Слышать такие речи в Америке страшно. Сказочно красивы ее просторы. Бесконечно разнообразна ее природа. Перед лицом реальной угрозы предпринимаются попытки спасти ее. Может быть, все-таки еще не поздно?.. Но бизнес продолжает черное дело. В журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» он даже «философски» определяет свое отношение к этой проблеме:

«Да, конечно, мы можем добиться того, что воздух и вода будут чистыми, а выхлопные газы автомашин и дым заводских труб — безвредными. Можем, но если только смирился с малоэффективными автомобилями, с еще более высокой платой за электроэнергию, с тем, что вообще будем платить дорожке за все. Каждый хочет избавиться от загрязнения окружающей среды, но почему-то никто не желает взглянуть на оборотную сторону медали — на цену, которую придется уплатить за это. А потому не глупо ли поступают все эти так называемые борцы за чистоту, когда бьют себя кулаками в грудь, показывают пальцем на бизнесменов и клянут их? Лучше бы они сказали, что готовы сами заплатить за осуществление своей утопии».

Вот так! Бизнес в утопию, то есть в сохранение окружающей среды, не верит и денег на ее спасение не даст. Об этом со всей категоричностью так и заявила в журнале известная американская фирма «Уорнер энд Соуси». Кто в данном случае окажется сильнее — бизнес или голос разума? Пока что монополии не желают раскошелиться. В 1980 году, через несколько лет после того, как «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал приведенное выше кредо фирмы «Уорнер энд Соуси», тот же журнал писал: «Вместо того, чтобы затратить миллиарды долларов, собранных с налогоплательщиков, на очищение воздуха и воды, власти издают законы, заставляющие монополии тратить на это дело свои средства». Бизнес недоволен таким поворотом событий, он протестует, и его возмущение, к сожалению, оказывается весьма действенным. Рекомендации и указания властей тонут в океане саботажа и бюрократизма. Если в

1970 году федеральные предписания по охране природы составляли 20 тысяч страниц, то через десять лет, к 1980 году, их стало более 77 тысяч. В этих бюрократических дебрях есть где разгуляться ловким адвокатам монополий, защищающим интересы своих хозяев в ущерб интересам всего человечества. Ведь природа, окружающая нас среда одна на всех, она неделима. Нанесенный ей в Детройте ущерб отзовется и в Калуге и в Бомбее.

Да, ничего не скажешь, сложен и противоречив тот самый феномен, который принято называть американским образом жизни! Со многими в США говорил я об этом, одним многообразным образом жизни по душе, другим — нет. Но все же до сих пор большинство американцев верит в эффективность системы свободного предпринимательства, то есть в капиталистический путь развития. Правда, в настоящее время это большинство не является абсолютным, оно весьма шаткое. И все же система до сих пор работает, а это означает, что она пользуется известной поддержкой. Факт этот вполне объясним. Американец видит перед собой в качестве самого убедительного примера бурное промышленное развитие своей страны за период, который по сравнению со всей историей человечества кажется совсем незначительным. В ходе этого стремительного процесса Соединенные Штаты стали лидером капиталистического мира, и это обстоятельство до сих пор не может не производить впечатления на американца. Но, как известно, с того времени, когда система свободного предпринимательства быстро набирала темпы и, казалось, навсегда завоевывала нашу планету, многое изменилось. И вот в 1980 году американский журнал «Тайм» задается вопросом: «А не перестала ли работать машина капитализма? Можно ли еще починить систему или она уже не поддается ремонту?»

Идеолог раннего капитализма Адам Смит утверждал, что каждый стремящийся к получению личной прибыли приносит пользу всему обществу, как бы направляемый невидимой рукой. Философия предельно простая, легкодоступная для понимания, но, увы, убедительно опровергаемая, особенно на примере сегодняшней Америки. Выше, говоря о самых разных аспектах американской жизни, мы останавливались на многих издержках все еще действующей, но по-прежнему несправедливой системы. Ее лихорадит, и люди теряют в нее веру. Американский специалист по опросам общественного мнения Роберт Титер писал: «Стабильность — ключевое слово в политическом словаре 1980 года. Я нашел, что люди обескуражены, возмущены, полны страха и тревоги за свое будущее. Они говорят, что ищут руководства... И главное здесь — доверие. Пока что они не испытывают доверия ни к одной из партий и ни к одному политику. Люди, попросту говоря, не считают, что представительство правительство представляет их». Это свидетельство, так сказать, в моральном и политическом плане. А вот утверждения об экономической ситуации в 1980 году:

«Главное в экономике наших дней — уменьшение жизнеспособности капитализма и капиталистов» (Роберт Лекачмэн, экономист), «Шарниры когда-то чудесной гибкой машины все больше ржавеют и теряют подвижность» (Тибор Скитовски, экономист), «Система свободного предпринимательства катится ко всем чертям!» (Ли Икока, председатель правления компании «Крайслер»).

Американский президент Вудро Вильсон в свое время изволил выразиться так: «Каждый день мое сердце обливается кровью, когда я думаю о том, что делается в России; та же опасность грозит и всему миру. Мы должны позаботиться о том, чтобы форма «народного правления» не привилась у нас или где-либо в другом месте». Много воды утекло с тех пор, и вот как другой американский президент, Джон Кеннеди, расписался в бессилии завещанных Америке и миру идей Вильсона: «Мы, наша нация, испытываем сейчас нужду большую, чем нужда в атомной, воздушной, фи-

нансовой, промышленной или даже человеческой мощи, — это нужда в мощи идей».

Высказанная здесь тоска по силе духа не случайна. Американцы всегда уважали силу, прежде всего физическую. Подавляющее большинство населения страны — страстные болельщики. Спорт широко развит и очень популярен в школах, высших учебных заведениях и в армии. Если ты преуспел в нем, то любые трудности учения или военной службы тебе нипочем. Претенденты на пост президента США и другие высокие выборные должности всегда подчеркивают свою причастность к спорту в молодые годы, их старые спортивные фотографии входят в обязательный набор предвыборной рекламы. Рекорды и высшие достижения в разных играх вписаны в историю страны как одни из самых важных ее вех. Достижения этих вершин «звезды» являются кумирами толпы и зарабатывают в период расцвета своей славы сотни тысяч долларов в год (известный американский боксер Мухаммед Али получал за один бой несколько миллионов долларов). В полубога превратили болельщики здорового верзилу Джо Намата, одного из самых знаменитых футболистов страны (не наш, европейский футбол, а так называемый американский). Без этого футбола, пожалуй, нельзя до конца понять Америку. Как утверждают специалисты, это «американский национальный спорт номер один». Сотни тысяч его болельщиков беснуются на стадионах, а 150 миллионов (так свидетельствует статистика) сидят у телевизоров. Игру эту еще называют «тотальным мордобоем». За один год профессионалы и любители американского футбола нанесли друг другу 1,3 миллиона (!) различных травм, а погибло на футбольном поле за год 49 игроков, половина из них было меньше восемнадцати лет (мальчишки начинают осваивать азы игры с шести-семи лет).

Конечно, в жестоких поединках не только ломаются кости, отбиваются внутренние органы, но и заметно наращиваются мускулы. И одновременно хиреет душа, притупляется интеллект. Об этом говорит убожество подавляющего большинства американских спортивных кумиров. Об этом же свидетельствуют нравы профессионального спорта в США. Игроков покупают и продают, как породистых бычков. Их судьбы в руках дельцов, для которых спорт — это всего-навсего одна из разновидностей бизнеса, способ получения прибыли. И только! Ради прибыли бизнес идет на все. Профессиональный спорт опутан тяжкими цепями тотализатора (миллионы американцев заключают пари перед соревнованиями). Стоящие за этим тотализатором дельцы могут в целях получения наибольшей прибыли заранее предопределять исход поединков, то есть превращать спортивное зрелище в спектакль с тайной режиссурой, а участников состязаний — в своих послушных слуг. И вовсе не случайно к профессиональному спорту давно прилипла американская мафия. Среди его хозяев много гангстерских ставленников, переправляющих значительную часть многомиллионных доходов с тотализатора в бандитские сейфы. Вот и получается, что страсть болельщиков к их поклонению силе, пройдя через горнило так называемого американского образа жизни, переплавляется в доллары для легальных и нелегальных дельцов.

Прославление силы — давняя традиция в США. Известно немало американских фильмов на одну и ту же тему — о супермене, то есть человеке, обладающем поистине сказочной, фантастической силой. Этот современный Геркулес шагнул на экран из комиксов — рассказов, состоящих из картинок с короткими подписями. Герои комиксов тонкостью и интеллектом не отличаются, но зато их прямо-таки переполняет грубая физическая сила. На их газетно-журнальных и киноподвигах воспитаны целые поколения американцев. Поклонение супермену, сверхчеловеку, породило в США колоссальный бизнес, стало источником доходов для предприимчивых дельцов. Это настолько крупная затея, что на последний фильм (так и названный — «Супермен») было израсходовано 60 миллионов долларов, то есть небывалая сумма в истории амери-

канского кино. На такие затраты его создатели пошли, разумеется, в ожидании сверхприбылей. Фильм еще до премьеры получил шумную рекламу как в США, так и в других западных странах. Телевидение и пресса без конца трубили о «Супермене», его изображение преследовало обывателя буквально повсюду. При таком проникновении в повседневную жизнь американца, при такой бешеной рекламе этот плод убогой фантазии диктует не только моду, но и поведение, создает свою философию, становится орудием не только американского бизнеса, но и пропаганды американского образа жизни. Супермен учит уважать силу и только силу.

Но странное дело! С одной стороны, популярность спорта, повальное увлечение им, преклонение перед суперсилой, а с другой — постоянные сетования на плохую физическую подготовку подрастающего поколения. Журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» сообщает, что из 340 тысяч юношей и девушек, завербованных на военную службу, около девяти процентов было немедленно отчислено по здоровью, а еще большее количество новобранцев по той же причине не дотянуло до конца срок службы. Журнал «Тайм» приводит такой факт, ссылаясь на данные Пентагона: за два года из морской пехоты, элиты американской армии, было отчислено одиннадцать процентов завербованных из-за слабого здоровья и пристрастия к наркотикам. (Эта отравка названа не случайно, выше, в предыдущих очерках, мы рассказывали о том, что наркомания стала в США национальной трагедией.)

Следом за поклонением грубой физической силе в США идет культ огнестрельного оружия. Его в американских домах накопилось столько, что оно просто не поддается учету. Одни источники утверждают, что на руках у граждан находится сто миллионов единиц огнестрельного оружия, другие — двести миллионов! Это уже не просто удивительное явление. Это образ жизни со своей философией: «Бог сотворил человека, а псовник Кольт (изобретатель «кольта». — В. Н.) дал ему равенство». Это «равенство» вылилось вот во что: с 1900 года в США от огнестрельного оружия погибло 800 тысяч американцев — на 250 тысяч больше, чем во всех войнах, в которых в нашем веке участвовали Соединенные Штаты.

Сенатор Эдвард Кеннеди, два брата которого, Джон и Роберт, погибли от пули убийц, предложил ввести обязательные разрешения на право владеть оружием. Сенат отверг этот проект 78 голосами против 11. Иначе говоря, разумное предложение было отклонено прибылями фабрикантов огнестрельного оружия. Кстати, убитый в Далласе президент США Джон Кеннеди собрался там произнести речь, которая заканчивалась так: «Сила бессмысленна, если она не опирается на справедливость».

Сила без справедливости — один из главных законов Америки. Бессилие перед несправедливостью — следствие этого закона. Парадоксальный симбиоз силы и бессилия — еще один вполне закономерный американский феномен.

В прошлом веке президент США Аврам Линкольн (тоже павший от пули убийцы) сказал, что внутренний разгул насилия — наиболее опасная угроза для страны. А современный историк Артур Шлезингер, бывший помощник президента Кеннеди, свидетельствует: «Стремление к насилию и гражданственности продолжали после Линкольна воевать друг с другом в груди Америки». Выдающийся общественный деятель США Мартин Лютер Кинг (тоже жертва наемного убийцы) говорил, что Америка — это «шизофреник, чья раздвоенная личность трагически обратилась против самой себя». И наконец, один из самых известных американских писателей, Уильям Фолкнер, так охарактеризовал психологию силы, влекущей за собой бессилие: «Слепая вера в физическую храбрость и беспрерывное повиновение, уверенность в том, что белая раса выше всех остальных рас, американская раса выше всех белых, а американский мундир превышает всего человечества».

И вот результат: проведенный в Вашингтоне опрос общественного мнения показал, что один из четырех американцев готов совершить убийство, если ему будет хорошо заплачено и об этом убийстве никто не узнает.

В свое время президент США Теодор Рузвельт сказал, что Америка может говорить мягко, но должна держать при этом в руках большую дубинку. Он же утверждал, что если другие страны западного полушария проявят «слабость» или «будут плохо вести себя», то США придется выступить в роли «международной полицейской силы». Вот вам культ силы и «кольта» в международной политике! К чему он приводит? Во Вьетнаме было полмиллиона американских солдат и офицеров, несметное количество современной военной техники. Американцы сбросили на землю Индокитаю больше взрывчатки, чем во второй мировой и корейской войнах, вместе взятых. И что же? В итоге — паническое бегство под напором национально-освободительного движения народов Юго-Восточной Азии.

Но и этот урок впрок не пошел. Сегодня Соединенные Штаты по-прежнему уповают на силу, снова на международную, полицейскую. И по рецептам Т. Рузвельта находят даже среди своих союзников тех, кто «плохо ведет себя». Раздражение Вашингтона вызывает прежде всего то, что и на Западе далеко не все в восторге от многих внешнеполитических акций правительства США. Чего стоит, например, провалившаяся военная диверсия против Ирана! А так называемый бойкот Московской Олимпиады?! Или попытка Вашингтона по-своему распорядиться на Ближнем Востоке, опираясь на сговор Израиля с Египтом?.. Вот и приходится газете «Вашингтон пост» сетовать: «Во всем мире получили широкое распространение сомнения в руководящей роли США, в их компетентности и последовательности». Даже в Венеции, на совещании глав семи ведущих стран капиталистического мира, такого рода сомнения были налицо.

А тем временем правительство США продолжает настаивать на своем, мягко говоря, назидательном внешнеполитическом курсе и ввиду отсутствия веских аргументов пытается подкрепить его наращиванием военной мощи. Справедливости ради необходимо отметить, что нынешняя администрация в этом деле новатором не является. Ее кампания по запугиванию американцев так называемой «советской угрозой» и вытекающие из этой кампании все новые и новые ассигнования на вооружение — старое изобретение военно-промышленного комплекса США. Напомним, что в 50-е годы такая обработка общественного мнения шла под лозунгом отставания США в бомбардировщиках, в 60-е годы был поднят шум по поводу якобы имевшего место отставания в ракетном вооружении. И так далее... Причем каждый раз потом, уже после того, как в результате этих пропагандистских кампаний усиливалась гонка вооружений, выяснялось, что поднятый шум — провокация! Не было никакого отставания. Просто нужен был очередной предлог для продолжения наращивания военной силы.

В 1980 году в Соединенных Штатах подняли очередную шумиху такого рода, на сей раз — о слабой боевой и физической подготовке и малой численности личного состава вооруженных сил. В поисках аргументов добрались и до «пушечного мяса»! Что тут скажешь? Когда речь идет о профессиональных качествах армии, то Пентагону виднее. Что же касается физической подготовки, то мы снова сталкиваемся все с тем же американским парадоксом: исповедуя культ силы, бьются лбом в стену от бессилия.

Нет, международная арена — не поле для игры в американский футбол. Он не прививается в других странах, и точно так же не принимают они политики за океанской дубинки. Пора бы в Вашингтоне это понять! Пора бы перестать напрягать мускулы, расслабиться немного и призадуматься. Давно известно, что от великого до смешного один шаг. Стоит ли загонять себя в тупики бессилия и потом негодовать по этому поводу?

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Илья ГЛАЗУНОВ, народный художник СССР

— Илья Сергеевич, в сегодняшнем номере «Огонек» публикует ваши новые работы, относящиеся к теме исторического прошлого нашей Родины. Скажите, что заставляет вас вновь и вновь возвращаться в своем творчестве к этой теме?

— Нет будущего без прошлого, и нельзя говорить о будущем, не зная ушедшего. История — это наш арсенал, наша память. Пушкин говорил, что он не хотел бы «иметь другую историю, кроме истории наших предков», что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Так что наше прошлое всегда сопутствует нам, и не случайно заинтересованное отношение к истории влияло на формирование многих эпох человечества. Например, когда в Италии возродился интерес к античности, мир узнал новое слово «Возрождение». В России аналогичный процесс происходил на рубеже XIX—XX веков, когда наши художники открыли для себя мир древней России, мир былин и сказаний, неповторимой русской иконы, ушедшей красоты.

Истинно русское национальное возрождение звучало в музыке Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, в живописи Васнецова, Сурикова, Нестерова, Кустодиева, Врубеля, художников «Мира искусства»...

Жизнь любой нации связана с памятью, с историей. Потомки всегда хотят знать не только о своем отце или матери, но и о дедах и прадедах, потому что, уходя в глубь своего рода, человек как бы омывает себя зарядом бодрости, уверенности и оглядывается назад лишь затем, чтобы увидеть будущее.

Цикл моих новых картин, посвященных Куликовской битве, не является чем-то специально сделанным к юбилею, ибо вся моя жизнь, все помыслы связаны с историей нашего народа. Шесть лет работаю я над этим циклом, и скоро он весь — всего в нем тридцать работ — будет показан на выставке, которую организует Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.

Нужно сказать, что многие русские художники отразили это событие в своих картинах: Васнецов, Рябушкин, Суриков. Цикл, посвященный Сергию Радонежскому, создал Нестеров. В нем есть своя правда жизни, но только помноженная на легенду.

Мне же хотелось раскрыть и приблизить суровую правду тех дней, представить себе, как выглядел Дмитрий Донской, каким был Сергей Радонежский.

Память героев поля Куликова будут чтить, пока жив русский народ. Вот почему в своем цикле я стараюсь воссоздать все этапы легендарного сражения, шаг за шагом проследить его от начала до конца. Меня поражает факт облачения князя Дмитрия в одежду простого воина. Это был не только его личный подвиг во имя Отечества, но и акт огромного воодушевляющего начала для всего войска. Дмитрий как бы растворился среди ополченцев, каждый воин стал Дмитрием.

Повторяю, работа эта для меня не юбилейная. К теме Куликовской битвы примыкают все мои исторические картины. Меня волнует и Смутное время, и эпоха Петра, и конец XIX — начало XX столетия, а сейчас особенно — время Рюрика, время «Руси изначальной».

— Илья Сергеевич, ряд известных портретов современников и государственных деятелей, написанных вами, говорит о широком диапазоне творческих устремлений. Вас волнует не только история, но и наши дни, образы наших современников. Популярными стали циклы работ, привнесенных вами с крупнейших строен: портреты рабочих, строителей, молодежи.

— Неинтересных людей нет на земле, каждый человек имеет свое «я», свою душу. И понять человека своего времени — будь он академиком или водителем такси — высокая миссия художника. В прошлом гасли цивилизации, гибли народы, общества, но мы знаем о тех эпохах во многом благодаря искусству. Вспомним «фаюмский портрет», «римский портрет», портрет эпохи Ренессанса, русских художников XVIII—XIX веков. Поэтому так неприемлемы для меня, с одной стороны, антигуманистическое формотворчество абстракционизма, с другой — казенный фотографический натурализм. Только выражая внутренний мир человека, по-своему понимая тайну бытия, можно ответить на вопросы, поставленные временем.

Сейчас я возглавляю мастерскую портрета в Суриковском институте и бесконечно верю в нашу молодежь, в то, что молодые живописцы, повзрослев и выйдя на широкую дорогу жизни, искусства, талантливо выразят наше время, эпоху. Но подвиг искусства невозможен без большого мастерства, которое дает школа, без познания мира природы, любви к великим творцам прошлого.

— Как уже сообщалось в печати, по приглашению ЮНЕСКО вы создали для ее штаб-квартиры в Париже монументальное панно, посвященное вкладу народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию. Вам, видному советскому художнику, была этим оказана большая честь. Секретариат ЮНЕСКО в лице ее Генерального директора Амаду Махтара М'Боу дал высокую оценку работе, сказав, что «результат превзошел все ожидания» и что произведение современного советского художника наряду с работами лучших художников XX века отныне становится частью сокровищницы произведений искусства, собранной в ЮНЕСКО. Известно, что штаб-квартира крупнейшей международной организации украшена творениями таких известных мастеров, как Пабло Пикассо, Генри Мур, Хоан Миро, Александр Колдер.

В нынешнем номере журнала впервые воспроизводится в цвете ваше панно. Расскажите, пожалуйста, о нем читателям.

— Для меня действительно большой честью было предложение написать панно для здания ЮНЕСКО. Ведь эта организация призвана охранять мир, великие интеллектуальные и духовные ценности. Столь высокому назначению и должна отвечать тема росписи.

Советский Союз населяют более ста больших и малых народов. И каждый является носителем самобытной, оригинальной культуры, уходящей корнями в толщу веков. Многие из них дали миру людей, деяния которых способствовали прогрессу мировой цивилизации.

На панно изображены знаменитые работы по золоту легендарных скифов, русские колокола, древние деревянные храмы русского Севера, прославленная «Троица» Андрея Рублева, а также всемирно известный памятник русского зодчества XII века — церковь Покрова на Нерли; над ней — мотив фрески XVII века в Ярославле.

В верхней части картины образ русского Икара, символизирующего дерзкую мечту человечества о полете.

Внизу, на фоне горных хребтов, представлены носители духовной культуры Кавказа и Средней Азии: узбекский писатель и ученый XV века Алишер Навои, великий грузинский поэт XII века Шота Руставели, известный врач и философ Авиценна, живший на рубеже X—XI веков, крупнейший поэт армянского народа Саят-Нова, который творил в XVIII веке, знаменитый азербайджанский поэт XII—XIII веков Низами Ганджеви; здесь же выразивший своим поэтическим гением душу украинского народа Тарас Шевченко.

Хотелось показать детище Петра I — Петербург, его великих граждан — отца русской науки Михаила Ломоносова, деятелей русской культуры XIX века — Александра Пушкина, Федора Достоевского, рядом с которым его персонаж — Нечка Незванова, символ совести, призывающий нас помнить слова великого писателя о том, что нельзя построить справедливое общество, если в основе его лежит хотя бы одна слеза ребенка. Весенняя ветка — это как бы вера в возрождение духа человека, о чем так проникновенно говорит Алеша Карамазов. На фоне пожара Москвы Лев Толстой и Наташа Ростова, героиня всемирно известного романа «Война и мир». Скорбный Николай Гоголь смотрит на тройку, которую он сравнивал с Россией.

А на фоне тройки — знаменитое село Палех, прославившееся своим истинно народным искусством.

Фигура Шалыпина в образе Бориса Годунова из оперы Мусоргского олицетворяет собой отечественную музыку. Чайковский, Рахманинов, философ Владимир Соловьев, художник Михаил Врубель, писатели Чехов, Бунин, поэт Александр Блок, балет Стравинского «Петрушка» в декорациях Александра Бенуа — все они широко известны и представляют собой реальный вклад русского народа в мировую культуру.

С панно смотрят литовский художник-фантаст и композитор Чюрленис, писатель Шолом-Алейхем, показавший быт еврейских местечек, откуда вышел и такой художник, как Марк Шагал.

Советский период представлен писателем Максимом Горьким, поэтом Маяковским, композиторами Шостаковичем, Прокофьевым, широко известной скульптурой Мухомой «Рабочий и колхозница».

Внизу — гении русского балета, Нижинский и Анна Павлова. На их фоне Большой театр и участники народных ансамблей.

Далее торжество на Красной площади, посвященное Дню Победы над фашизмом во второй мировой войне. И как бы в лучах праздничного фейерверка лицо первого человека, проникшего в космос, — Юрия Гагарина.

Хочу отметить, что я намеренно ввел в свою работу ставшие хрестоматийно известными, если хотите, символами нашей многонациональной культуры, произведения искусства, которые широко известны в мире: «Троицу» Рублева, «Бояна» Васнецова, портрет Пушкина Кипренского, Руставели в иллюстрациях Кобуладзе, автопортрет Врубеля, Толстого по мотивам репинского портрета...

Работал я над панно два года и счастлив тем, что мой труд преподнесен ЮНЕСКО в качестве дара Советского правительства.

— Последний вопрос, Илья Сергеевич, — над чем вы работаете сейчас?

— Делаю серию иллюстраций к роману Достоевского «Братья Карамазовы», духовному завещанию великого писателя-провидца, плоду его глубоких раздумий над судьбой России.

Государственная Берлинская опера предложила мне оформить «Пиковую даму». Для Одесского театра оперы и балета я буду готовить декорации к «Маскараду» Хачатуряна.

Международный Олимпийский комитет пригласил меня для работы над панно об истории олимпийского движения. Оно предназначается для холла здания Комитета в Лозанне. Кроме того, я являюсь художественным руководителем проекта строящегося в Мадриде здания советского посольства. Вообще планов много, и хочется успеть свершить хотя бы часть из них.

Беседу вел Феликс МЕДВЕДЕВ.

И. Глазунов. Род. 1930. ПОЕДИНОК ПЕРЕСВЕТА С ТАТАРСКИМ БОГАТЫРЕМ ТЕМИР-МУРЗОЙ (ЧЕЛУБЕЕМ).

Из серии ПОЛЕ КУЛИКОВО. 1980.

ЗАСАДНЫЙ ПОЛК

И. Глазунов. ВКЛАД НАРОДОВ СССР В МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ И ЦИВИЛИЗАЦИЮ. Панно для ЮНЕСКО. 1980.

И. Глазунов. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1980.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

7 октября Германская Демократическая Республика отмечает свою 31-ю годовщину. За три десятилетия в социалистической Германии выросло новое поколение немцев. О них рассказывают в своих книгах деятели литературы ГДР.

Рут Крафт — писательница, член Совета мира республики, автор пользующихся популярностью романов и повестей. Она делится с читателями «Огонька» своими раздумьями о назначении литературы, о роли писателя в формировании личности, отношений между людьми.

Рут КРАФТ

Я принадлежу к поколению, которое, лишь став взрослым, смогло осознать, что значит жить в мире, которому чуждо стремление к реваншу, к захвату колоний, к территориальной экспансии. Это сознание пришло не сразу, не как моментальное озарение. Оно стало итогом повседневного опыта многих лет. И этот опыт говорит, что сегодня нельзя жить в мире, не заботясь о том, чтобы его сохранить. Подлинная гуманность требует действий. К этой мысли меня привел долгий путь размышлений. Я исследовала свою собственную жизнь, провела, если так можно выразиться, инвентаризацию своих склонностей и обнаружила потребность обращаться к людям. Я начала писать. И, став писательницей, задала себе вопрос: какие чувства я должна пробуждать в людях? Что делает жизнь интересной? Радиоволны и бумага помогли мне донести свои мысли и чувства до читателей и слушателей. Но я поняла, что необходимо и самой выступать перед людьми. Многие общественные организации и прежде всего Совет мира и Союз журналистов предоставили мне такую возможность.

Одному из моих романов, написанному в начале 60-х годов, я в качестве эпиграфа предпослала диалог Платона о мире:

«Ученик: «Учитель, вы говорите все время одно и то же!»

Платон: «Мой друг, речь ведь и идет все время об одном и том же».

Материал для этого романа я начала собирать еще в 1960 году в Дубне. Именно тогда, встречаясь с советскими физиками-ядерщиками, я укрепила в мысли, что сегодня речь везде и всюду должна идти об «одном и том же» — о мире, — пишу ли я о второй мировой войне, о ракетных исследованиях, о делении атома, о любви или о молодых людях со всеми их заботами и надеждами. Когда я встречаюсь с производственными бригадами, когда рассказываю о моей стране в Стокгольме, Гавае или Дели, везде речь идет в конечном счете о сохранении мира.

Однажды я беседовала в Москве с молодым советским инженером.

«Поразительно, — говорил он, — ваша страна, где еще на нашей памяти хозяйничали фашисты, сегодня стала важнейшим на Западе антиимпериалистическим бастионом социалистического сотрудничества». Молодой человек не только семестров проучился в ГДР и нашел там друзей.

В другой поездке — это было в Федеративной Республике Германии — после выступления перед узким кругом слушателей я услышала несколько вызывающий вопрос: «Что, собственно говоря, стало у вас с бывшими нацистами? Они ведь не все к нам переехали?»

На такие вопросы существуют ответы. И писатель не вправе от них уходить. Именно поэтому так велика его ответственность перед народом.

Как же я благодарна всем, кто помог мне осознать, что в наше время писателю недостаточно лишь одного таланта. Желать мира не означает смириться. Порой нелегко отличить ложь от правды,

справедливость от несправедливости, трудно угадать момент, когда доброта переходит в безвольное благодушие.

Соединив сердце и разум, писатель может и должен говорить о прогрессе и солидарности, о расизме и колониализме, да так, чтобы читатель пережил, прочувствовал. Вот о чем думаю я, предлагая вам эти странички из своего дневника.

ПОНЕДЕЛЬНИК. Лето прошло. Итог: мало солнца, много разговоров. Последнее — в основном по поводу моей новой книги. Прямо из типографии она попала на традиционный рабочий фестиваль в Ростке. На ветру, под дождем люди толпятся у прилавков на книжном базаре. Это стало при-

нерешенные проблемы — все это должна отображать наша литература.

Особо хочу сказать о молодежи, о ее потребности в утверждении собственной шкалы ценностей, часто рука об руку с которой идет ложно понимаемое самоутверждение. Когда удастся интересно воплотить эти темы в искусстве, такое произведение не останется бесследным для общества.

СРЕДА. Вечером включаю телевизор — и вдруг вижу на экране своего старого знакомого. Дитер Б. живет в Западном Берлине. Его заставили прервать курс лекций, которые он читал перед «неблагополучными» подростками. Заставили, усмотрев слишком левые тенденции. Западная «свободная» демократия кричит на каждом углу, что предоставляет равные шансы всем вступающим во взрослую жизнь. Но вот педагог Дитер Б. свидетельствует: слова расходятся с делом.

Как-то он привел к нам одного

лезненно восприимчивого юнца, у которого попорчено чувство собственной полноценности?

Совершенно незнакомая женщина прислала мне письмо, в котором благодарит за новую книгу: «Читаешь — и снова строишь планы, видишь, что и как можно сделать, мечтаешь о будущем... Книга будит радость ожидания каждого нового дня...» Вспоминаю и письмо двадцатилетней давности от читательницы моего первого романа, молодой девушки: «Герон Вашей книги помогли мне лучше понять время...» Слышу, как говорит Дитер: «Вы счастливые, вы можете действовать, пусть в руках у вас только перо».

И еще об одном письме — читателя К. из Берлина. Человек этот призывает меня... вступить за березу, которая растет у него во дворе. К. возмущен: «Единственный на всю округу экземпляр, совершенство формы и красоты, обрекают на смерть! На этом месте решено строить гараж, и никто не ударил пальцем о палец, что-

СОЕДИНИВ СЕРДЦЕ И РАЗУМ

метой времени в моей стране — тяга к чтению. На том базаре читатели говорили мне, почему им нравятся мои книги: «Ваши герои — прямо из жизни». Очень хотела бы я знать, что они имеют в виду под этим «значат для жизни»? Может быть, силу художественного изображения, важный и для меня критерий искусства? Жаль, в том многолюдье не было времени для дискуссий, иначе бы я спросила: стали бы вы, мои дорогие читатели, так же расхваливать книги, где человек совершает нечто необыкновенное — ну, скажем, влюбленная пара парит в небесах или человек, оседлав конек крыши, играет на скрипке? Как вы относитесь к гоголевским персонажам? Что значат для вас Уленшпигель, Дон Кихот, Насреддин? «Прямо из жизни» — здесь этого мало. Здесь литературные герои — символы человеческих желаний, надежд, опасений и в то же время как нельзя более правдивы.

ВТОРНИК. Читаю в газетном интервью, как автор одного очень едкого романа защищает свое произведение. Он должен же так писать, ибо долг писателя — беспоощадно показывать правду. Я думаю, что в основе критического изображения действительности должно быть созидательное начало, а не желание поносить все и вся без разбора. Ведь иначе вместо того, чтобы делать стол чистым, писатель делает его пустым.

Знания, совесть определяют истинную ценность художественного произведения, это сказано не сегодня. Но это не значит, что противоречия нашей действительности — запретная тема. Устаревшие взгляды, пережитки прошлого,

из своих подопечных. Пятнадцатилетний Михаэль тянул сигарету за сигаретой. Дитер ничего не сказал ему, хоть и знал — никто в нашей семье не курит. Мои дети увели Михаэля к себе в комнату. Дитер поведаль мне, что подобрал этого паренька возле пивнушки, где тот слонялся в поисках очередной дозы наркотика.

Позднее сын и дочь, глубоко потрясенные, рассказали нам о разговоре в их комнате, когда они почувствовали леденящее дыхание страха. Закончив школу, Михаэль остался не у дел: места ученика на заводе ему не нашлось. Отец, торговый представитель, решил, что виноват плохой аттестат сына, и стыдился его. У подростка не осталось никакой опоры. Чего ждать ему от будущего — без образования, без профессии? Чтобы не думать о завтра, пристрастился к наркотикам. Михаэль и его компания смаковали не жизнь — смерть. «Он говорил об ЛСД и марихуане так обыденно, будто речь шла о кофе-коле», — сказала мне потрясенная дочь.

ЧЕТВЕРГ. «Что ты имеешь — то ты и есть» — вот жизненная формула «маленького человека» в буржуазном обществе. Жертвой этой морали стал и Михаэль. Любый ценой — лишь бы забыть, хоть на время, что ты абсолютное ничто. И вот Дитер добровольно взял на себя заботу о таких подростках. Он стремится внушить разувверившимся парням, что жить надо достойно человека. Сам Дитер на фоне витрины западного образа жизни, какой сделала Западный Берлин, совершенно неприхотлив, равнодушен к моде, к тому, чтобы «производить впечатление». Удастся ли ему спасти бо-

бы спасти дерево, — есть официальное разрешение, значит, все в порядке...» У читателя нет трибуны, откуда бы его услышали все, но она есть у писателя. Читатель видит в писателе человека, который обязан говорить о нерешенных проблемах. Спасти березу... Малость? Но спасти от равнодушия тех, кто бездумно обрекает дерево на ненужную смерть? Я не знаю К., никогда его не встречала, но думаю: именно литература дала ему этот заряд добра, душевной энергии.

СУББОТА. В почтовом ящике приглашение из Совета мира на выставку памяти жертв Хиросимы. Я вдруг подумала: это предостережение и для меня, для каждого из нас: не замыкайся в своем мире, умей подняться над мелочами! Миллионы жизней были заражены смертью тогда, тридцать пять лет назад. Миллионы! И я уже спешу спасти березу, спешу на помощь незнакомому К. Его письмо — предостережение от духовного оскудения. Равнодушным не дано сострадать, им ни о чем не говорят Хиросима, Чили, Кампучия, Боливия. Вот на столе моя будущая книга. Главная тема дается легко. Пусть действие происходит в семье, пусть главную роль играют личные отношения персонажей, все равно в разговорах прозвучит это слово — мир. Я уверена. Ибо как утвердить мир на планете, если люди не найдут в себе человечности, не сумеют утвердить ее сначала в более узком кругу — в семье, во дворе, на работе? Возможно, кое-кто усомнится — предмет ли это литературы, под силу ли ей? Я уверена — да.

Берлин.

Андрея вызвали уже на второй день. Не в штаб дивизии, а в областной военкомат и там вручили документы на проезд до Куйбышева, и еще — засургученный пакет с обозначением некоей нумерованной части. Вручили — и все. Никаких пояснений, никаких упоминаний о Зыбине и никаких прямых ответов на вопросы.

Явитесь по назначению — все и узнаете.

В Куйбышеве он узнал, что самые тяжелые бои идут под Москвой и что «военного художника» Андрея Путинцева по специальной командировке направляют именно туда, но пока не определено, на какой именно участок фронта, обстановка меняется беспрерывно, штаб дивизии также находится в движении, а прибыть нужно в личное распоряжение начальника политотдела.

— Дивизией командует товарищ Зыбин? — спросил Андрей.

— Нет, — сказали ему. — Комаровский. Зыбин командует армией. Начальник политотдела товарищ Яниш.

«Конечно, так и должно быть, — подумал Андрей, — Зыбин к себе «под крыло» не возьмет, это его обязывало бы ко мне относиться как-то по-особенному. Кто такой Яниш? А я, выходит, «военный художник»? И по специальной командировке».

Яниш оказался латышом, годами немного старше Андрея, но очень молодым по внешнему виду, со светлыми, чуть книзу опущенными усиками и несколько странной манерой прежде, чем начать разговор, моргнуть несколько раз и помедлить, подперев языком изнутри левую щеку.

— Товарищ Путинцев, давайте сразу условимся, — сказал Яниш при первой их встрече в штабной деревенской избе, с беленого потолка которой при не очень далеких ударах тяжелых снарядов то и дело сыпались крупинки извести. — Вам предоставляется ничем не ограниченная свобода действий... — И тут же уточнил: — В выборе тем и сюжетов для рисунков. — Еще уточнил: — Кроме случаев, когда командование попросит вас, — и засмеялся, — или прикажет вам, что, собственно, одно и то же, подготовить материал для фронтовой газеты.

— Командование? Кто именно? — думая о Зыбине, с надеждой спросил Андрей.

— Товарищ Комаровский, — с нажимом ответил Яниш. — Есть и пониже его начальство. — Улыбнулся: — Могу и я приказать. Могу? А? — И, не дождавшись отклика, прибавил: — А Зыбин далеко отсюда. Но если хотите, в известном смысле и Зыбин. Он ведь свои соображения вам уже высказал? Нет? Ну все равно. Важно то, какие нам даны указания. А работать, нести свои обязанности вам надлежит здесь, в нашей дивизии. Подчеркиваю снова: вполне

самостоятельно. И работать — очень много работать. На войне как на войне.

— Разрешите идти?

Яниш помолчал, подперев изнутри языком левую щеку и словно бы вслушиваясь в тугие удары снарядов. Причмокнул. Взглянул на часы, покрутил заводную головку.

— Еще тридцать семь минут наша артиллерия молотить будет. Заставили-таки немцев закопаться! Давайте условимся: при полной свободе действий в огонь по возможности не лезьте. Личное оружие вам на всякий случай выдадут. Вы ведь теперь интендантский состав, хотя пока и не аттестованный. А жить и, так сказать, все прочее будете при дивизионной газете.

— И о войне я буду узнавать тоже, лишь читая дивизионную газету? — тихо спросил Андрей.

Ему очень понравился Яниш своей непосредственностью и мягкостью в разговоре. Однако вместе с этим Андрею почудилось, что Яниш столь мягко и как-то по-свойски с ним разговаривает не совсем просто, а словно бы кем-то уже подготовленный. Опять заботы Зыбина? Чтобы не «пустили» и здесь, как на Карельском перешейке? Ну нет, под «колпаком» сидеть он не намерен. Не для того он добивался отправки на фронт.

— Дивизионную газету читают и на самой передовой. И многое о войне узнают именно из нее, — спокойно возразил Яниш. — Было бы горько нашим военным корреспондентам знать, что их работа ничего не стоит и никому не приносит пользы.

— Нет, я не это, товарищ комиссар...

— Яниш. Давайте условимся: товарищ Яниш. А что касается всего остального — война началась двадцать второго июня. Вам известно, товарищ Путинцев, когда она закончится? Вы можете и не сотрудничать в дивизионке, хотя бы лучше, конечно, так или иначе сотрудничать, а войну вплотную вы увидите много раз. Чересчур даже много. Обещаю. Устраивайтесь сегодня. А завтра, уже с утра, сразу беритесь за карандаш — или кисти? — что вам ближе. Буду рад с вами встречаться почаще. Насколько это и мне и вам позволит боевая обстановка. — Он протянул Андрею руку и — словно бы вскользь: — Хорошие рисунки, те, что особо вам удадутся, — по вашей оценке, разумеется, — пожалуйста, долго не храните при себе, сдавайте нам, в политотдел. И, пожалуйста, поработайте и на фронтовую газету. — Улыбнулся. Пояснил: — Это просьба командования.

— То есть приказ?

— То есть приказ. Вы очень догадливы. Впрочем, я ведь уже предупреждал: просьбы начальства — это всегда приказ.

Работа «на газету» оказалась настолько простой — один-два маленьких рисунка, чаще карикатуры, — что отнимала в день всего лишь несколько часов. Остальное время, невзирая на жестокую зимнюю стужу, он проводил за карандашными набросками «войны вплотную», той войны, что повелела ему во второй раз пойти на фронт добровольцем.

Эта война, он видел теперь, еле сжимая карандаш пальцами, быстро коченеющими на ледяном ветру, эта война была всюду, а не только там, где почти беспрестанно тяжело бухали снаряды. Он видел, как, переваливаясь в глубоких снеговых ухабах, длинной вереницей медленно ползут грузовики, прикрытые зелеными в крупных белых пятнах брезентами с такими же маскировочными пятнами на бортах и капотах. Видел, как в окнах политот-

дельской избы, накрест заклеенных бумажными лентами, вздрагивают давно не мытые стекла и вдруг, при особо сильном ударе, всполошно слетают с тонких черных берез маленькие серогрудые пичужки. Видел множество тяжело раненных, возвращающихся с передовой. Их привозили на чем случится, сталкивали тут же на перевязочный пункт, а санитары торопливо бежали ко вновь подъехавшей повозке или автомашине. Все делалось быстро, без суеты, с какой-то уже привычной отработкой каждого движения.

В глубоком отдалении, то набирая предельную силу, то несколько затихая, гремела артиллерийская канонада, и Андрей не мог угадать — вот там, где разут сейчас мерзлую землю снаряды, — лежат ли войска, закопавшись по ту и другую сторону линии фронта, или же там, в пламени разрывов, не стихает отчаянная схватка лицом к лицу. И тогда на какую сторону клонится чаша весов? Ведь это все-таки уже Подмосковье. Бои тяжелые невероятно, а немцы тем не менее дошли сюда. Как это могло случиться? Но кто сумеет ответить? Ты спрашивай себя — чужие и чувства художника! И сам же отвечай своими рисунками. Своим настроением и своей убежденностью. Ты не фотограф — тот может выбирать любой кадр и снять его ошеломительно, однако ни единой черточки по своей воле и воображению в него он не прибавит, — а ты свободен. И выбирать. И создавать. И убеждать других в том, во что ты твердо веришь сам.

Андрей стремился побыстрее вжиться в новый свой быт. Ему необходимо было наполниться общей атмосферой боевой обстановки и в ней целиком самому раствориться. Он знал, что только тогда его карандаш, перо, кисти схватят что-то особо выразительное, живое, берущее за душу, чему потом надолго запомнится другим. Иначе кому и для чего нужны его рисунки? Не бабочек же и стрекоз он приехал сюда рисовать.

А натура ему, к собственному удивлению и недовольству, давалась плохо. На жестоком ветру и морозе он успевал набрасывать только очень грубые кроки, карандаш вываливался из руки. Зрительная память у Андрея всегда была очень цепкая, и, казалось ему, вполне бы хватило ее для того, чтобы, сидя после в тепле, восполнить недостающие подробности. При слабом свете лампы он их и размещал в нужных местах едва ли не с фотографической точностью — что сам же ненавидел, — и схожесть с натурой достигалась удивительная, но движения, внутреннего движения, не возникало.

Со всех сторон неся густой здоровый храп, измученные за день на морозе корреспонденты валились на свои постели, едва к тому оказывалась возможность. Андрей уснуть не мог, хотя голова так и клонилась к столу. Он силился разгадать, что случилось с его пером, ведь никогда он ему ничего не приказывал, перо или карандаш сами вычерчивали именно те, порой всего единственные линии, которые вдруг оживляли дотоле точный, но мертвый рисунок. И вот перед ним лежит несколько портретов особо отличившихся бойцов. Андрей их рисовал по «личной просьбе» — по приказу начальника политотдела, и Яниш просто ахнул от восхищения, разглядывая вырезанные и оттиснутые самим же Андреем линогравюры.

— Немедленно послать во фронтовую газету, — распорядился он.

Но Андрей прихлопнул гравюры ладонью.

СВИНЦОВЫЙ МОНУМЕНТ

— Не могу. Не годятся.

— Да чем же они тебе не нравятся? — удивленно воскликнул Яниш. — Великолепные портреты.

Андрей пожал плечами:

— Мне не объяснить, товарищ Яниш. Дайте срок до утра — исправить.

Приближалось утро, но Андрей уже знал: чем больше правит, тем больше портит. Он рисовал этих солдат, совсем еще молодых ребят, с натуры, их специально привезли к нему, всего на несколько часов. Ребята, втроем оставшиеся восемь вражеских танков, сидели перед Андреем, смущенные своей славой, тупили взгляды, дергались на стульях и не могли дожидаться, когда все кончится. То ли дело, приезжал фотокорреспондент: щелкнул два раза, и готово! А на рисунки Андрея все же взглянули, улыбнулись, дружно и с облегчением кивнули: спасибо, похоже! И торопливо попросили разрешения уйти.

Линогравюры, сделанные с этих рисунков, понравились и редактору газеты, и Янишу, и всем вообще, кто бы их ни разглядывал. Не понравились они единственно ему самому.

Портреты и раньше бывали художнической мукой Андрея. Они всегда получались безупречно правильными и, пожалуй, даже в чем-то выигрывшее оригинала, сказывалась мягкость манеры письма. Но главные черты человеческого характера, особенно скрытые, так для него и оставались за семью печатями. В движении, в движении схватить бы эти определяющие черточки, и все озарилось бы живым светом, но, садясь позировать для портрета, люди мгновенно замирали, становились каменными. И, значит, ему, Андрею, и впредь теперь изображать вот такие, похожие, но каменные лица?

Он просидел над линогравюрами всю ночь, борясь с одолевающим его сном, сделал с каждого рисунка по несколько вариантов и понял, что самые первые наброски были все же намного лучше любых других. А Яниш днем, забежав на минутку в редакцию, постоял, вглядываясь и подперев языком изнутри левую щеку, покорно раскинул руки:

— Не думал — честно! — не думал, что из хорошего можно сделать еще и сверххорошее. Ну, доказал, Путинцев! До-ка-зал!

И у Андрея не хватило мужества признать, что он как раз ничего «не доказал».

А впрочем, может быть, и доказал? Талант художника — это отчасти и сила внушения, магического воздействия на других. Вот он сказал Янишу: «Ночь просижу, а исправлю». И Яниш поверил в талант Андрея, в его способность сделать невозможное. А на тот же самый рисунок сейчас он смотрит иными глазами, домысливая то, что вообще-то подсознательно хотелось видеть и ему.

А вот Андрею виделось определенно, да не послушалась полета воображения рука.

Но ведь эта же самая рука почему-то слушалась, когда он переводил в рисунки, привычные в его манере, те беглые кроки, что он делал законченными пальцами с ныряющих в ухабах грузовиков и деревянных домов, окна которых странно, крест-накрест, были заклеены бумажными лентами! Грузовики явно двигались, выбрасывая снежную пыль из-под колес, а в запущенных инеем окнах столь же явно улавливались шевелящиеся человеческие тени.

Эта постоянная загадка движения не открылась Андрею и теперь. Вернее, она еще сильнее утвердилась одной прежней стороной: его художническому расчету подвластно только то, что механически — мгновенно — ухватывает взгляд. И остается тайной все, что связано с «шестым» чувством проникновения в «душу живую». А это никогда не дается с быстрого взгляда. В «душу живую» проникнуть можно тоже только «живой душой», природа которой никому, во всяком случае ему, Андрею Путинцеву, неведома.

Андрею вдруг припомнились офорты «Капричос» Гойи. Еще в Светлогорске Седельников, все-таки затаскив к себе на квартиру, показывал ему этот альбом, изданный где-то за границей на великолепнейшей бумаге. Андрей листал альбом, как зачарованный, и снова и снова возвращался к некоторым, особенно удавшимся его в сердце рисункам. О Гойе он кое-что знал, в частности некоторые трагические подробности судьбы этого необыкновен-

ного художника, но полный набор «Капричос» тогда увидел впервые.

«Вы, Андрей, хотели бы стать таким, как Гойя?» — из-за плеча у него мягко спросила Ирина, жена Седельникова. Она-то именно и раздобыла этот альбом, и ради него Седельников затаскил к себе Андрея.

Андрей помолчал и отрицательно качнул головой.

«Нет!»

«Почему? — даже слегка отпрынула Ирина. — Не ожи-да-ла! Я ведь говорю не о жизни художника, а о его таланте».

«И я говорю о таланте, а как моя жизнь сложится, я не знаю — может быть, и еще хуже, чем у Гойи», — как-то невнятно выговорил свою длинную фразу Андрей. И захлопнул альбом.

«Чего-чего? — переспросила Ирина. Губы у нее расплылись в недоверчивой улыбке. — Казана Альба в вас, конечно, не влюбится, нет их, слава богу, у нас, этаких роковых герцогинь, а какая же советская девушка с вами не будет счастлива? Но вы мне скажите, чем вам талант Гойи не нравится?»

«Ну, может быть, не талант, — обмолвился я. — Талант — это уж очень бескрайно. Мне его «Капричос» — эти рожи — не нравятся. Они страшные. Не сами по себе, а то, какими ему они видятся».

«Андрей, золотой, да ведь в этом-то и главное: какими он их видит! И потом: не все они страшные».

Ему хотелось спорить. Но он знал, что верх в споре все равно возьмет Ирина. И не потому, что она более образованна, — хотя и это нигде не денешь, — она просто не поймет его. Ведь ее слова о Гойе, «какими он их видит» — эти самые «Капричос», — пустые слова. Не знает Ирина, как и что видел Гойя, это мог знать только сам художник, и больше никто. Ирина видит чужие рисунки, а берется отвечать за их автора. Она ведь ответила, собственно, и за него, Андрея Путинцева. А разве она знает, каким в своих рисунках видит он мир? Как легко она делает свои выводы о таланте художника. И о человеческого счастье тоже.

А Ирина между тем продолжала:

«Вас ошеломили «Капричос», вы даже назвали их «рожами», забыв о великом мастерстве, с каким они сделаны. А если бы — жалко, что это сейчас невозможно — показать вам его серии офортов «Бедствия войны», «Диспаратес»? И еще — настенные фрески в доме, где жил последнее время уже совсем оглохший Гойя. Тогда вы и совсем бы ужаснулись. Не знаю, чему: сверхчеловеческому гению художника или сверхчеловеческим страданиям его чистой души, ненавидевшей инквизицию за ее лицемерие, жестокость и кощунственное подавление свободного духа народа именем бога, Иисуса Христа, завещавшего людям: «Любите друг друга». А «Бедствия войны»? Они ведь наклеены на листы бумаги далеко не тем, что и «Капричос» и «Диспаратес». Но вместе взятые — это цельный Гойя».

«Ну, нет! — опять воскликнул Андрей. — Не цельный Гойя, это его обломки!»

«Обломки? Творчества?» — изумленно спросила Ирина.

«Жизни художника! Обломки жизни», — сердито сказал Андрей.

И отошел в сторону. Разве мог бы он выдержать дальнейший поединок с Ириной, у которой наряду с явной симпатией к нему все больше стала просвечивать на лице и этакая покровительственность, переходящая в жалость к заблудившемуся в трех соснах человеку.

Во всяком случае, так представилось тогда Андрею.

Теперь, разглядывая последние свои рисунки и злясь на себя, Андрей вдруг отчетливо понял: ему не хватает внутреннего состояния художника, которое владело Гойей, когда тот писал «Капричос», «Бедствия войны» и фрески на стенах своего «Дома Глухого».

Андрей потер лоб рукой. Но ведь Гойя времен «Капричос» был морально раздавлен инквизицией за свои стремления встать против мира зла и насилия, тупости властей страны, лицемерия и стяжательства церкви. К тому же он и до безумия истерзан был неутоленной страстью к герцогине Альба. Какого сходства он ищет — или хочет найти — между собой и Гойей? Андрей усмехнулся. И

бабочки, и стрекозы, и черные тараканы, и воробы, успевающие вспорхнуть из-под коготков охотящейся за ним кошки, — все они были нарисованные. И живые. Он отдавал им всю свою любовь к прекрасному и живому. Иначе он не мог. Иначе он не слушалась рука художника. Глаз художника. Сердце художника.

Даже в тот давний, метельный час, когда он перестал верить в любовь, он все равно не смог бы наново переписать портрет Ольги и превратить ее в урод. Лицо ее было прекрасным. А в остальном виноват только он сам — Андрей, и потому не имел права ее ненавидеть. Потеряв веру в искреннюю любовь женщины, он не потерял любви к красоте жизни. Чувство всеохватной ненависти и душающего гнева было ему незнакомо.

И если так, зачем он согласился стать «военным художником», вместо того чтобы, как ему и хотелось, честно защищать Родину просто с винтовкой в руках? Зачем он покорился воле Зыбина? Ведь это вновь была непреклонная воля «каменного» комдива.

Да, конечно, на передовой, с расщепленной пулей в сердце, его надолго бы не хватило, но ведь никто и не знает, насколько человека хватит на войне. И верно все-таки, что Андрей Путинцев — художник. Способный художник. А стрелок плохой.

Чему труднее выучиться для него сейчас: искусству меткой стрельбы или искусству гнева и ненависти художника к врагу? Того гнева и той ненависти и потрясённости чудовищностью сложившейся испанской действительности, что водила рукой Гойи, когда он писал свои «Капричос» — фантастически изощренный политический гротеск — и «Диспаратес», пропитанные духом безысходности, а в прямом значении слова — «нелепости за гранью реального».

1

А раздумывать оказалось и некогда. Прошло всего лишь несколько дней, и началось то самое решающее наступление, которое определило исход великой битвы за Москву. Жестокой декабрьской ночью, без обычной артиллерийской подготовки, по тихой команде, в далекий еще предутренний час, без раскатистых криков «ура», войска победительно поднялись, вышли из окопов и, угадывая направление по «створам» зажженных в тылу костров, двинулись по мертво молчащему снежному полю к неприятельским укреплениям. Расчет на внезапность.

Об этом под секретом Андрею еще с вечера рассказывал Яниш, помолчал, поглаживая щеку изнутри языком, и тоном безоговорочного приказа добавил:

— Вы двинетесь вслед за наступающими частями вместе с дивизионной газетой.

— И что ж я тогда увижу, товарищ Яниш? — Андрей весь был еще в своих мыслях.

— Не знаю. Но я вас, товарищ Путинцев, «тогда» надеюсь увидеть. Живого. И надеюсь увидеть ваши рисунки.

— Портреты даже анфас мне плохо удаются, а если глядеть человеку в спину — тем более.

Яниш усмехнулся.

— Значит, чтобы хорошо изобразить стреляющее орудие, вам нужно стоять перед его дулом?

— Мне нужна ненависть к врагу, товарищ Яниш, а для этого я должен видеть его самого, а не засыпанные снегом его следы.

— Следы, следы... — пробормотал Яниш. — А следы фашистской сволочи иной раз бывают куда страшнее, чем сам какой-нибудь озверевший фриц. Да к тому же еще и замороженный, в «галошах» из соломы, с шеей, закутанной длинными старушечьими — шерстяными! — чулками. А вы не карикатурист. Оставьте это другим. Вам об этом товарищ Зыбин что-нибудь говорил?

Упоминание фамилии Зыбина исключало дальнейшее препирательство с Янишем, однако Андрей все-таки не удержался:

— Мне не портреты фрицев писать — мне товарищ Зыбин наказывал изображать всю самую страшную правду войны. Еще горячую, неостывшую правду.

— И что же, она откроется вам только всего один раз? — спокойно возразил Яниш. —

Только в сегодняшнем ночном бою? Докуда вы рассчитываете дойти, находясь неизменно в самой первой цепи наступающих наших войск?

— Докуда бы ни дошел...

— Плохой ответ. Я ожидал, скажете: до Берлина.

— Ну, до Берлина! — с вызовом проговорил Андрей.

— А этот ответ еще хуже. Пустой ответ. Потому что вы сами знаете — и врачи знают — новой пули не потребуется, старая успеет сделать свое дело задолго до Берлина.

— А я и думать о ней забыл!

Яниш развел руками.

— Хвалю. А я вот о ней помню. И мне очень хочется, товарищ Путинцев, кой-что посмотреть из ваших берлинских рисунков. — Он медленно сдвинул обшлаг гимнастерки, взглянул на часы. — Мне пора. Да и вам отдыхать придется недолго. Отдыхайте. Это совершенно категорический приказ. Что же касается ненависти к врагу... Разве у вас ее не было, когда вы в Чите добивались встречи с товарищем Зыбиным? А вы тогда тоже еще никаких следов фашистского чудовища не видели.

Эти следы Андрей увидел под вечер следующего дня когда машина дивизионной газеты двинулась в путь, то и дело уступая дорогу идущим в наступление вторым эшелонам танковых и пехотных частей.

— Глядите-ка! — вскрикнул шофер, резко затормаживая машину. — Это же моя деревня...

Он не договорил, сбил шапку на затылок и выскочил на размоленную гусеницами танков обочину сельского проселка.

Никакой деревни не было. Только черными

столбами редкие поднимались печные трубы, сверху запорошенные снегом, сыпавшимся, должно быть, всю ночь, да кой-где из-под снеговых наметов торчали бесформенные нагромождения обугленных бревен. Похоже, все это работа огня последних суток.

А где же люди? Хотя кто-нибудь? Ведь было же известно по донесениям разведки, что из прилегающих к фронтовой линии деревень далеко не все успели уйти в свой тыл — так быстр был нажим немецких армий. Конечно, на пепелище людям теперь тоже нечего делать, негде даже головы приклонить. Но все же? Навстречу не попадался ни один человек. Неужели всех оставшихся немцы угнали с собой?

А шофер, надсадно вздыхая, бродил вокруг печальных черных труб, что-то выискивая в обломках домов, изувеченных пожаром, и в грудах битого кирпича.

— Сестрица моя старшая, замужем, тут жила, и вот — где она? Племянши малые тоже. А две недели назад, знаю, были живы. Что с ними проклятые сделали?

— Найдутся, Антон Васильевич, найдутся, — осипшим от простуды голосом уговаривал шофера редактор газеты, — теперь, когда опять на своей земле, не потеряются.

— А когда она, эта земля, не своей была? — вдруг огрызнулся Антон Васильевич. — Когда под фашистским сапогом, что ли? Все одно — всегда своя! Только почему же на ней торчат эти черные, холодные трубы и голосу человека не слышно?

— Ты кому задаешь вопрос этот? — захлебываясь в кашле, спросил редактор.

— Сказал бы: вам. Не ответите. Сказал бы: небу. Нет там никого. Себя спрашиваю.

— И что же ты себе отвечаешь?

— Себе? Давно уже тихо сказано. А вам ежели? Ну, вы обо мне, может, еще и услышите. Я ведь к баранке не прикипел.

И Андрей увидел, какой палящей душу яростью изнутри зажглось лицо Антона Васильевича. Мгновение, которого Андрею часто не хватало в работе с натуры. Он торопливо потянулся к планшету с блокнотом, но лицо Антона Васильевича уже окаменело, стало обычным. И Андрей отбросил планшет за спину — навсегда и так ему врезалось в зрительную память то, что молнией промелькнуло в глазах шофера.

Надо было ехать дальше, редактор поторапливал, важно увидеть и засвидетельствовать самые свежие новости с передней волны решающего наступления. Но Антон Васильевич все шагал и шагал вперед, туда, где смутно в густых вечерних сумерках определялась бывшая площадь, а теперь виднелся заснеженный пустырь, со взгроможденным посредине штабелем из коротких бревен.

Тянуло к этой площади и Андрея. Что-то необычное просматривалось в расположении бревен, словно бы приготовлен — и то как попало — большой костер, а зажечь его не хватило времени.

— Едем, Антон Васильевич, — проговорил редактор. — Впереди мы еще и не на такое посмотримся. Вступает в действие немецкая стратегия отступления — «дотла выжженной земли». Едем...

— Да ведь это же люди! — вдруг сдавленно вскрикнул Андрей. Он оказался на нескольких шагов впереди всех. — Я слышу стоны...

Костер оказался сложенным из бревен, до-

сок и человеческих трупов. Свежи были следы расстрела, который состоялся тут же, у края площади. Темнели обширные лужи крови, пропитавшие снег насквозь. Приготовленные канистры стояли «табунком», не раскрытые — должно быть, тоже по недостатку времени, — и тяжелый, щекоющий в горле запах керосина смешивался с запахом оледеневшей крови и горького обугленного дерева. На самой вершине костра, лицом вниз, со скрученными за спиной руками лежало четверо мужчин, раздетых совсем донага и с веревками на шеях. Видимо, их, задушенных, сорвали где-то с виселиц и приволокли сюда в последний момент.

А вдалеке глухо и часто били тяжелые орудия. Стороной прошло звено советских бомбардировщиков. На запад, на запад. И рокот их моторов растворился в сумеречных тучах.

— Ну, что будем делать? — спросил редактор. — Не поджигать же нам этот страшный костер! И могилу братскую выдолбить в мерзлой земле некому. Сколько тут нас... В три дня не управимся. Задерживаться тоже нельзя, приказ — идти за наступающими частями строго на установленной дистанции. И так нарушили. В тыл, где мы стояли, дать бы весть. Много времени потеряем. — Вздохнул тяжело: — А деревню и людей всех, выходит, под корень... Д-да... И все-таки едем. Антон Васильевич! Товарищ Путинцев, в машину!

— Но я слышал стоны, — трудно выговорил Андрей, и зубы у него застучали. — Там есть живые.

— Почудилось. Это бывает. Где же тут живые. Мороз, а «поленнице» этой не меньше суток. К тому же — расстрелянные. Слышали, говорите? Жутко, но давайте все же, товарищи, вместе крикнем: «Эй, живые кто, отзовитесь!»

Крикнули, превозмогая себя, действительно словно обращаясь в пустую могилу. Голоса, хотя и громкие, в полную грудь, тут же потерялись в морозном чаду, и не отозвалась на них упавшая вдруг тишина ни встревоженным эхом, ни живым вскриком. Погребальный костер молчал. И оттого особенно страшно было глядеть на промороженные заиндевевшие веревки, глубоко впившиеся в шеи четверых обнаженных мужчин.

Андрей почувствовал, как острая жгучая боль под лопаткой, точно такая, как однажды остановила его при восхождении на гору под Светлогорском, — эта острая боль не позволит ему пройти даже двадцати — тридцати шагов, забраться в машину и потом неведомо сколько тряссти в снежных ухабах. Он должен перетерпеть ее, как и тогда, не двигаясь с места. А там уж будь что будет.

— Едьте, — напомнил редактор.

— Я не поеду, — глухо сказал Андрей. — Поезжайте одни.

— То есть? Как это понимать?

Действительно, понять было невозможно. И невозможно было сказать правду, потому что тогда в лучшем случае госпиталь, в худшем — возвращение навсегда в глубокий тыл с неприятностями для Яниша. И, во всяком случае, сейчас для редактора. Он же, конечно, отдаст приказ шоферу повернуть обратно.

— Товарищ Яниш предоставил мне известную свободу действий, — с усилием выговаривая слова, объяснил Андрей, — и я хочу зарисовать все, что здесь увидел.

— Помилуйте, ночь надвигается, — редактор знал, что Путинцев на каком-то особом счету в политотделе, и прикрикнуть сердито на него не решился, — здесь, кроме этих мертвых, нет никого и негде укрыться от мороза, согреться до утра. Простите, всерьез ваши слова и принять не могу. И товарищ Яниш первый меня спросит, почему я вас оставил.

— Это ненадолго, я найду способ, как вас догнать. — Говорить Андрею становилось все труднее, а не говорить было тоже нельзя. — Вам с техникой задерживаться невозможно, а я совестью своей обязан проследить, чтобы эти люди были достойно похоронены.

— Что же, пойдете пешком в село, где мы до этого стояли?

— Пойду...

Он не знал, когда и как сумеет это сделать, и сумеет ли это сделать вообще. Главная задача: как возможно быстрее отправить редакционную машину и остаться наедине со своей

все нарастающей болью. Нет, нет, никак не на людях, только в одиночку он должен справиться с ней. Такой опыт у него уже был на горе над Аренгой.

А здесь? Мороз, глухая ночь в сожженной дотла деревне и долгий пеший путь по изрытой танками дороге до села, где находится штаб дивизии. Ничего, все это преодолимо — только перетерпеть бы пронзительную, жгучую боль.

— Путинцев, вы категорически?

— Категори...

Он отвернулся, сделал шаг в сторону, чтобы не продолжать разговор. Каждая минута давалась ему жестоким напряжением воли.

Редактор еще немного потоптался на месте, командовал: «Антон Васильевич, заводил!» Потом невыносимо долго стучал стартер. Наконец, машина рванулась, обдав Андрея издавелем вонючей тугой полосой бензинового дыма, и все стихло.

Боль в сердце, достигнув предела, теперь охватила и весь позвоночник. Андрей боялся даже переступить ногами, шевельнуть левым плечом. Ему казалось, еще какая-то малость, неловкое движение, резкий поворот — и равновесия уже не сохранить, а тогда с земли ему не подняться.

Совсем стемнело. Небо густо-серое, без единой звездочки. А адали, все глуше и глуше, но по-прежнему частые бухают разрывы артиллерийских снарядов, значит, бой, начавшийся в прошлую ночь, продолжается. До чего же нелеп, не ко времени этот приступ! А сколько будет их еще впереди, на трудных военных дорогах?

И вдруг измученная мысль подсказала: а может быть, этот — последний? Какую подлую работу делает сейчас эта когтистая пуля? Почему ей не удается лежать — висеть? — спокойно в том месте, куда ее вогнал финский снайпер?

Даже в валенках чувствительно стали зябнуть ноги, холодом стянуло пальцы в меховых рукавицах. Это все особые заботы Яниша, такая теплая одежда. Он подошел практически: руки художника должны сохранять гибкость, подвижность.

А шевельнуться все-таки невозможно.

Почти совсем не владея собой, храня еще давние детские ощущения, что плач и слезы снимают тяжесть боли, и зная, что он здесь один и, может быть, сейчас его уже вообще не станет, он совсем по-ребячьи всхлипнул и уловил, как по щеке прокатилась теплая слеза. Но этим детским всхлипом он не прощаясь с жизнью, не испытывал жалости к себе, что вот сейчас окончательно перехватит дыхание, просто ему хоть в малой доле необходимо было утишить бесконечно долгую боль.

И это свершилось, железные тиски, сжимавшие грудь, распались, но сразу бросило в горячий пот и подкосились ноги.

Пытаясь удержаться, не упасть, Андрей схватился за обрубок бревна в приготовленном смертном костре, навалился всем телом. И тут до него, из глубины страшного штабеля, донесся еле слышный звук, не то сдавленный вздох, не то совсем угасающий стон.

Андрей этот стон уже слышал. Но почему же никто на их дружный оклик в тот миг не отзывался? Или и сейчас ему просто опять померещилось?

Так или иначе, но пока он не убедится, что в груди трупов, переслоенных досками и бревнами, никто не уцелел в живых, он отсюда не уйдет, не выполнив своей человеческой обязанности.

Боль отступает. Что ж, хорошо. Теперь очень и очень надо спешить. «Там» ведь вот-вот жизнь, если она действительно еще теплится, может и вовсе угаснуть. Но торопиться тоже нельзя. Надо сосчитать хотя бы до ста... До двухсот... До трехсот...

5

Он делал рисунки один за другим. Торопливо, не давая себе отдыха. И тут же перечеркивал их, отбрасывал в сторону. Но кое-что бережно вкладывал в отдельную папку с тем, чтобы потом снова вернуться к удавшимся наброскам. Они жгли его творческое воображение и не нуждались в проверке натурой. Все-все, даже самые малые подробности удерживала зрительная память. А может быть, в до-

полнение к ней, еще и та сила яростной ненависти к врагу, что теперь не покидала Андрея.

Бои отодвигались все дальше на запад, однако наступление развивалось тяжело. Фашистское командование, ошеломленное неожиданным сильным ударом советских армий на ряде решающих направлений, теперь спешно стягивало резервы, производило перегруппировки войсковых соединений, не желая признавать полную теперь безнадежность престижного для «тысячелетнего рейха» плана молниеносного окружения и взятия Москвы.

В село, где раньше находился штаб дивизии Комаровского, подтянулись другие свежие формирования. Здесь же был размещен и медсанбат. Невзирая на свои протесты, Андрей оказался в нем. Финская пуля — «взведенный курок», как в свое время назвала ее врач госпитали той, первой для Андрея войны, вновь пощадила, «курок» и на этот раз остался неспущенным. Сердце побаливало, но работало честно, — плохо слушались ноги. И это не только от специалистов-медиков, но и от любого человека скрыть было невозможно, а потому и все протесты Андрея попросту не были приняты во внимание.

Андрея подобрал и в медсанбат доставил Антон Васильевич. Редактор дивизионной газеты, добравшись до назначенного пункта, связался по телефону с Янишем. Тот молча принял доклад, выдержал небольшую паузу, что-то невнятно проговорил в сторону, а потом, уже вслух, жестко приказал редактору найти Путинцева и больше не отпускать от себя. Приказ Яниша в последней части оказался неисполним. И вот Андрей сидел и рисовал. При свете короткого зимнего дня и в лучах потайного фонарика ночью, когда не спалось. А чаще ему не спалось.

Давящие мозг своим ужасом картины стояли неотступно перед его мысленным взором.

...Отчаянная паника, вдруг охватившая вражеский батальон, расквартированный в деревне, название которой так и не успел выговорить Антон Васильевич. Гитлеровцы, а было это поздним вечером, кольцом оцепили деревню. Под нервными вскриками прошли на прочес каждый дом и двор и всех до единого жителей, даже калек и детей, согнали на площадь. И тут же все избы одна за другой стало охватывать высокое багровое пламя. В его сполохах люди увидели наскоро, на скрепленных в козлы длинных бревнах, сооруженную виселицу, а на ее перекладине — четверых обнаженных мужчин, тела которых уже были осыпаны белым инеем. А вокруг — лагз металла, отборная брань, угрозы, топот конвойных, короткими стволами автоматов теснящих людей к одному из дощатых заборов, особенно ярко озаренных пожарищем.

«За что?» — вдруг вырвался чей-то негодующий вопль.

Никакого ответа. Только энергичнее удары автоматами и злее брань.

На лица прижатых к забору людей и гнев, и страх, и презрение, и торжество — значит, наши пошли в большое наступление, близка свобода и значит, гитлеровцам надо быстро спасать свою шкуру и некогда отбирать себе рабов для угона в Германию. Некогда даже забрать из домов кое-какое ценное барахлишко. А уходя с русской земли, не оставить на ней ничего. Только пепел. И трупы. Впрочем, тоже как пепел.

Еще не свершили автоматы свое злое дело, а вон поблизости от виселицы полиция уже выстилают ряд из досок и обрубков бревен. Появились канистры с керосином. Душный запах поплыл над землей.

Отрывистая команда. И залп за залпом, длинными сливающимися очередями...

...Когда три дюжих гитлеровца высадили плечами дверь — Галина не успела сбросить крючок — и ворвались в избу, им сразу на глаза попался только Дмитрий. Он сидел у стола и при свете тощенького жировичка пришивал заплату на рукав изношенного, еще отцовского полушубка — всю крепкую одежду и обувь давно конфисковали полиция по указанию немецкого командования.

«Встать! Быстро, быстро!» — по-русски закричал один из гитлеровцев, хватая Дмитрия за плечи и поворачивая лицом к двери. Показал пистолетом: — Туда!»

«Не троньте! Он же безногий, хромой — упадет».

Галина оказалась рядом с мужем, заслонила его. И больше ничего объяснить не смогла, гитлеровец наотмашь ударил ее пистолетом. Удар пришелся около виска, и, слабо охнув, Галина повалилась на пол. Дмитрий все-таки гитлеровцу в горло. Щелкнул пистолетный выстрел.

«Вот и все».

Заглянули за переборку на кухню, перевернули набор деревянную кровать — не укрылся ли кто-нибудь под ней — и, накидав на тела убитых собранное откуда попало тряпье, приготовленную для растопки плиты щепу, подожгли...

...На площади у забора казнь завершалась. Немцы подгоняли полицаяв: укладывайте расстрелянных на бревна, да не очень плотно, чтобы движение пламени между телами было, а сверху новый ряд досок, бревен и снова казенных. Костер был готов уже наполовину. Заревом от горящих домов охватило все небо, и в отблесках затененного дымом огня лужи крови казались черными на белом снегу. Гитлеровцы старательно обходили эти лужи, чтобы не запачкать, не промочить обувь. Полицаян умоляюще поглядывали на своих хозяев: дайте нам передышку. Те, поводя автоматами у живота, грозили: никаких передышек!

И в этот миг на освещенную заревом площадь вбежала Галина.

«Где Митя мой? Что вы сделали с ним?»

С лицом, залитым кровью, она стояла, покачиваясь и обводя невидящими глазами страшную укладку казенных, виселицу с неснятыми еще трупами четырех мужчин, пылающие окрест все дома, черный дымящийся снег, полицаяв, понуро опустивших руки, падачей с автоматами.

Узнала того, с пистолетом... Кинулась...

«Ты! Проклятый! Где...» — и задохнулась.

Оглушенная ударом в висок, опаленная огнем, сквозь едкий дым она выползла из своего горящего дома, не сознавая ничего, кроме единственного: фашисты хотели увести с собой Дмитрия. Где он? И видела теперь только трупы и трупы. И еще этого, самого ненавистного.

Он поднял пистолет, прицелился и вдруг сунул его обратно в кобуру.
«Баба! Ты же убитая!» — И полицаям: — Её вместе со всеми».

Мокрые липкие руки обхватили Галину, живую, втащили на костер. И сразу, поперек, ее придавила широкая тяжелая доска. Другая. Третья...

...Превозмогая слабость в ногах и накатывшую тошноту, Андрей стал сбрасывать на землю окоченевшие, странно пощелкивающие трупы. Сомнений теперь у него не было: там, в глубине, есть кто-то живой.

Горячая испарина ползла у него по спине, остаточной тупой болью стягивало плечи, непослушно шевелились пальцы, когда их приходилось сжимать, чтобы ухватиться за конец бревна и скатить вниз. Он останавливался, прислушивался: откуда ему почудился, нет, не почудился, несомненно, долетел сдавленный вздох. Но этот вздох не повторялся, и у Андрея шевельнулась тревога: минуты какой-то, может быть, не хватило человеку.

Нет, нет, нельзя давать себе поблажку! Еще ряд, еще один ряд широких тяжелых досок.

«Митя... Митя...» — почти неразличимый в ночной тиши голос. И что-то еще шепчет, шепчет женщина.

Андрей коснулся открытой ладонью ее лица. Длинные, спекшиеся от крови волосы. Руки без варежек, совсем ледяные. Он принял их растирать. Ноги, хотя туго, но в коленях сгибаются, — счастье, спасли толстые подшитые валенки.

А мороз палит, сизый чад стелется над землей. И в какую сторону мысленно ни обрати взгляд, близкой помощи ждать неоткуда. Им вдвоем никуда не дойти. И ему одному уйти от нее невозможно. Значит, единственная надежда на огонь. Доски, бревна есть. Стоят канистры с керосином. Мертвые простят, если огонь будет гореть рядом с ними, непогребенными. Хорошо еще, что он, некурящий, всегда с собой носит спички...

Продолжение следует.

ОТВЕЧАЕТ

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С. А. ЕСЕНИНА

Юрий ПРОКУШЕВ

С. А. Есенин и С. А. Толстая-Есенина.

Скажу откровенно: я никак не мог предположить, что со мной произойдет эта история и что так счастливо и неожиданно завершится один из моих многолетних есенинских поисков.

«Я тот, кого вы искали...» Эти слова я услышал от человека, судьба которого занимала меня долгие годы. И вы поймете, почему. Он был последним адресатом Есенина. За несколько дней до смерти поэт направил ему свое письмо. Еще в середине пятидесятых годов мне довелось познакомиться с этим волнующим человеческим документом.

Позднее письмо Есенина было напечатано. К тому времени я уже располагал многими важными сведениями об адресате. И все-таки главное пока оставалось неясным: жив ли он, если жив, как сложилась его дальнейшая судьба. Поиск продолжался. Порой мне казалось, что я почти у цели, что встреча с этим человеком вот-вот состоится. Но... каждый раз обнаруживались новые «белые пятна». Шли годы. Все меньше оставалось надежды на разгадку тайны последнего есенинского адресата, на встречу с ним...

И вдруг не верю своим ушам:

— Дорогой Прокушев, а знаете ли вы, что я и есть тот самый, последний адресат Есенина, который вас интересует?

Не знаю, что ответить, что сказать. Невероятно! Вот так встретил!

Горком партии поручил комиссии ознакомиться с работой партийного комитета московских писателей. В тот день меня как председателя на заседании комиссии одолевали многие думы и заботы. Могло ли прийти в голову, что сидящий рядом со мной писатель-прозаик Яков Цветов, в то время заместитель секретаря парткома писательской организации, и последний адресат Есенина Яков Цейтлин — одно и то же лицо?

Поначалу даже подумалось: а не шутит ли мой сосед, не очередной ли это писательский розыгрыш? Очевидно, по выражению моего лица он уловил мои сомнения.

— Нет, нет Юрий Львович, это серьезно. Я готов встретиться с вами и все вам рассказать. Я храню с той поры некоторые документы, которые вам наверняка будут интересны и многое прояснят.

Я молчал. Меня смущал один немаловажный факт. Адресат Есенина носил другое имя — Яков Цейтлин. И опять, видимо, что-то в моем настроении передалось собеседнику.

— Понимаю... понимаю, — задумчиво произнес он. — Я открою вам «секрет». История эта произошла со мной лет тридцать тому назад. Как это порой бывает, произошла во многом случайно. Я уже работал очеркистом в одной из

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

центральных газет. И вот однажды наш сельскохозяйственный отдел поставил в очередной номер мой очерк о деревне, а партийный отдел — очерк об агитаторах на селе, тоже мой. Решили: один очерк дать под моей фамилией, а под другим дать псевдоним «Цветов», тут же, с ходу кем-то придуманный. Постепенно «девичья» моя фамилия, под которой я печатал свои стихи в Николаеве, стала забываться. И забылась...

Я чувствовал: воспоминания о прошлом взволновали моего собеседника. Его голос выдавал это внутреннее волнение. И я поверил этому голосу. Поверил, отбросив еще недавние мои сомнения.

— А вы знаете, у меня для вас тоже есть кое-что интересное.

Теперь уже мой собеседник с явным удивлением посмотрел на меня. А затем после небольшой паузы спросил:

— Так что же у вас есть интересное для меня?

— Ваше письмо к Есенину и ваши стихи, которые вы послали ему летом 1925 года.

— Это невозможно! — произнес он тихо. Помолчал и вновь повторил почти шепотом: — Нет! Это невозможно!

Волнение его нетрудно было понять. Сорок пять лет назад он отправил свое письмо Есенину. Судьба архива поэта за эти годы складывалась по-разному... Часть писем и некоторые есенинские рукописи пропали, к сожалению, безвозвратно.

— Это просто фантастика! Где удалось вам отыскать мое письмо?

* * *

— Вот один из моих аспирантов. Любит и знает хорошо романы Толстого, но не скрою от вас, Софья Андреевна, главное увлечение его — поэзия, стихи Маяковского, Блока, Есенина... Пришел ко мне на консультацию.

Так, как всегда, очень тактично, мой научный руководитель — Константин Николаевич Ломунов, ныне известный толстовед, доктор, профессор, а тогда, в сорок девятом году, ученый секретарь московского музея Льва Толстого, представил меня внучке великого писателя — директору музея. Мы находились в ве небольшом, уютном кабинете... Софья Андреевна Толстая была женой Сергея Александровича Есенина в последний год его жизни.

После первого знакомства мне посчастливилось неоднократно бывать у Софьи Андреевны в музее, а также у нее дома на квартире в Померанцевом переулке. В одной из комнат этой большой квартиры жил несколько месяцев Сергей Есенин. Отсюда в конце декабря двадцать пятого года он уехал в Ленинград.

Со временем Софья Андреевна Толстая познакомилась со своим архивом.

— Посмотрите прежде всего эту папку, — сказала она при очередной встрече. — Здесь должно быть одно очень, очень интересное письмо Сергея. Обратите на него особое внимание. Когда прочтете, я расскажу вам удивительную историю. Так случилось, что письмо это стало последним в жизни Есенина, — с грустью проговорила Софья Андреевна.

Но письма среди есенинских автографов не оказалось. Толстую это встревожило. А я был этим расстроен предельно.

Последний адресат Есенина! Что побудило поэта за несколько дней до своей трагической смерти отправить это письмо. Кто он был — этот последний адресат? А главное, о чем писал ему Есенин? Пришли на память строки последней есенинской поэмы:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен...

Мелькнула мысль и о последнем стихотворении:

До свиданья, друг мой,
до свиданья...

— Письмо может находиться и в другом месте, — заметила Софья Андреевна. — Скорее всего в материалах Есенинского музея. Такой музей мы начали создавать после смерти Сергея Александровича. По разным причинам дело застопорилось... Многие материалы мне удалось сохранить. Я вам их охотно покажу.

Время шло. Я узнал и услышал много интересного. Надеюсь, что когда-нибудь мне удастся рассказать об этом более подробно. Что же касается автографа последнего письма, то я с каждым днем все больше утрачивал надежду найти его в архиве Толстой. Завершая свою работу, я знакомился с перепиской, которую в разные годы вела Софья Андреевна. Среди ее корреспонденции оказался самый обыкновенный, потусневший от времени, потертый, старый почтовый конверт. Он сразу привлек мое внимание. С одной стороны конверт был разорван. Очевидно, кто-то, раскрывая его, торопился в свое время прочитать письмо. Почти во весь конверт почерком, мне очень знакомым, но не есенинским, был указан адрес, по которому было отправлено письмо:

«г. Николаев, Адмиральская ул. д. 23. Якову Цейтлин».

Но главное заключалось в обратном адресе, который стоял на конверте: «От С. А. Есенина, Остоженка. Померанцев пер., 3, кв. 8».

На конверте хорошо сохранился почтовый штемпель. Можно было прочитать: «Москва, 16.12.25».

«От С. А. Есенина...» Итак, шестнадцатого декабря двадцать пятого года в Николаеве было отправлено есенинское письмо. Получатель его суждено было стать последним адресатом Есенина. Но где это письмо? Конверт, в котором оно когда-то находилось, оказался пустым. Письма Есенина в нем не было!

— Не знаю, что и сказать вам по этому поводу, — проговорила Софья Андреевна. — Возможно, письмо каким-то образом попало в один из архивов, куда в свое время мной были переданы некоторые материалы Есенинского музея. Но всего вероятнее, оно все-таки находится где-то в моих неразобранных материалах. За эти годы их накопилось немало. К сожалению, — заметила Софья Андреевна, — здоровье все чаще подводит меня. Не хватает сил и времени привести в порядок эти материалы. А письмо действительно примечательное. Его надо обязательно мне найти.

Я заинтересовался у Софьи Андреевны: знал ли раньше Есенин своего последнего адресата, о чем писал ему.

— Случилось так, — рассказала она, — что последним адресатом Есенина стал Яков Цейтлин, рабочий паренек из города Николаева, комсомолец, увлекающийся поэзией, пишущий стихи. Несколько своих стихотворений он прислал Сергею; просил совета, поддержки, помощи. Насколько я помню, — продолжала Софья Андреевна, — стихи молодого николаевского поэта понравились Сергею искренностью чувств. Он написал об этом их автору. Письмо Есенина

было проникнуто заботливым отношением к молодому поэту, его стихам. Из Николаева вскоре пришел восторженное ответное письмо, полное благодарности и Сергею. Но... Есенину не суждено было его прочитать. Письмо это было получено после смерти Сергея Александровича.

Даление двадцатье годы: двадцать четвертый... двадцать пятый. С волнением листал я пожелтевшие от времени страницы газеты «Красный Николаев». Здесь мог опубликовать свои стихи адресат Есенина: ведь эта газета выходила в городе, где он жил. Как я был обрадован, когда это предположение подтвердилось. «Яков Цейтлин» стояло под одним стихотворением, через несколько номеров газеты — под вторым, а далее — под третьим... шестым... десятым. Молодой поэт оказался плодовитым. Он явно спешил «покорить» своими стихами если не весь мир, то хотя бы свой родной город.

Теперь, когда у меня уже сложилось некоторое представление о «последнем адресате», я попытался выяснить возможность нахождения письма Есенина в других архивах, о чем предположительно говорила Софья Андреевна. Однако результаты этих дополнительных поисков оказались самыми неутешительными. И в московских и в ленинградских государственных архивах письма Есенина не было. И когда, как казалось, надежда на успех почти не осталась, пришла в очередной раз и Софья Андреевна, я услышал от нее:

— Наконец-то отыскался автограф письма, которое Есенин отправил в Николаев. Письмо находилось в моих личных бумагах.

Надо ли говорить о чувстве, которое испытал я, держа в руках скромный листок из блокнота, на двух сторонах которого карандашом, таким знакомым, четким, округлым почерком было написано письмо, в котором говорилось:

«Дорогой товарищ Цейтлин. Спасибо Вам за письмо. Жаль только то, что оно застало меня очень поздно. Я получил его только вчера, 12/XII—25 г. По-видимому, оно провалялось у кого-нибудь в кармане из прожекторов, ибо поношено и вскрыто. Я очень рад и счастлив тем, что мои стихи находят отклик среди николаевцев. Книжки я постараюсь Вам прислать, как только выйду из санатории, в которой поправляю свое расширенное здоровье».

Из стихов мне Ваших понравились вещь о голубятне и паре голубей. Вот если б только поправили перебойную строку и неряшливую «Ты мне будешь помощником хох», я бы мог его отдать в тот же «Пржектор».

Дарование у Вас безусловное, теплое и подкупающее простотой, только не упускайте чувств, но и строго следите за расстановкой слов.

Не берите и не пользуйтесь избитых выражений. Их можно брать исключительно после большой школы, тогда в умелой рамке, в руках умелого мастера они выглядят по-другому.

Избегайте шатких, зыблых слов и больше всего следите за правильностью ударений. Это очень нехорошо, что Вы пишете были, вместо были.

Желаю Вам успеха как в стихах, так и в жизни и с удовольствием отвечу Вам, если сочтете это нужным себе. Жму Вашу руку.

Сергей ЕСЕНИН.
Москва. Остоженка, Померанцев пер., д. 3, кв. 8».

Даже и сегодня, когда мы знаем многое, очень много о поэте, в том числе и о его заботливом отношении и поддержке молодых литераторов в Москве, Ленинграде, на Кавказе, невозможно без глубочайшего волнения читать эти мудрые строки есенинского письма, проникнутые заботой о будущей писательской смене.

В тот вечер я прежде всего хотел выяснить у Софьи Андреевны: сохранилось ли письмо и стихи Якова Цейтлина, которые он прислал Есенину, а если да, то где они находятся.

— Здесь, Юрий Львович, я обрадовать вас не могу. Нет! Ни письмо Цейтлина, ни его стихи, очевидно, не сохранились. Во всяком случае, я ничего вам не могу сказать обнадеживающего по этому поводу. Да и то сказать, ведь прошло с тех пор более тридцати лет, да каких!

Постепенно я утрачивал надежду встретиться с Яковом Цейтлиным или хотя бы отыскать его письмо к Есенину. Но в жизни порой случается так: ищешь одно, а находишь другое. Так случилось и со мной. В январе 1962 года для выяснения ряда вопросов, касающихся работы Есенина в 1912—1914 гг. в типографии Сытина, я встретился с Надеждой Романовной Языковой. Она вместе со своей сестрой Анной Романовной работала вместе с Есениным в корректорской типографии Сытина.

В декабре 1925 года, перед отъездом в Ленинград, Есенин побывал у Анны Романовны и оставил ей некоторые свои бумаги. После смерти Анны Романовны бумаги эти хранились у ее сестры Надежды Романовны. Во время наших бесед и встреч она любезно мне их показала. Среди этих бумаг я неожиданно обнаружил то, что уже почти не надеялся отыскать: стихи и письмо Я. Цейтлина к Сергею Есенину.

Это был волнующий документ романтической эпохи двадцатых годов, переполненный великой любовью юного рабочего поэта-комсомольца к Есенину. Привожу здесь его текст, без редактуры, с сохранением всей «восторженной» стилистики.

«25/VII—25 г., г. Николаев.
Дорогой Сергей Есенин!

Я вот уже 2 года имею сильнейшее желание снестись с тобой... И вот я решил прибегнуть к письму... Прости, что так вихрasto пишу, ибо и сейчас при твоём имени я волнуюсь и сердце готово выпрыгнуть и умереть... (не раз я собирался писать — но письма не по-

«ОТ БЕРЕГОВ, ГДЕ ПРОСИНЬ...»

[К истории неопубликованного стихотворения Сергея Есенина]

Я узнал, что в Москве живет женщина, которая встречалась с Есениным и хранит в своей памяти несколько эпизодов из биографии поэта, а также одно стихотворение Есенина, нигде не опубликованное. Стихотворение посвящено юной девушке по имени Мина. Написано оно 21 сентября 1917 года.

— Почему же до сих пор не печаталось это стихотворение? — спросил я хозяйку дома, в который я пришел.

— Без разрешения адресата, которому оно посвящалось, я не имела права публиковать его, а мой друг Мина Львовна Свирская по свойственной ей предельной скромности не хотела, чтобы это стихотворение увидело свет при ее жизни.

— Мина жила на Каменноостровском проспекте. Неподдалеку от нее, на Нарповке, жил Герман Александрович Лопатин. Несмотря на многолетнее заключение в крепости (за попытку организовать побег из Сибири Н. Г. Чернышевского) и преклонный возраст (ему было 72 года), Герман Александрович не утратил жизнелюбия и интереса к литературе и искусству. Но он начинал слепнуть и по вечерам не мог один передвигаться по Петрограду. Вот тогда-то его старый друг Вера Николаевна Фигнер и попросила Мину, которую она хорошо знала, взять на себя опеку над Германом Александровичем. По утрам Мина обычно забегала к Лопатину, чтобы узнать, где он будет вечером, а затем заходила за ним по указанному адресу и отводила Германа Александровича домой.

Ранней весной 1917 года, зайдя в очередной раз к Лопатину, Мина узнала, что вечером он будет у Сакерова. Адрес был ей известен. Сакеры, ее земляки, не раз приглашали заходить гимназистку, приехавшую из Вильно. Якову Львовичу Сакеру, одному из издателей «Северных записок», в фев-

рале 1916 года Есенин подарил свою «Радунцу» с дарственной надписью: «Милому Якову Львовичу от баяшника соломенных сумов за подсовки в бока, которые много дороже приятных, но только слов. Сергей Есенин».

В уютной столовой Сакеров и произошла встреча Германа Лопатина и Сергея Есенина. Когда Мина пришла, уже заканчивалось чаепитие. «А вот и Мина», — представил молодую землячку Сакер. «Сергей», — не назвав фамилии, приподнялся юноша в солдатской гимнастерке — и таким юным показался он Мине, что она приняла его за своего сверстника и была удивлена, когда хозяйка дома нажала кнопку звонка и распорядилась вошедшей горничной принести гармонь Сергея Александровича.

Тряхнув кудрями, юноша растянул гармонь и запел:

Играй, играй, гармонь моя!
Сегодня тихая зоря,
Сегодня тихая зоря,
Услышит милая моя...

Мина тогда так и не узнала, что этот юноша был поэтом Есениным, «Радунцу» которого она читала...

Мина Львовна Свирская. 1921 год.

Мы встретились с Миной в Москве летом 1920 года.

Как-то осенью она предложила мне пойти на вечер современной поэзии в Политехнический музей: «Будет выступать Маяковский!» Мне кажется, что никогда не было такого интереса и литературе, к поэзии, как в те го-

ды. Этот интерес проявили и сотни людей, желавших, как и мы, попасть на вечер поэзии. Увы! Опечаленные, мы спустились по лестнице, когда я услышал возгласы: «Мина!», «Сергея!». Навстречу нам поднимался румяный юноша (мне он показался очень юным) с копной золотых волос, откинутых наверх. Но мне не пришлось долго его рассматривать. С возгласом: «Мы опаздываем! Пошли!» — он схватил за одну руку Мину, за другую меня и устремился вверх, вводя нас за кулисы прямо на эстраду. У нас оставалось несколько минут до начала вечера. Мы уселись слева от стола президиума, и Есенин начал расспрашивать Мину, где она была, откуда приехала. Услышав, что она проделала путь от Владивостока, через Китай и Монголию, он сказал: «Я собираюсь в оренбургские степи, собирать материал о Пугачеве...» Нас обступили поклонники есенинского таланта, и вскоре начался вечер. Вел его Брюсов.

Он тогда назвал Есенина великим лириком и определил задачу современной поэзии: «вобрать в себя всю сокровищницу русского языка».

Второй и последний раз я видела Есенина в библиотеке НКПС. Я пришла туда за Миной и застала Есенина, который просил ее передать что-то Зинаиде Райх (кажется, деньги).

Видимо, эти встречи всколыхнули в моей памяти давние воспоминания, и она рассказала мне о первой встрече, а затем и дружбе с Есениным.

Их настоящее знакомство произошло на одном из «утренников» в Тенишевском реальном училище. Зинаида Райх предложила пойти на концерт артистов императорских театров Александровича и Курзнера. Народу было очень много, и они устроились на лестнице, которая вела на галерею. Вдруг пронесся шепот: «Клюев, Есенин», «Клюев, Есенин», «Клюев, Есенин», и в зале появились две фигуры в одинаковых костюмах: русских рубахах, поддевах и брюках, заправленных в голенища. Имена этих поэтов были Мине, конечно, знакомы, но в худом, стройном, казавшемся высоким по сравнению с Клюевым его спутнике она никак не признала исполнителя частушек в солдатской гимнастерке. А ее соседка, оглянувшись назад, вдруг произнесла: «А Володичку я пропусти!» — оноло них остановился Маяковский. Чтобы не мешать Зинаиде, Мина решила спуститься в зал, когда ее вдруг кто-то схватил за руку: «Здравствуйте, Мина!» Ее замешательство рассмешило Есенина: «Мы с вами познакомились у Сакерова». С этой встречи началась их дружба.

Однажды, в день рождения С. Есенина, после именинного

ужина на Литейном, который устроила Зинаида Николаевна, Есенин записал и протянул Мине листок со стихами:

От берегов, где просинь
Душистей, чем вода,
Я двадцать третью осень
Пришел встречать сюда.

Я вижу сонмы ликов
И шум их за вином,
Но журавлиных криков
Не слышно за окном.

О радостная Мина!
Я так же, как и ты,
Влюблен в свои долины,
Как в детские мечты.

Но тяжелее чарку
Я подношу к устам.
Как нищий, злато в сумку
С слезою пополам.

Была еще пятая строфа, но Мина ее не запомнила... Листок она вложила в свою любимую книгу «Былое и думы». В 1918 году, уезжая из Питера, она оставила книгу у своих хозяев. Книга исчезла, как и автограф Есенина. Но ведь стихи не исчезают... В 1963 году мой сын записал рассказ Мины на магнитофон, записал и стихотворение.

На этом кончается наш разговор.

Еще несколько слов о человеке, с любовью хранящем в памяти интереснейшие подробности из биографии поэта и записи его неизвестного стихотворения. Е. Дмитриева — старейший работник журнала «Знамя», автор работ о П. Павленко, Галине Николаевой, Вс. Вишневском и Вере Инбер. Несмотря на свой почтенный возраст, активно участвует — как секретарь комиссии СП СССР по литературному наследию П. Павленко, Г. Николаевой и В. Инбер — в жизни писательских организаций. В книгу воспоминаний, которую она готовит, вероятно, войдут и страницы, посвященные Сергею Есенину, и история его стихотворения.

Сергей КУНЯЕВ

лучалось, а одни истерические крики...). Разве можно свое чувство выразить словами... Мне нужен огонь, но, увы, словами огня не высечь мне (бездарен я!)

Я член гр. писат. «Октябрь», та самая, что ругает тебя! (недаром она мне «горячему» так «уждала») Опять о себе!..

Дорогой Сергей, читая Байрона, Пушкина, Лермонтова и, наконец, лирику Надсона и в корне изучив современную литературу — у меня создалось впечатление, что (ты) единственно настоящий поэт... Провинция сейчас преклоняется перед тобой (в городе одна лишь «Радунца»), а поклонников... не сосчитать!.. Но это нам не мешает «болезненно» следить за тобой по журналам.

У нас очень много есенинцев (так они и прозваны) — рабочие, женотделы, студенты, мещане, комсомольцы и даже пионеры... (У каждого сердце есенинское!)

И вот в корне изучив тебя, делаем везде о тебе доклады. А по ночам ходим и как помешанные пьем ведрами твои стихи!..

Дорогой Сергей, помоги нам! Оживи нас!!! Если ты нам прилетишь свои стихи (книги), мы будем счастливейшими в мире! Пожалуйста, Сергей! Я за твой «Березовый ситец» последние брюки готов зажать!..

Сергей ты гениален!!! Ты единственный поэт, который заставил меня трепетать перед твоим именем... Если «Радовская братия», где-нибудь таякает о тебе —

я болею душой... Я истерично слежу за твоей литературной судьбой...

Может быть, ты знаешь знаменитого украинского лирика Сосюру?.. Когда он был у нас в Николаеве, он также с благоговением произносил твое имя... Весь день шлялись и пухтели твоими стихами...

Самая светлая минута в моей жизни (горьких очень много!) будет та, когда я с тобой лично увижусь [...]

Надеюсь когда-нибудь тебя увидеть!..

Если бы Госиздат поскорее отстрочил мою книжку (а спрос на нее пока здоровый!), я мог бы на эту монету прокатиться к тебе... Пишу стихи, комсомолец...

Если не возгордишься и мне ответишь, пошлю свои стихи тебе... Дорогой Сергей, пожалуйста, ответь. Твой ответ осчастливит наш город, а в особенности твоих детей есенинцев.

И по возможности свои книги... книги...

Дорогой Сергей, ответь! С комсомольским приветом от всех твоих поклонников.

Яков Цейтлин.
Мой адрес: г. Николаев, Адмиральская ул., № 23

Якову Цейтлину...
Пришли свой адрес...

Именно об этом письме я и сказал при первой встрече моему собеседнику писателю-прозаiku Якову Цветову, последнему адресату Есенина...

И ПРИЛЕТАЮТ СНЕГИРИ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Х

рупкий и нежный, как цветок, светится фарфор сервиза «Утро». Кажется, что весь он пронизан лучами восходящего светила: это в узкие ложбинки-каннелюры вложена тонкая золотая нить. А рядом — плотные, земные формы кофейного набора «Бархатный», в котором так изысканны и артистичны легкие наплывы глазури на матовой поверхности керамики.

Тут же яркий задиристый квасник «Петух» соседствует со строгими, лаконичными линиями торжественных ваз.

— Стараюсь работать с разными материалами, в разных видах искусства, — говорит автор произведений, показанных на нашей выставке, народный художник РСФСР Михаил Михайлович Тараев.

Это убеждение он претворяет во всем: пишет ли маслом живописный пейзаж, ищет ли рисунок литья чугунной решетки витража, обдумывает ли роспись фриз для монументальных парадных ваз. Среди его изделий есть кашпо для цветов, которые встречаются в наших домах; парковые фонтаны и скульптуры. Вестибюль московского завода «Хроматрон» и зал приемов министерства иностранных дел украшают его цветные мозаичные витражи. А в Орловском драматическом театре можно увидеть созданные Тараевым светильники, бра, декоративные маски.

Но самой яркой страницей в творчестве Михаила Михайловича стали его работы по фарфору.

Глядишь на роспись «Русского сувенира», и возникают самые разные ассоциации. Словно невиданная птица разметала свое волшебное оперение. Задела крылом чайник, блюдо, печатку, отметила стенки сахарницы. Улетела, но свет свой оставила. А может быть, увидел художник хоромов девушек у светлой реки, алые, синие сарафаны, золото русских кос. Или ярмарочную веселую карусель, расписные полушалки, зовущие, манящие.

Иначе решен сервиз «Москва». В его формах округлость куполов старых храмов, в рисунке — акварельная размытость пейзажей новой столицы, тающих в туманной дымке современного города.

Разные темы, разные воплощения. Как же все-таки рождается образ, как возникает он в сознании художника, превращенный его талантом и вдохновением в уникальное явление искусства? В картине, в портрете это понятно: есть характер, индивидуальные черты. В исторической, жанровой композиции решение диктует событие. А в прикладном искусстве, в таких сугубо утилитарных вещах, как чайник, кувшин, тарелка? Сколько же их создано за тысячелетия с тех пор, как появился гончарный круг и люди стали делать посуду из глины! Вспомним знаменитые греческие амфоры, утонченные силуэты восточных сосудов, пышные росписи европейского фаянса, звонкую красоту русского фарфора. Кажется, все уже было, все испробовано: формы, линии, деко-

ративный узор. И все-таки, если художник талантлив, если не останавливается в своем творчестве на однажды найденных им самим образцах, он обязательно приходит к современным решениям, которые становятся открытием в искусстве.

— Круглая форма чашки отработана веками, — поясняет Михаил Михайлович. — В разное время художники пытались придумать что-то необычное, пробовали многогранники, прямоугольники — такие вещи можно сейчас увидеть в музеях. Но эти опыты остались единичными, не прижились. Ведь важна функция, назначение предмета, чтобы было удобно пить, держать, наливать. Здесь я не могу изобрести ничего нового.

Все дело, — продолжает он, — в цельности общего впечатления, в архитектонике вещи. В красоте линии, в пропорциональности. В ансамбле.

И в том, добавим мы, чтобы все это согревалось сердцем художника, освещалось его выдумкой.

— Мне близки, — замечает мастер, — идеи замечательного искусствоведа Александра Борисовича Салтыкова, знатока и теоретика прикладного искусства, который считал, что главное в фарфоре, керамике — цвет и силуэт. Этим его заповедям я стараюсь следовать, как могу.

Русские народные мотивы преобладают в творчестве М. М. Тараева. Многоцветье внешнего декора старинной архитектуры повлияло на росписи многих его работ. Знаменитый сервиз «Русский витьязь» своими очертаниями напоминает древнее городище — крепкое, могучее, белокаменное. Создавая это произведение, художник видел перед собой образ шлемоблещущего воина в кольчуге — отсюда и сверкающие завершения на всех предметах, и обводка поверху — вязь кольчужных золотых колец. А общее впечатление — символ Руси, торжественный и обобщенный монолит.

Порой даже обычные жизненные впечатления, трансформируясь в сознании художника, становятся в его произведениях неожиданными, интересными образами. Однажды за городом Михаил Михайлович увидел, как под окном за рябиной прилетели снегири. Светилось, играло яркое цветное оперение в свете медного январского солнца, и сами они казались прекрасными творениями искусства. Так родился сервиз «Снегири», где не только декор, но и очертания предметов заставляют вспомнить любимых в народе зимних птиц.

Тараев пользуется открытым локальным цветом — красным, синим, зеленым, золотом. Это буйство красок, он считает, более динамично и лучше выражает ритм жизни современного человека.

Люди, для которых он работает, отдают дань признательности и уважения творчеству мастера. Его произведения находятся в коллекции Русского музея, в музеях Загорска, Кускова, Саратова, Куйбышева, Астрахани. На выставках у его созданий всегда многолюдно. И редко у кого не мелькнет желание: такую бы красоту да в дом... Но нет в продаже фарфоровых сервизов, которые делает Михаил Михайлович. Не берут их заводы для тиража. Наверно, обидно это для художника?

— Выставочные произведения со временем обязательно влияют на производство, — говорит М. М. Тараев. — Сегодня они уникальны, а завтра новая линия, принцип росписи, цвет обязательно отзовутся на массовой продукции.

И в этом тоже радость художника.

гастроли

ПУТИ

К УСПЕХУ

Гастрольная афиша Северо-Осетинского государственного драматического театра сразу же заявляет о широте творческого диапазона коллектива.

Комедия, героико-романтическая драма, трагедия... Жанровое разнообразие репертуара говорит, что поиск своей интонации, своей темы в искусстве ведется театром в самых разных направлениях. Шенспир, Мольер, Горький, современная национальная драма, представленная пьесами Д. Темиряева, Г. Хугаева, Ш. Джикаева, — вот точки опоры, которые помогают выявить основные пути развития национального театрального искусства в Северной Осетии.

Трагедия Ш. Джикаева «Отверженный ангел» повествует о событиях столь далеких, что некоторая романтическая приподнятость режиссерской трактовки воспринимается поначалу просто как дань драматургическому материалу. Но развиваются события, сражаются с врагами герой Борахан, и за внешней помпезностью (так часто еще сопутствующей постановкам на исторические темы) вдруг угадываются интонации современные, встают вечные вопросы жизни. Борахан Б. Батаева превыше себя самого, превыше жизни своей ставит ответственность перед землей, что его выростила.

«Отверженный ангел» — дебют поэта Ш. Джикаева и режиссерский дебют актера А. Дзиваева, а народная драма «Честь отцов» написана и поставлена главным режиссером Г. Хугаевым — этот маститый художник отдал театру почти три десятилетия своей жизни. В спектакле много удачных актерских работ: Габо в исполнении Н. Саламова, Дими — Б. Батаева...

Сейчас много говорят и спорят о проблемах современной интерпретации классического наследия; все дружно ругают псевдоноваторов, но «наступление» на классику все же продолжается... Северо-Осетинский театр сказал свое веское слово в этой дискуссии, доказав спектаклем по пьесе Мольера «Тартюф» (режиссер З. Бритаева), что постановка самая традиционная может прозвучать современно; что актуальность — не во внешних атрибутах, а в образе мышления создателей спектакля.

Тартюф в блестящем исполнении Н. Саламова не просто ханжа и лицемер. Образ главного героя вырастает до обобщения. Страшен Тартюф оттого, что умен чрезвычайно, оттого, что циничен без меры. Театр затрагивает нас современнейшие проблемы, решая их с позиций глубоко нравственных и человеческих, не опускался до примитивной дидактики.

Пьеса М. Горького «На дне» (спектакль поставлен Г. Хугаевым) всегда интересна для исполнителей. Постановка еще не совсем сложилась, но неожиданность и убедительность трактовки образов главных героев, новизна режиссерских решений заслуживают пристального внимания. Прежде всего это Луна Б. Батаева. Сколько доводилось видеть благостных старичков, чья мудрость лишь угадывалась за традиционно навязчивой елейностью...

Луна же решителен в своей философии и непреклонно убежден, страшен потаенной, недоброй силой...

Присматривающийся к нему Сатин (М. Икаев) не то чтобы боится Луку, но его недюжинной силы опасается, и лишь в конце действия прорывается у Сатина яростное неприятие жизненной философии странного старца...

Театр приближается к пятидесятилетию, набирает силу, ищет свои темы. Многие еще предстоит сделать. Но найдено главное: репертуар, определяющий лицо театра.

Л. СЕМЕНОВА

Сцена из спектакля «На дне».

Фото М. Строкова

Предметы из сервизов «Утро», «Снегири», «Жар-птица». Квасник «Петух» и кружка.

Саяногорск. Центр города.

ГОРОД МОЙ, Я — С Т

Врач-окулист Зоя Дмитриевна Тюппиекова.

Саяногорск — город молодых семей.

В сентябре открылась новая школа.

Здесь добывают мрамор.

ОБОЙ...

20 октября Хакасской ордена Ленина и ордена Дружбы народов автономной области исполняется пятьдесят лет. В прошлом забытая окраина России с малопродуктивным скотоводством и примитивной промышленностью совершила гигантский скачок от отсталости к прогрессу, к высотам знаний и культуры. На службу человеку поставлена удивительная по красоте и богатству недр природа — здесь, на юге Красноярья, формируется Саянский территориально-производственный комплекс. На карте области появились новые поселки и города. Сегодня мы рассказываем об одном из них.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Мя города — Саяногорск. В него входят рабочие поселки Майна и Черемушки.

Место рождения — левый берег Енисея, там, где он резко вырывается из узкого коридора Западного Саяна в плоскую Койбальскую степь.

Особые приметы: две гидроэлектростанции — одна из крупнейших в мире Саяно-Шушенская уже работает и продолжает строиться и Майнская, которую начали строить.

День рождения — 6 ноября 1975 года...

Как ни молод Саяногорск, однако имеет свою давнюю историю. Когда-то здесь обосновалось старинное казачье село: шестьдесят дворов на узкой улице с глухими заборами. Куражились над ним степные и горные ветры, глухо шумели на енисейских островах осины и ветлы... Уже в наше время село стало поселком. Запомнилось, каким он был десять лет назад. Дорога-летник вилась-вилась по гравийной пустоши — прекрасной дарованной природой площадке (впоследствии тут и заложили СаАЗ — алюминиевый завод) — и уперлась в белые дома. Первое крупнопанельное здание строители Саяно-Шушенской ГЭС начали возводить здесь накануне 50-летия Великого Октября — разворачивалась строительная база. А еще через несколько лет выдал первую замечательную продукцию, сияющую всеми цветами радуги, комбинат «Саянмрамор»; он старше самого города.

Развивается Саяногорск разносторонне и бурно. За время от выборов до выборов возникло двадцать новых избирательных округов, население выросло вдвое, одних только новорожденных более пяти тысяч. Может быть, потому и выглядит он как неформившийся, но многообещающий, чувствующий свою силу подросток — взъерошен, угловат и неуклюж. Еще нет ухоженных, в тенистой зелени проспектов. Еще нет архитектурно завершенных ансамблей пло-

щадей, нет набережной, город пока что не приблизился к Енисею. Даже улицы без названий — Саяногорск прибавляется сразу кварталами и микрорайонами, говорящими о себе: Интернациональный, Ленинградский, Комсомольский, Заводской...

Зодчие ЛенНИИградо строительства разработали генплан Саяногорска. Главная артерия — она формируется — направлена перпендикулярно Енисею. Дома будут не только пяти, как сейчас, но и в 9, 12, 14 этажей. Застройки опояшет зеленая зона, она сомкнется с горно-таежными лесами и оградит жилища от разбойных набегов ветров. Уже сейчас украшением города стал городской парк. А магазины, торговый центр, Дворец культуры, детские сады, кафе... Уже построены поликлиники, больница (сравним: на всю Хакасию когда-то было всего две больницы и два врачебных пункта)!.. В новое художественно оформленное помещение переехал недавно загс. К этому учебному году открылась прекрасная школа для тысячи детей, третья в городе. Будет у них и собственный плавательный бассейн. Как тут не вспомнить, что до революции хакасы не имели своей письменности!..

Но самое, конечно, замечательное в Саяногорске — его жители. Здесь можно встретить представителей всех народов и национальностей Советского Союза. В Саяногорске живут Герои Социалистического Труда В. В. Полищук и А. Г. Маршалов; прославленный бригадир по монтажу гидротурбин, кавалер ордена Ленина В. С. Демиденко и молодой бригадир машинистов камнерезных машин Михаил Песочкин, удостоенный недавно ордена «Знак Почета» за участие в сооружении и реконструкции олимпийских объектов в Москве; педиатр Г. М. Тодикова — около семи тысяч ребят побывало у нее на приеме — и врач «Скорой помощи» Н. И. Ковов. Он не только спасает жизнь людям — он чемпион областной спартакиады и солист художественной самодеятельности, прекрасно поет...

Имена, имена... Строители, энергетики, камнеобработчики, металлурги, учителя и пекари... Всем им Саяногорск — ровесник десятой пятилетки — стал родным городом. И не случайно инженер-турбинист Валерий Горшков и строитель Андрей Чупров сложили о нем песню:

Город мой,
Я — с тобой,
Дай твою большую руку!..

В ночном баре, тихом, свободном, Васильев купил две пачки «Салэма», слабые сигареты с ментолом, которые нравились Марии, затем, как это делал всегда, не зная чужой язык, чересчур самоуверенно показал бармену глазами куда-то в джунгли бутылки среди зеркальной неразберихи, сказал на понятном во всех ресторанах мира полуанглийском, полунемецком языке:

— Джин унд тоник, плиз, битте зер¹.

Толстолицый бармен в ярком малиновом жилете, виртуозно поигрывая бутылками, льдом и бокалами, ослепляя эмалью снежных зубов, сицилийской чернотой глаз, сверканием крупной булавки в галстуке, радостно поприветствовал Васильева как давнего почтенного знакомого, хотя видел впервые, и ответил охотно, принимая его за немца:

— Айн момент. Битте зер².

Справа за стойкой сидела молодая пара вполне современной наружности, двое одинаково длинноволосых, в одинаково грубых свитерах, она держала сигарету в тоненьких пальцах, сонно потягивала из бокала, смотрела перед собой прозрачным стеклянным взором, загибая улыбкой края пухлого, детского рта, а он, обняв ее за плечи, шептал что-то на ухо ей, целовал в щеку, в шею, в губы, она бесчувственно продолжала изгибать углы младенческого рта улыбкой, пребывая в неподвижном, мнилось, наркотическом забвении. Рядом с ними пили коктейль пожилые американцы, видимо, супруги, он худой, до блеска кожи выбритый, заметен молодой, в спортивном клетчатом костюме, не по-стариковски острыми глазами оглядывал бар, молодую пару, Васильева, присевшего к стойке, и одновременно негромко говорил что-то своей спутнице, будто перекачивая во рту целлулоидные шарики, а она, тоже молодая, подруга, крупная телом, в довольно-таки кокетливой шляпке (наверняка купленной во время очередного прилета в Париж, 8 часов на «Бонинге», аэродром Кеннеди, Нью-Йорк — аэродром Орли), посасывала через соломинку фиолетовую жидкость, посмеивалась басом, выказывая прекрасные выпуклые фарфоровые зубы. И как показалось Васильеву, их любопытство, их незастенчивая жизнерадостность были хорошо обоснованы беспечальным странствием по Западной Европе, где не менее приятно, чем в Америке, тратить деньги, наслаждаться комфортом, сервисом, переменной мест, хорошим аппетитом и европейскими музеями.

Слева от Васильева в угрюмой сосредоточенности, уставая на кофейный автомат, распространявший теплый, тропический запах, одиноко сутулился над стаканом виски нелюдимого вида толстяк, тяжело сопящий, его багровая шея складкой наплывала на воротник пиджака, спина была круглой, подобная подушке; и был он похож на бывшего борца или тяжелоатлета, заработавшего деньги и теперь бесцельно путешествующего по миру; на волосатых руках переливались голубым огнем перстни, и пальцы его наводили на мысль о пристрастии к картам, крупной игре и азарту.

Это была привычка Васильева: наблюдать за людьми подробно, подчас вовсе уж открыто, делая нужные отметки в памяти, но сейчас его интересовало другое. Ему представилось, что Илья, следуя за ними из Рима, остановился здесь, в одном отеле, и вероятнее всего можно было его встретить либо в ресторане, либо

в баре. Ресторан, мимо которого он прошел, был совершенно пуст, пригашенный свет бра дремотно горел по бокам стеклянных дверей, только бар в вестибюле был весь в красноватом дымном озарении, здесь тихонько шелестела музыка, успокоительно плыла из этого зарева, и Васильев вошел сюда, сел к стойке, осматриваясь. Нет, человека, которого он мог бы мгновенно узнать и назвать Ильей, облик которого с детства врезался в сознание, не было в баре.

Между затяжками сигаретой он выпил джин с тоником, освежающий льдыстым холодом (кусочек гладкого льда коснулся его зубов), заказал «дубль» и снова осматривал немногочисленных посетителей в баре, уже останавливая себя, уже не понимая, почему так хотелсию минуту увидеть Илью, подталкиваемый подсознательным чувством. Но это же чувство вдруг предупредило об опасности, и разум начал тихо подсказывать осторожность и сдержанную позицию умудренного опытом человека.

«Значит, я боюсь с ним встречи? — подумал Васильев с презрением к самому себе... — Что я боюсь? Илью? Последствий? Разговора с ним? Нет, я обязан увидеть его в живых, своего бывшего друга, с которым в школе и на войне три пуда соли съели... Неужели действительно он жив, Илья? Не могу представить, что я его увижу!..»

— Нох айн дубль?³

Он услышал общительный голос бармена, произнесшего эти понятные для международного общения слова, и увидел, что тот, взбалтывая коктейль, весело косится в сторону американской пожилой пары, которая деловито наклоняла головы над разложенной на стойке свежей газетой «Коррьере делла сера», после чего заинтересованно взглядывала в направлении тучного человека с нелюдимой наружностью бывшего борца.

— Грация, нох айн дубль, битте⁴, — ответил Васильев на изобретенной им итальяно-немецкой смеси, стараясь разгадать причину веселой оживленности бармена, и тотчас убедился, что внимание американской супружеской пары направлено не на тучного человека, а на него, и бармен участвует в этой игре, являясь посредником между американцами и Васильевым.

С ослепительной и вместе извиняющейся улыбкой проворный бармен («экскуз ми, сорри!»⁵) осторожно потянул газету у американцев, осторожно пододвинул ее к Васильеву, выражая счастливое изумление на подвижном толстом лице, произнес, исполненный уважительного восторга: «О, вери гуд! Бон! Кара-шо!» И сверху газетной полосы Васильев увидел фотографию, на которой он вполорота стоял около своих картин, выставленных в Римском салоне, вспомнил, что вчера утром в отеле давал при помощи Марии интервью дон-кихотского роста, голоногой, рыжеволосой девице, не в меру накрашенной, быстро черкающей таинственные стенографические загогулины в блокнотике, подумал, что «Коррьере делла сера» опубликовала вчерашнее интервью, и либо бармен, либо американцы узнали его, хотя, конечно, маловероятно было встретить русского художника в этом отеле да еще сидящим в ночном баре.

— Синьор Вас-силь-ефф? — сказал по словам бармен вкрадчивым голосом и затем произнес длинную фразу, смысл которой, очевидно, заключался в приятной благодарности, потому что понятно было единственное слово «gracia».

³ Еще порцию? (нем.).

⁴ Спасибо, еще порцию, пожалуйста.

⁵ Извините (англ.).

«Упаси меня от заграничного тщеславия», — подумал Васильев, смеясь над своим самолюбием, с ужасом представил, какой утомительный разговор без знания языка могли надолго завести с ним, и, заметив любопытные взгляды, кивки, означавшие готовность к знакомству молодящихся американских супругов, казалось, намеренных незамедлительно подсесть вплотную, он забормотал «gracia, gracia» и торопился расплатиться, сделав вид, что и бармен и американцы ошиблись.

Ему было не по себе оттого, что именно сейчас, именно здесь, в баре, появилась газета с интервью и его узнали, что не так уж часто бывает, ибо хорошо изучил людскую наблюдательность — совпадения случайностей в доказательствах обманчивой известности не льстили и не утешали его, утомляя фальшью вынужденного внимания.

Подымаясь в номер, на второй этаж, Васильев неожиданно остановился на повороте лестницы и, стиснув зубы, подумал: «Я не прощу себе никогда, если не увижу его! Никогда не прощу!..»

В номере красновато брезжил ночник, но как только Васильев вошел, у изголовья разобранной постели вспыхнул узкий луч в лимонном колпачке, освещая на подушке лицо Марии, почудившееся утонченно-восточным, совсем девичьим, бледным под цветным мохнатым полотенцем, наподобие чалмы обматывающим ее еще не просохшие волосы.

— Не могу уснуть, — сказала она. — И димед-рол не помогает.

— Сигареты, — сказал он, бросив на стол «Салэм», и подошел к постели, встречаясь со взглядом Марии, вдруг испытывая к ней безудержную нежность — к болезненной бледности, к тонкости ее лица, готовый попросить прощения неизвестно за что, чувствуя сжигающую муку: она влекла, тянула его, эта единственная женщина, не раскрытая им до конца в течение всей их общей жизни, и неутоленная жажда не проходила много лет, не отпускала его.

Он наклонился и слабым нажатием губ коснулся уголка ее рта.

— Маша...

— Я очень устала, — сказала она жалобным голосом, а он, погружаясь в ее глаза, уловил переливчатый блеск какой-то тихой боли. — Пожалей меня, Володя, не трогай меня...

И, зажмурясь, она повернула голову к стене.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ночью кто-то пьяно запел на канале, потом неподалеку глухо заработал мотор, плеснула запоздалая волна, и все затихло.

А он, лежа на спине, прислушивался к каждому звуку, к дыханию Марии, заставляя себя не менять положение, чтобы не разбудить ее, и непрерывные человеческие голоса проходили в переутомленном сознании, точно прокручивалась магнитофонная лента записанных прошедших суток. И гусеницами выползали из тьмы буквы огромной газеты, навязчиво складывающиеся в незнакомые слова, что некой пирамидой должно было обозначать опасность и предупреждение, но какое предупреждение, какая опасность, нельзя было выяснить, прочесть — и это томило его в странном сновидении до момента судорожного рывка сердца, отчего разом облило жарким потом: «Илья! Илья! Он жив?..»

И уже в состоянии полуяви он хотел вообразить, как наступившим утром сойдет вниз, в ресторан, и здесь от углового столика стремительно поднимется тот прежний Илья с дерзкими, черными глазами, которые, вероятно,

¹ Джин с тоником, пожалуйста.

² Одну минуту. Пожалуйста (нем.).

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38, 39.

Юрий БОНДАРЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЫБО

можно было узнать среди тысячи людей, тот Илья, сверх меры самолюбивый, решительный, в сорок третьем году бесследно исчезнувший на Украине после ночного боя... Что они скажут друг другу? Что они почувствуют?

Под утро ему приснилось, будто он один в пустой даче, пронизанной мертвенным лунным светом, пробудился глубокой ночью от захлебывающегося лая собаки под стеной комнаты, где спал, и с ужасом сжалось сердце, когда лай собаки оборвался, точно ее задушили, — и наступила такая тишина, какая бывает порой перед убийством. В этой лунной тоске, опутавшей всю дачу мутной паутиной, он услышал, как хрястнули, зазвенели стекла, затрещала под чудовищной силой рама, и кто-то квадратный начал приближаться свинцовыми шагами к двери его мастерской. А тишина сжимала весь мир, и была такая тягость в этой всемирной безнадежности, что он задохнулся в одиночестве, прощаясь со своей неудавшейся жизнью, которую его друзья считали безоблачной, удачливой, счастливой... Потом кто-то в лунном сумраке голосом Марии сказал, чтобы он в последний раз пожалел себя, ее и семью, но ему стыдно было вслух просить прощения, а сердце разрывалось ужасом, и, задыхаясь, он вдруг прорвался куда-то сознанием, понял, что лай убитой собаки, безмолвие, страх, ожидание — это лишь сновидение, что он не на даче под Москвой, а очень далеко от нее, в чужом отеле и что надо окончательно проснуться...

«Да, я в Венеции, — вспомнил он с отчетливостью и осторожно, чтобы не разбудить Марию, потянулся к часам на тумбочке, но в потемках не разобрал стрелок, опять лег, закрыл глаза и тотчас за окном, пронизанным лунной, встревоженно залаяла собака и оборванно смолкла, то ли убитая, то ли задушенная кем-то, и он даже застонал, вновь окунаясь в круговое движение повторного сна — в периоды нервного переутомления он знал, что эти изнурительные повторы сновидений — его нездоровье.

Он принял душ, побрился, выкурил натошак сигарету и в восемь часов утра спустился в ресторан, чувствуя непрошедшее утомление во всем теле.

Ресторан был по-раннему просторен, занавески везде раздернуты, низкое утреннее солнце, разгоняя за окнами туман, косым потоком сверкало на тугих скатертях, на белых башенках накрахмаленных салфеток, на красном ковре в проходах, а большая терраса за открытой стеклянной дверью была в особенности веселой, солнечной, впуская свет с трех сторон.

«Неужели там он?»

И Васильев сначала не увидел четко, а представил там ожидающим его Илью, еще издали заметив на террасе единственного посетителя за крайним столиком, откуда удобно было наблюдать входящих в ресторан. Нет, он сидел не за угловым столиком недалеко от входа, как воображалось ночью, а возле стеклянной высокой стены террасы и, повернув голову, смотрел через пространство ресторана на Васильева, а тот шел к нему, уже плохо слыша возникшего сбоку толстенького румяного итальянца-метрдодела, спрашивающего о чем-то с солидной и дружеской любезностью.

— Я, я, данке шен! — машинально пробормотал Васильев, не слыша своих слов, не вкладывая в них никакого разумного смысла, потому что человек, в котором он подсознанием угадывал Илью, медленно подымался из-за стола, задавливая сигарету в пепельнице, и был не Ильей, не лейтенантом Ильей Рамзиным, а неким совсем другим, высоким, седым, заботливо выбритым человеком, в сером узкого покроя костюме, модно застегнутом на одну пуговицу, незнакомым чистоплотным иностранцем, с которым Васильев никогда в жизни не встречался. Но вместе с тем этот иностранец был Илья, с вроде бы прежней опасной и пристальной чернотой прищуренных глаз на коричневом, должно быть, загорелом лице, но Илья не свой, не близкий с детства, а вторичный, подмененный, проживший в неизвестной дали целую непонятную жизнь, как на другой планете.

¹ Да, да, благодарю (нем.).

Продолжение следует.

НЕУГАСАЮЩАЯ ТРЕВОГА

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО
БЛОКНОТА

И. ИРОШНИКОВА

Протяженность песчаных пляжей — не охватишь взглядом. Едва слышен шорох прибрежных волн. Теплый влажный песок под ступнями босых ног. Загорелые тела в упругих бросках — в цветущее от солнца небо взлетает мяч. Это — Рижское взморье.

Причудливо деревянный городок. Меж ним и морем пролегли дюны. Цепляясь кое-где обнаженными корнями за неверную эту, зыбкую, песчаную землю, сбегают с пригорков к морю сосны, ели... По узким, затонувшим в зелени улочкам, по широким проулкам движутся толпы отдыхающих. Многоцветное разнообразие одежд: кого и откуда не привлекает Прибалтика! Стучат по асфальту легкие каблучки, свободно летят по ветру волосы девушек. Малыши развалились в своих колясочках. Безмятежный, летний, курортный день.

И, охотно поддавшись этой безмятежности, бредешь к морю, навстречу колдовским его запахам хвои, водорослей, навстречу тугому свежему ветерку. И неожиданно и нежеланно вдруг увлеченный в привычном настроении нечто настораживающее. Кем-то негромко выговоренное, подхваченное, повторенное пронзительной памяти слово: КРАСНОДОН. Откуда залетело оно сюда, почему настойчиво зазвучало здесь?

...Здание районного отдела МВД на пути к морю. Витрина розыска. Крупным шрифтом в глаза: РАЗЫСКИВАЕТСЯ «...опасный преступник, совершивший тяжкие злодеяния во время Великой Отечественной войны в городе Краснодоне...»

Фотография. Видимо, давних лет. Крутоскулое жесткое лицо. Из-под выдвинутого надбровья глаза смотрят настороженно, цепко. Кто он?! Один из тех, кого в 41-м, 42-м годах предупреждали партизаны в своих листовках: «Оглянитесь, мерзавцы, кому вы служите? Кого продаете? Против кого подняли оружие? Не записано в человеческих законах большего преступления, чем измена Родине...»

У витрины люди. Как и я, остановлены неутраченной памятью войны. Тревожной. Теперь особенно. Так беспокойно в мире, так беспокойно! В войнах «малых» — в «локальных» вооружен-

ных конфликтах гибнут люди, рушатся семьи...

Существует статистика минувших войн — бесстрастное соотношение цифр. «Гражданское население» — не воюющее, те, к кому особенно жестоки бывают войны: дети (дети прежде всего). Женщины. Старики. Гибель их в первую мировую войну составила пять процентов общих потерь. Во вторую почти пятьдесят, точнее, сорок восемь. А случись третья — та «ограниченная» термоядерная, о которой столь хладнокровно рассуждают ныне за океаном, — какой статистикой она «одарила» бы человечество?!

...У витрины люди. Остановлены памятью войны — общей для всех. И своей у каждого. Кто, отходя от витрины, молча уносит ее в себе. Кто не может не выговорить.

Мягкий, с белорусским акцентом говорок. Неторопливый. Не обращен ни к кому в частности: «...Патроны они берегли, каратели. Не расходовали на малых. Норовили, чтоб враз: дитя с маткою. Не получится — выстроят над самой ямой в ряд. И прикладом по головам. Живой — не живой, закапывают. Земля не сразу приходила в покой над ними...»

И помердлив. И, видимо, вновь не совладав с памятью:

«А однажды налетели каратели на наше село. Ребят, кто попрыгаться не успел, погнали как раз те ямы закапывать. Я бы, может, с дороги убежал, мать плакала: «Они ж тебя замордуют — эти! Тем, которые в яме — что! Те — неживые...» Набрал в лопату земли, зажмурился, кидая не глядя. Аж слышу, в яме кто-то вроде гулит. Глянул — ой, боже ж мой! Женщина. Руки раскинула, не дышит. А подле нее — дитя, пуля, видно, его не достала. Коло матки сидит. Землю, что с лопаты моей, ручонками разгребает. Смеется. Думает, верно, играю в песочек с ним... Я коло той ямы как неживой упал...»

И совсем не в ответ на это, скорее всего не услышав, а лишь успев прочитать — голос, девичий: звонко и недоверчиво — «Разыскивается?! Да разве ж они еще ходят по земле?!»

Случается, ходят. Неопознанными. Изменив обличье и документы, вжившись в новый свой облик, как в раковину.

Вот хотя бы расследованное недавно на Брянщине (в городе Брянске слушавшееся) дело Антонины Макаровой, в пору оккупации — пулеметчицы Локотской городской тюрьмы. Опознана многими — не было, пожалуй, в Локоте человека, не знавшего «Тоньку-пулеметчицу» в то время.

А было так: попав сперва в окружение, месяц прожила в деревне у приютившей ее женщины. Судьба как будто и впрямь пре-

доставила ей возможность выбора: за деревней недалеко — лес, тот самый, Брянский, в котором партизаны. Это как бы по одну сторону. По другую сторону — дорога в Локоть, районный центр (в оккупации — «округ»). Там — полиция. Макарова выбрала Локоть. На суде говорила: «Каждый в то время устраивался, как мог...» Но и там могла бы по-другому устроиться, необязательно чтоб в полиции, утверждали свидетели, сами работавшие в то время попомойками, судомойками, прачками, только бы прокормить детей. Ей же, Макаровой, хотелось жить безопасно. «Уцепиться» за что-то устойчиво, так казалось тогда.

...Расстреливала она из «доверенного» ей гитлеровцами пулемета. Выполняя приказы оккупантов, партизан расстреливала. Подпольщиков. И тех, кто подозревался в связях с ними. Пулемет применяли при массовых расстрелах — производились таковые едва ли не каждый день.

Обреченных (так она называла их в своих показаниях) приводили связанными попарно, раздетыми почти донага, часто босиком, многие были изуродованы. Люди все больше молодые.

Ставили их над ямой в ряд, лицом к яме. Из ямы этой когда-то в поселке брали глину.

По команде фашистов Макарова ложилась за пулемет и «строчила» (ее слово), пока не падали все.

...Я видела поле, по которому люди проходили последний свой смертный путь. Не поле — выгон. До войны выгуливали на нем лошадей — тюрьма размещалась в конюшнях Локотского конезавода. (И вновь теперь носят по этому выгону, разметаив гривы, прекрасные, статные кони: победители соревнований, призеры). И «яму» ту видела, братскую могилу, поросшую свежей летней зеленью. И обелиск над ней с надписью: «Здесь похоронены советские граждане, замученные фашистами».

...Во время процесса судья спросил Макарову: «Перед вами были живые люди. Как вы могли стрелять в них?!» Она ответила: «Все они были для меня на одно лицо: небритые, грязные, истощенные». Подумав, добавила: «Может, иногда и сочувствовала, но ничем не могла помочь. Своя жизнь была дороже...»

На суде вопросы задают обычно по существу дела. Ее же заседатели спрашивали: «Как вы смотрели фильмы о войне?»

«Я старалась их не смотреть». «Как вы жили, наверное, хваталась за сердце при каждом стуке в дверь?»

«Забывалась в работе, среди семейных забот...»

Более тридцати лет она про-

жила под фамилией мужа. И ни муж, ни дочери, ни родные не знали о ее прошлом.

К следственным органам обратилась с просьбой: родным ничего не сообщать о существе дела. И не извещать их о дне суда. Ее семья жила в другом городе.

О себе говорила охотно. Со следователем, с адвокатом, с теми, с кем приходилось общаться в тюрьме. Как бы пыталась доказать, что не опасный она для общества человек — «время было такое».

Что же, возможно, в этом есть свой резон. В войнах гибнут не только жизни. Войны растлевают души людей. Взабаламучивают, поднимая со дна их глубинное — такое...

Но это разговор трудный, особый. Я же о деле Макаровой вспомнила лишь для того, чтоб ответить на девичий недоуменный вопрос: ходят ли еще по земле те, что предали свой народ, что на крови его и пепле пытались строить собственное благополучие? Ходят! И по нашей земле. И по чужим. Ринулись туда в страхе перед возмездием. Люди без родины. Перекачивают. Носит их из страны в страну. Где повезет — зацепятся.

Вот, скажем, Алексей Рубановский. Каратель — в звании и в чинах. Служил оккупантам сперва на Брянщине, потом в Белоруссии. Зацепился за американскую землю. (Да разве лишь он один?!)

...Сын священника — не зря об этом упоминаю. Перед войной был преподавателем сельской школы на Брянщине. В памяти знавших его остался человеком жесткого нрава. С коллективом школы был не в ладах. Впрочем, что пересказывать?

В собранных советскими компетентными органами материалах, бесспорно доказывающих его преступления во время второй мировой войны, есть, в частности, один любопытнейший документ, рукою самого Рубановского писанный, — справка о деятельности в карательных органах.

По форме — докладная записка. По существу — предельное самообличение. Текст этот привожу полностью, не исправляя ни речевых оборотов, ни синтаксических ошибок, лишь кое-где сократив.

«ДОКЛАДНАЯ

Начальнику отделения ЗИВА * города Бобруйска

На третий день после прихода германских войск в район Унеча (Брянщина) 20/9—41 г. мне было поручено организовать отделение полиции при станции Жудилово.

* Фашистский карательный орган.

С 21/9—41 г. я работал начальником этого отделения. Моим отделением была произведена очистка вверенной мне части района от жидов. Восстановление порядка, возвращение награбленного и незаконно приобретенного имущества населением из учреждений, организаций, баз, ссыльных пунктов. До назначения старост и бургомистров лично самому приходилось быть вершителем судеб отдельных личностей и деревень. (Кстати, о «вершении судеб»: директор школы, в которой работал Рубановский, был по его приказу арестован одним из пер-
вых.—И. И.)

...Решение споров. Ликвидация колхозов. Распределение построек, имущества колхозников, и взаимоотношений между властями и селами. С помощью вызванных полицейских близ расположенных деревень сельской полиции, которая также подчинялась мне разгромлена и уничтожена у села Дымова группа парашютистов, выслежен и убит бандит (читай — партизан.—И. И.) Черный, бывший районный судья. Арестовал и сдал выслеженного в деревне Свинухи Почепского района начальника финансового отдела. Сдал в ГФП (то есть тайную полевую полицию.—И. И.) не менее десятка скрывавшихся по деревням евреев случайно обнаруженных. **Всего не упомяну.** Пистолет, который имею при себе, также добыт мною у бандита (читай партизана.—И. И.). От комендатуры имел денежную благодарность получил корову. От ГФП лошадь. В мае 42 года в городе Унеча (Брянщина) был предложен любой дом и любая должность начиная от бургомистра города. Я изъявил желание работать начальником второго отдела ЗИВА.

Оттуда в декабре того же года был переведен на ту же должность в окружной город Клинцы, где работал до дня эвакуации. Мое участие в поимке двух парашютистов в Унече, в выезде на лагерь бандитов (читай — партизан.—И. И.) выслеживание в лесу и взятие радиста с радиостанцией, личные допросы бандитов относительно к второстепенной значимости своей работы т. к. это было уже подсказано мне моими секретными работниками и результаты были только следствием **умелого моего допроса.** К тому же подобных случаев в наших местах было очень много. Никаких взысканий никогда не получал... Никогда своих действий не афиширую, прошлой своей деятельностью я **удовлетворен.**

...Наверное, для полноты представления следует также взглянуть на Рубановского со стороны. Глазами тех, кто его знал в Бобруйске, куда он вместе с немецко-фашистскими войсками бежал с Брянщины.

Рубановский «был высокого роста, стройный, темноволосый. Одежду носил гражданскую, хотя имел немецкую военную форму. Имел плетку. Лично избивал при допросах».

«...Рубановский работал старшим следователем и заместителем начальника второго отдела ЗИВА. Занимался расследованием преимущественно групповых дел. По делам, которыми занимался Рубановский, выносились смертные приговоры».

«...Рубановский был на хоро-

шем счету. За хорошую работу, в апреле 44 года награжден медалью. Приказ о его награждении был оглашен на торжественном собрании...».

Последний раз Рубановского видели на нашей земле в июне 1944 года, перед освобождением Бобруйска. В круговерти бегства вражеских войск след его затерялся надолго...

Но, оказывается, он осел на жительство в США и пошел по стопам своего отца — стал священником.

Но если так, то знают ли его прихожане, кому они исповедуются? Кто отпускает им грехи? Из каких рук они получают благословение? И не лишает ли проповедника речи жестокая немота его памяти, когда вызывает он к милосердию?

Впрочем, если уж говорить о памяти, разве только о Рубановском речь?

Было так, что сразу после капитуляции Германии делегация английских парламентариев посетила гитлеровский концентрационный лагерь Бухенвальд. Известен текст их отчета. И хоть в нем приведены слова узников, утверждавших, что условия в других лагерях были еще много хуже, чем в Бухенвальде, отчет заканчивался так: «Мы пытались описать все объективно и сдержанно... и избегать субъективных эмоциональных выражений. Мы хотели бы, однако, отметить, что на основании собственных наблюдений мы пришли к глубокому и единодушному убеждению, что подобный лагерь свидетельствует о процессе падения, до которого может когда-либо дойти человечество. Впечатление от того, что мы видели и слышали в Бухенвальде, будет годами преследовать нас...»

Память второй мировой войны — эпохи газовых камер, душегубок, пылающих палачей крематориев... Тех, кто исповедовал и исповедует нацистскую веру, тех эта память не преследует.

«Стратегия тотального уничтожения целых народов? Продуманная система обезлюдивания планеты? Ужасы концентрационных лагерей? Фабрика смерти — Освенцим? Полночь! Пропанганда! Мистификация! Не было всего этого...» Так утверждают они в своих выступлениях, эссе, мемуарах, статьях. Заголовки статей сами говорят за себя:

«Вынужденная война». «Несуществовавшие газовые камеры». «Обман XX века». «Ложь об Освенциме». «Шум вокруг Освенцима».

Но «трава забвения» не найдена. Нет такой силы, что могла бы лишить человечество его Памяти.

...Не зря же комитет Всемирного наследия ЮНЕСКО в минувшем 1979 году включает территорию концентрационного лагеря Освенцим — Бжезинка, ставшего «крупнейшим кладбищем в истории человечества», в список объектов всемирно-исторического значения...

Никому не дано лишить человечество памяти! Кто-то из древнегреческих философов утверждал, что забывать труднее, чем помнить. Что ж! Наверное, он был прав.

...В безмятежность курортного дня на взморье грозно врывается смятение военных лет. Памятью Прошлого. Нынешнему тревогой!

Члены коллектива, завоевавшего переходящий приз «Огонька».

ПОБЕДИЛИ СИЛЬНЕЙШИЕ

17 сентября Дом культуры «Экспресс», гостеприимно предоставленный железнодорожниками города газовикам, все еще не имеющим своего Дворца, был переполнен — здесь собрались представители многотысячного коллектива ВПО «Оренбурггазпром».

Начальник объединения, Герой Социалистического Труда Ю. Ф. Вышеславцев сообщил о замечательной трудовой победе: 13 сентября оренбуржцы выполнили пятилетний план по добыче и переработке газа. На 36,4 процента вместо 33 процентов возросла производительность труда. Все четыре года с начала пятилетки коллектив награждается переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Двадцать три квартала подряд труженики газового комплекса удерживают переходящее Красное знамя Министерства газовой промышленности и ЦК профсоюза. Взяв повышенные социалистические обязательства в честь XXVI съезда КПСС, оренбургские газовики до конца года добудут и переработают сверх пятилетнего задания более 14 миллиардов кубических метров газа, получат 77 миллионов рублей сверхплановой прибыли.

Высоким достижениям способствует социалистическое соревнование под девизом «Эффективность и качество» на приз журнала «Огонек», который в этот раз завоевали газодобытчики оперативно-производственной службы № 15, руководимой В. В. Соловьевым.

Второй и третьей премией удостоены проходчики бригады В. А. Липатова управления буровых работ и коллектив технологической установки 05 газоперерабатывающего завода под руководством В. Л. Нечаева.

Собравшиеся тепло встретили поэта Александра Говорова, прочитавшего свои стихи, солистку Москонцерта Наталью Иртлач и концертмейстера Татьяну Гуменную, артистов Любовь Иванову (драматический театр имени Станиславского) и Михаила Полищука (театр Сатиры), исполнивших драматический этюд.

Во встрече приняли участие сотрудники «Огонька» — ответственный секретарь Д. Иванов и корреспондент Г. Куликовская.

В. КУЗНЕЦОВ,
контрольный пост «Огонька».
Фото А. Филиппова

«ОГОНЕК» В ОРЕНБУРЖЬЕ

Гусак

БАСНЯ

Евгений
ОЛЕЙНИК

Один молоденький гусак
(Излишней скромностью он
не грешил, признаться),
Окончив школу кое-как,
Решил в писатели податься.
А что?

Перо при нем всегда,
А остальное, право, ерунда —
Он не писал ли в школе

сочиненья?
О них учителя бывали иногда
Весьма недурственного мнения!
Решил — и сделал.
За какой-то час

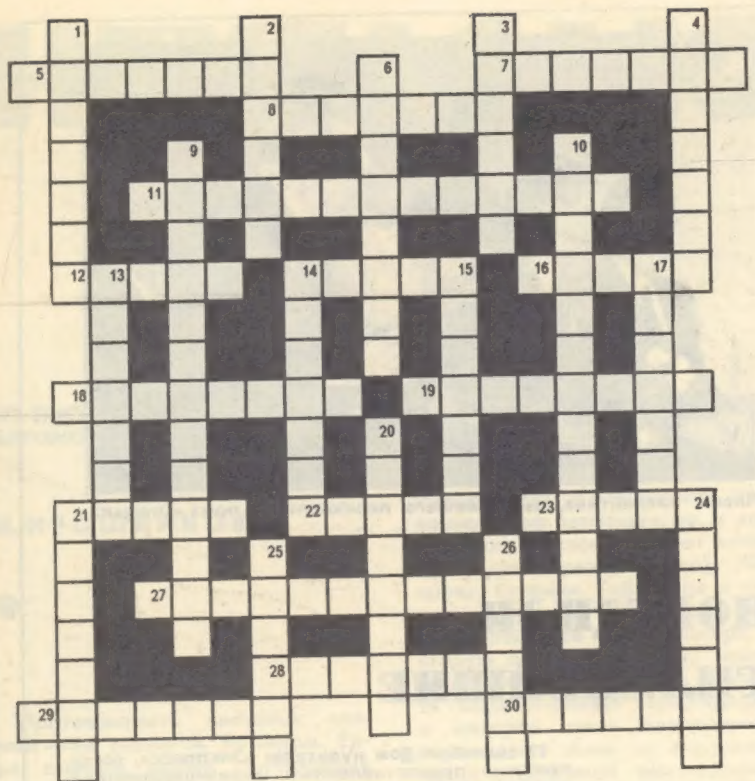
Был создан гениальнейший
рассказ.
Создатель, не успев еще остыть,
Во всю пустился прыть
В редакцию журнала,
Но там ему сказали:

«Сер у вас
по мысли и по слогу весь
рассказ».
— Да в этом не повинен я
ни малю! —
В ответ загготал Гусак.
— Все знают:

сер наш мозг.
А если так,
Его же серость к мыслям
и пристала!
Меня зажали! Режут без ножа!
Я буду жа-а-а!

* * *

Невежды,
самоуверенны полны,
На неудачу если натолкнутся,
Нередко и за ум берутся,
Да, жаль, не с нужной стороны.

По горизонтали: 5. Минерал, медная зелень. 7. Передающая телевизионная трубка. 8. Город в Краснодарском крае. 11. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Врождение умов». 12. Советский космонавт. 14. Ткань ярко-красного цвета. 16. Небольшое судно. 18. Опера А. Н. Верстовского. 19. Картина В. М. Васнецова. 21. Лесная птица. 22. Рассказ М. Горького. 23. Поверхность для воспроизведения световых изображений, сигналов. 27. Спортсмен. 28. Народный поэт Грузии. 29. Духовой инструмент. 30. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа.

По вертикали: 1. Кит. 2. Раздел, параграф в юридическом документе, словаре. 3. Стихотворение С. А. Есенина. 4. Небольшая промысловая рыба. 6. Художник-передвижник. 9. Характеристика размеров судна, тоннаж. 10. Коренное переустройство с целью усовершенствования. 13. Свойство тела сохранять состояние покоя или движения. 14. Птица отряда воробьиных. 15. Русский шахматист. 17. Большой круглый хлеб. 20. Чертежный инструмент. 21. Один из героев романа М. А. Шолохова «Поднятая целина». 24. Крупное травоядное животное, обитающее в Африке и Юго-Восточной Азии. 25. Полуостров в Центральной Америке. 26. Композитор, основоположник венгерского национального оперного искусства.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 7. Черкасов. 8. Динамика. 10. Проходчик. 11. Ферма. 13. Альпы. 15. Соломка. 17. Диплом. 19. Гитара. 20. Равель. 21. Вогота. 25. Гладков. 28. Метро. 30. Швейк. 31. Консилиум. 32. «Мойдодыр». 33. Теплоход.

По вертикали: 1. Пестель. 2. Рампа. 3. «Хорошо». 4. Чирчик. 5. Чайка. 6. Скрипка. 9. Фотон. 12. Медиатор. 14. Лаврентьев. 15. Сольвейг. 16. Астангов. 18. Медь. 19. Граб. 22. Предлог. 23. Ядрий. 24. Цейтнот. 26. Ландыш. 27. Окисел. 29. Октод. 30. Шмель.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Комсомолка Наталья Попова работает сборщицей в производственном объединении «Точэлектротрибор», коллектив которого завершает пятилетний план по Дню Конституции СССР. (См. в номере материал «Вдохновенный труд».)

Фото Н. Козловского и А. Нагальяна

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На родине Сергея Есенина. Константиново. Хата Есениных. * Комната матери поэта. * Кухня. * Утро в Константинове. * Двор усадьбы. * В хате.

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ [заместитель главного редактора], И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Д. К. ИВАНОВ [ответственный секретарь], Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорт — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.09.80. Подписано к печати 30.09.80. А 00428. Формат 70х108%. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2506. Заказ № 2949.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

В. МОРОЗОВА

Фото И. КУКОВА

Молодая женщина с темными выразительными глазами сидит в чем-то легком, восточном, сосредоточенно склонившись над шитьем. Ее тонкие, почти прозрачные руки уверенно ведут упругую непослушную ткань под четкую непрерывную строчку иглы швейной машинки. На крышке стола-секретера, на диване и даже на полу разложены рисунки, эскизы.

Я давно мечтала попасть в этот дом, к Ирине Крутиковой, художнику-модельеру отдела перспективного развития тканей и материалов Всесоюзного института ассортимента легкой промышленности, чьи модели не раз приветствовали зрители в нашей стране и за рубежом.

1967 год... Первый московский международный фестиваль мод. Законодатели мод 24 стран прибыли к нам в столицу. Высокий художественный вкус продемонстрировали советские модельеры. На работу молодых художников Иры Крутиковой, Лины Телегиной и Вячеслава Зайцева обратила внимание американская фирма тканей «Селаниз Файберз маркетинг» и заказала им сделать коллекцию моделей русской женской одежды из американских тканей. Цель договора — реклама тканей «Селаниз» и пропаганда искусства советских художников. Ира, Лина и Слава, полные смелых замыслов и дерзаний, ринулись в бой и с честью справились с этим необычным заказом. Первый общественный просмотр перед отправкой в Америку состоялся в Красном зале Общесоюзного Дома моделей одежды. Потом коллекция с успехом проществовала через всю Америку и страны Европы.

«Общая картина русских мод на сегодняшний день отражает большую любовь к культуре прошлого, глубокое понимание настоящего и близкое знакомство с международной модой», — писал в те дни один из представителей фирмы «Селаниз».

1979 год. Москва. Конгресс работников меховой промышленности стран СЭВ. Из двадцати наград, завоеванных советскими специалистами, двенадцать присуждены моделям Ирины Крутиковой, которые конструировала ее постоянный соавтор Татьяна Грачева.

Были медали, призы и на других высоких конкурсах, выставках, показах, но сначала были будни с горячими, жаркими спорами на рабочих комиссиях, художественных советах, поездки на фабрики, в научно-исследовательские институты, с которыми установлены взаимные многолетние деловые контакты, были терзания и сомнения. Жизнь настоящего художника-модельера совсем не проста. Он должен обладать высоким мастерством, безупречным вкусом, трудолюбием, а главное — быть беспрдельно преданным своей профессии.

— Иначе он не выдержит, — говорит Ира Крутикова. — А еще хочу добавить, что модельера не может быть без нашего старого друга — швейной машинки. Ведь любая твою идея, образ требует реального воплощения в вещи. И опробовать, выверить новую технологию, новый крой должен ты сам, у себя дома, на своей швейной машинке, так, как это делал встарь твой далекий прауродитель — кустарь-одиночка.

Если говорят, что счастливый человек родился в сорочке, то Ира, вероятно, родилась в сорочке собственного изготовления. Даже самые первые ее воспоминания детства связаны с пестрыми лоскутками, цветными нитками, иглами. Пока была маленькая, шила только себе и куклам. Решимость пришла позже. Тогда оказалось, что все эти детские изделия не просто привычные предметы одежды. В каждом из них было нечто несущее мысль, идею, образ. Иными словами, это были уже серьезные

ные заявки на настоящие модели, которые приносят людям много радости и эстетического наслаждения. Родители Иры всю жизнь работали в текстильной промышленности, но мама Иры до сегодняшнего дня не берет иглку в руки. И все же с ранних лет мама понимала и поощряла увлечение девочки, принимала его всерьез. После третьего курса Московского текстильного института Ире предложили продолжить обучение в Берлинском институте изобразительного прикладного искусства, институте, в котором преподавали такие известные профессора, как итальянский художник Мунки и художник-график из ГДР Моор.

Домой Ира привезла диплом с отличием и массу новых, интересных идей, впечатлений, задумок. Вот уже восемнадцать лет работает она художником-модельером. Ее основная тема — кожа и кожезаменители, пленка и пленочные материалы, меха, искусственные и натуральные.

Получая новый материал, художник-модельер совместно с конструкторами должен решить, как его лучше использовать. Приходится работать и со старыми тканями.

— Наша меховая промышленность давно и очень много выпускает искусственной смушки и каракуля. Модели ее были однообразны, скучны и не находили спроса, — начала свой рассказ Ирина Крутикова. — Наш отдел разработал новые современные модели с использованием искусственной и натуральной кожи, спилка (распиленной свиной кожи). Первыми нашу идею подхватили на фабрике

ПРОФЕС МОДЕЛ

«Белка», в городе Слободском Кировской области, а потом и другие.

Помню, в 1970 году очень остро встал вопрос об использовании бо-лоньи. Мы с Надей Федоскиной разработали для молодежи корот-кие легкие курточки без подклад-ки. На просмотре было высказано мнение, что одежда нежизненна, непрактична. А сейчас я с горечью смотрю, как эти самые куртки «за-товарили» наши магазины.

А сколько огорчений приходи-лось испытать, работая на мехо-вых фабриках. В том же Слобод-ском из отходов, лоскута натураль-ных мехов делали коврики под но-ги, детские игрушки, а раз в фаб-ричном профилактории я подиви-лась необычному теплу и мягкости матраца на кроватях. Подпорола крошечную дырочку и обнаружила обрезки меха. Сердце мое не вы-держало, сделала куртку из лоску-та овчины, из мутона. В работу шли обрезки в мозаично-пестром беспорядке. Красивый, легкий, теп-лый получился жакет из бракован-ных тонких кусочков шкурки пес-ца, также считавшихся неконди-ционными, не годными для суще-ствовавших в 1970 году стандар-тов. Мой жакет из лоскута норки в качестве образца провисел на Ка-занской фабрике три года. Все ни-как не могли решить: что это — отходы, лоскут и кановы должны быть расценки? К счастью, недав-но в «Союзмехпроме» было приня-то решение о более полном исполь-зовании лоскута и так называемых отходов меховой промышленности.

Сейчас на подиуме просмотрового зала ВИАЛЕГПРОМА «Мода-82». Сре-ди элегантных моделей есть рабо-ты Ирины Крутиковой. Водооттал-кивающие куртки и брюки, блестя-щие пленочные плащи, подбитые натуральным кроличьим мехом са-мых неожиданных цветов: оранже-вого, сиреневого, зеленого, голу-бого, розового. Так решила пробле-му некондиционных шкурок Кру-тикова, и плохонький мех сразу ожил, заиграл в таких удобных и теплых, таких необходимых в дождливую холодную осень под-стежках девичьих курток, женских плащей.

В лаборатории художника суще-ствует понятие «высокая мода». Это — открытие, опыт, экспери-мент. Он необходим для истинно-го творчества, хотя конечный ре-зультат его может быть и неудач-ным. Именно поэтому Ирина Кру-тикова так беспокойно живет, так смело отстаивает свои идеи.

На столе перед Ирой блокнот, с которым она не расстается ни днем, ни ночью и в шутку называ-ет «маленькие мысли». Тонких блок-нотов накопилось десяти. В них наброски, новые образы, проработ-ки отдельных деталей, рисунки мо-делей в объеме, идеи, мысли, воз-никшие часто неожиданно под вли-янием какого-то музыкального рит-ма, впечатления от виденного, слы-шанного на улице, в кино, театре. Сейчас в «маленьких мыслях» — впечатления от новых тканей, за-планированных на 1982 год.

— Будущее нашей моды, на мой взгляд, — говорит Ирина, — за бо-лее жесткими тканями. Отсюда и более четкие, геометрические фор-мы одежды будущего. Исходя из этого и предполагаю строить свою работу с текстильными фабрика-ми, институтами. Сдала партию ко-стюмов для очень молодого ин-тересного коллектива — тульского танцевального ансамбля «Ритмы планеты». Как видите, шью себе, двум дочкам, приобщаю и их к сво-ей профессии. Сейчас у нас в семье увлечение — шьем кукол. Этого молодого человека, так небрежно развалившегося в кресле, сшили мои дочки. Добродушный вязаный пес «Варежка» и меховой пудель — мое изобретение. Делаю я иногда заказы для московских театров.

Вот такая интересная, сложная, беспокойная жизнь человека по профессии художник-модельер.

СИЯ-
БЕР

